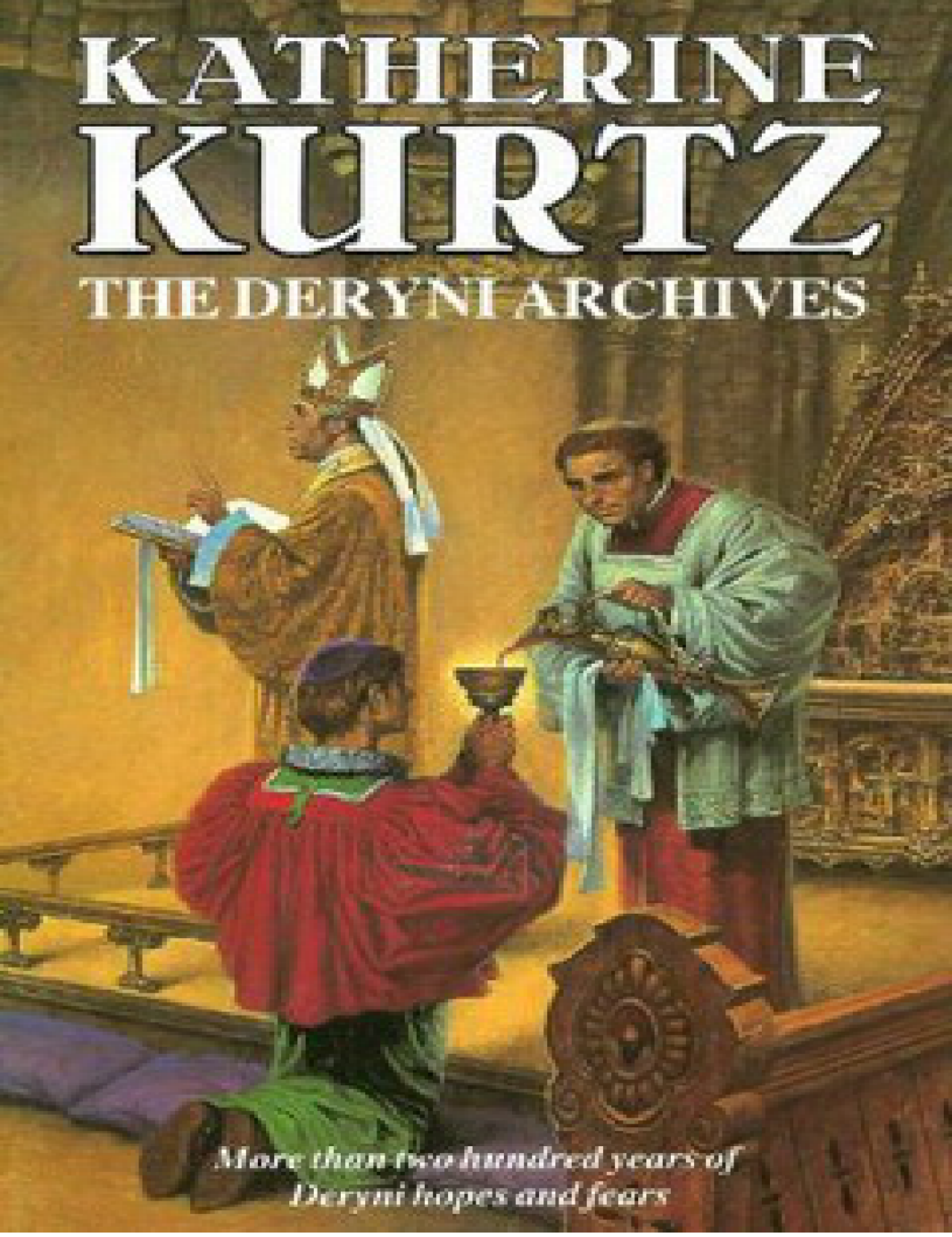
KATHERINE KURTZ

THE DERYNI ARCHIVES



More than two hundred years of Deryni hopes and fears

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сборник рассказов по миру Дерини.

«Все рассказы этого сборника, кроме первого, приходятся на времена между трилогиями о Камбере и Дерини, и служат для восстановления хронологии. В общем повествовании явно недоставало некоторых эпизодов, необходимых для сюжета и для его дальнейшего развития в будущем романе. Три рассказа были написаны специально для этого сборника и никогда ранее не появлялись в печати. Еще один не печатался некоторое время, а остальные не имели широкого распространения. Относительно романов все они канонические — то есть полностью согласуются с сюжетами. Большинство даже строится на эпизодах или с участием персонажей, которые упоминаются в романах. И в некоторых рассказах, помимо прочего, намекается на то, что будет происходить в следующих книгах». (К. Куртц).

- Кэтрин Куртц
  - Предисловие
  - С чего все начиналось...
  - Песнь Целителя
  - Призвание
  - Бетана
  - Посвящение Арилана
  - Наследство
  - Посвящение Дерри в рыцари
  - Суд
  - Приложение 1
    - Сокращения
    - Указатель персонажей
  - Приложение 2
  - Приложение 3
  - Приложение 4
    - Как началась серия
    - Сон, который породил Дерини
    - «Лорды Сорандора»
  - Краткое изложение трилогии «ХРОНИКИ ДЕРИНИ»
  - План романа «Возрождение Дерини»
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5

- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17

Кэтрин Куртц
«Архивы Дерини»

Предисловие

Добро пожаловать, читатель, в королевство Гвиннед, в мир Дерини. Даже если вы не бывали здесь раньше, что-то наверняка покажется вам знакомым, поскольку Гвиннед и соседствующие с ним королевства несколько напоминают наши Англию, Уэльс и Шотландию десятого, одиннадцатого и двенадцатого веков — уровнем культуры и техники, общественным устройством, степенью влияния средневековой церкви на жизнь каждого человека, будь то дворянин или простолюдин. Отличается же этот мир, помимо своих исторических деятелей и географии, главным образом наличием магии, поскольку Дерини — это раса колдунов.

Слово «магия» на самом деле не очень-то подходит для обозначения способностей Дерини, потому что многое из того, что они умеют, в наше время называется экстрасенсорным восприятием или ЭСВ. Телепатия, телекинез, телепортация и другие «паранормальные» феномены сейчас, на пороге двадцать первого века, когда наука продолжает расширять наши представления о человеческом потенциале, возможно, могут оказаться куда более нормальными, чем считалось раньше. Ведь многое из того, что сегодня является для нас наукой, для суеверного, феодального средневекового общества казалось бы магией. Людей того времени весьма насмешила бы сама мысль о том, что болезни вызывают невидимые микроскопические существа, называемые «микробы», ибо *каждый* тогда знал, что причиной болезни являются дурные гуморы в организме — а порою и Божий гнев.

Конечно, все «магические» феномены не может объяснить даже современная наука. Происходящие в Гвиннеде события усложняются тем, что и сами Дерини не всегда хорошо разбираются в многообразии собственной магии. Одной из ее форм являются прирожденные способности Дерини — функции из категории ЭСВ. Существует также сложная сфера ритуальных действий, которые, будучи произведены при соответствующем ментальном сосредоточении, помогают магу сконцентрировать силу, чтобы добиться определенных предсказуемых результатов. И, наконец, есть еще сверхъестественные возможности, магические для самих Дерини, подключаться неведомыми способами к неведомым источникам силы, за которые неизвестно чем должна расплачиваться бессмертная человеческая душа — существование которой тоже не вполне доказано. Этот последний вопрос всегда глубоко интересовал людей, занимавшихся

философскими изысканиями в сфере науки или религии, или эзотерических дисциплин. (И если мы определим магию как искусство по своему желанию что-то изменять в мире, тогда, возможно все силы Дерини являются магическими. Денис Арилан, в частности, размышляет о сверхъестественных факторах в посвященном ему рассказе).

В таком случае Дерини имеют способности и силу, которые недоступны большинству людей, — хотя и они не всемогущи. Лучшие представители этой расы, возможно, являются идеалом совершенного человечества — мы все могли бы стать такими, если бы научились преодолевать свою житейскую ограниченность и поняли свое высочайшее предназначение. Приятно думать, что в каждом из нас существует в зародыше Дерини.

Способностями Дерини, за некоторыми исключениями, можно научиться пользоваться, как любым другим умением; и кто-то из Дерини бывает более искусен и силен, чем остальные. Главное — овладеть равновесием, физическим, психическим и духовным, подчинить себе свое тело и свои ощущения. Большинство Дерини даже без надлежащего обучения способны снимать усталость, хотя бы на время, блокировать физическую боль и наводить сон — на себя самого или на кого-то другого, на Дерини и на простого человека, как с согласия этого другого, так и без согласия.

Еще один весьма полезный дар Дерини — целительский, но он редко встречается и требует специального, сложного обучения. Должным образом подготовленный Целитель способен заживить практически любую рану, если только успевает наладить исцеляющую связь с пациентом прежде, чем тот умрет. Болезни ему лечить несколько сложнее, из-за того, что прежде необходимо рассмотреть все симптомы, поскольку средневековая медицина знала уже кое-какие механизмы заболевания. (Врачи, и люди, и Дерини, проводили связь между гигиеной и уменьшением возможности заражения, но тогдашняя технология не позволяла еще понять, в чем эта связь заключается).

Кому-то могут и не нравиться упомянутые способности — такие, как наведение сна, например, ведь это может быть использовано во вред человеку, бессильному сопротивляться. Но еще опаснее для тех, кто не Дерини по крови, выглядят силы, не имеющие отношения к исцелению. Ибо Дерини могут читать мысли, часто без ведома или согласия человека; могут навязать другому свою волю. Самые высокоодаренные Дерини, как известно, способны даже принимать обличье другого человека.

В действительности существуют определенные ограничения в использовании всех этих способностей, но об этом знает мало кто

из людей, а те, кто знает, имеют искаженные представления. И то обстоятельство, что некоторые Дерини способны, сами не зная как, подключаться к энергии сил, противных воле Божией, отнюдь не умаляет человеческих страхов. И когда в рассказах взаимодействуют персонажи-люди и персонажи-Дерини, этот страх непонятного выходит на первое место.

Однако не всегда люди боялись Дерини как расы, хотя какой-то конкретный Дерини и мог внушать страх конкретному человеку. До Междуцарствия Дерини, во времена правления династии Халдейнов, великодушных королей, которые благоразумно поддерживали дружеские отношения с самыми высоконравственными Дерини, раса эта была довольно немногочисленной и достаточно осмотрительной при взаимодействии с людьми, и обе расы жили в относительной гармонии.

Дерини имели свои школы, религиозные институты и ордена, помогали своими знаниями и целительскими талантами каждому нуждавшемуся, и собственная их внутренняя дисциплина не допускала никаких грубых злоупотреблений великой силой, которой они владели. Разумеется, неприятные инциденты порой случались, ибо обладание большой силой всегда является искушением; но все-таки Дерини злоупотребляли ею крайне редко, поскольку до 822-го года мы не находим никаких свидетельств об общей враждебности по отношению к ним. В этом же году принц Фестил из расы Дерини, сын Торентского короля, внезапно вторгся в страну с востока и одним ударом уничтожил всю королевскую семью Халдейнов, за исключением двухлетнего принца Эйдана, которому удалось спастись.

В дальнейшем ухудшении отношений между людьми и Дерини следует винить правление Фестилийской династии, поскольку приверженцы Фестила I почти все были, как и он сам, безземельными младшими сыновьями и быстро поняли, как можно выгодно использовать преимущества своей расы в завоеванной стране. В первые годы правления новой династии король на многое не обращал внимания либо смотрел сквозь пальцы, поскольку слишком занят был упрочением своей власти и организацией органов управления.

Однако со временем эти злоупотребления силой становились все более вопиющими и нелицеприятными и привели в конечном итоге к изгнанию в 904-м году последнего короля Фестилийской династии (при посредстве Дерини же) и к реставрации власти прежнего, человеческого рода Халдейнов в лице Синхила Халдейна, внука принца Эйдана, который спасся когда-то от убийц Фестила I.

К несчастью, во всех грехах Дерини времен Междуцарствия стали винить не алчность и дурные побуждения отдельных индивидуумов, а саму магию Дерини. К тому же после Реставрации новый режим достаточно быстро перенял если не методы, то хотя бы цели прежних властителей. После смерти восстановленного на престоле короля Синхила все последующие короли более чем двадцать лет находились под влиянием регентских советов, поскольку сыновья Синхила умерли молодыми — в течение десяти лет — и наследником трона стал четырехлетний внук Синхила Оуэн.

И регенты, прекрасно помнившие все былые несправедливости, никак не могли упустить такой удобный случай перераспределить добычу Реставрации к своей выгоде. Желание обзавестись новыми землями, титулами и должностями заставило людей припомнить Дерини все их грехи в преувеличенном виде, в результате чего была забыта роль Дерини в самой Реставрации. Новые хозяева использовали любой предлог, чтобы завладеть богатством и влиянием бывших правителей, и через несколько лет Дерини, остававшиеся в Гвиннеде, начали постепенно лишаться всех своих политических, социальных и религиозных прав.

Церковь также сыграла свою роль. Под влиянием священников-людей политические игры приобрели философское оправдание всего за одно поколение, и очень скоро Дерини стали считать носителями зла, дьявольским семенем, которому даже церковь не может обещать спасения, — ибо праведный и богобоязненный человек, разумеется, не может делать того, что делают Дерини; следовательно, Дерини *должны быть* прислужниками сатаны. И выжить Дерини могли, только полностью отказавшись от своих сил, да и то оставаясь впоследствии под строжайшим наблюдением.

Все это, конечно, произошло не сразу. Но Дерини и прежде были малочисленной расой; и хотя целые семьи их постепенно лишались милости или уничтожались, многие из тех, кто не входил непосредственно в обладающие политической силой круги, как мирские, так и духовные, попросту не видели, как меняется баланс, пока не стало слишком поздно. Великие антидеринийские преследования, начавшиеся после смерти Синхила Халдейна, сократили число проживавших в Гвиннеде Дерини на две трети. Кое-кто бежал в другие страны, где принадлежность к расе Дерини не влекла за собой автоматически смертный приговор, но гораздо больше Дерини погибло. Лишь немногие успели уйти в подполье, скрыв тайну своей истинной личности; и почти все они даже потомкам не рассказывали

никогда, кто они есть на самом деле, отказавшись от былого величия.

Таковы самые общие сведения из истории Дерини, имеющие отношение к рассказам этого сборника; гораздо подробнее об этом повествуется в трех трилогиях, образующих мир Дерини. Трилогия *«Легенды о Камбере Кулдском» — «Камбер Кулдский», «Святой Камбер»* и *«Камбер-еретик»* — повествует о низвержении последнего короля Фестилийской династии при помощи Камбера и его детей, и о том, что случилось тринадцатью годами позже, после смерти короля Синхила Халдейна. Трилогия *«Хроники Дерини» — «Возрождение Дерини», «Шахматная партия Дерини»* и *«Властитель Дерини»* — переносит нас почти на двести лет позднее, когда нелюбовь к Дерини среди простых людей начинает ослабевать, но держится еще среди церковнослужителей. Трилогия *«Истории о короле Келсоне» — «Сын епископа», «Милость Келсона»* и *«Тень Камбера»* — это продолжение «Хроник»; дальнейшие же романы будут посвящены исследованию эпохи между царствованием преемников Синхила и вступлением на трон Келсона Халдейна.

Все рассказы этого сборника, кроме первого, приходятся на времена между трилогиями о Камбере и Дерини, и служат для восстановления хронологии. В общем повествовании явно недоставало некоторых эпизодов, необходимых для сюжета и для его дальнейшего развития в будущем романе. Три рассказа были написаны специально для этого сборника и никогда ранее не появлялись в печати. Еще один не печатался некоторое время, а остальные не имели широкого распространения. Относительно романов все они канонические — то есть полностью согласуются с сюжетами. Большинство даже строится на эпизодах или с участием персонажей, которые упоминаются в романах. И в некоторых рассказах, помимо прочего, намекается на то, что будет происходить в следующих книгах.

Но прежде чем вы приступите к чтению, мне, вероятно, следует сказать несколько слов о моем подходе к истории Дерини. Я упоминала уже, что провожу приблизительную параллель с реальной мировой историей, если говорить о культуре, уровне техники, типе управления, роли церкви и так далее. Однако читатели часто делают замечание, что читаются мои книги скорее как исторические, чем фантастические. Практически меня почти всерьез обвиняли в том, что я просто переношу реальную историю в несколько другое измерение.

Что ж, на это мне нечего ответить. Отчасти такое впечатление создается потому, конечно, что я училась на историка и хорошо разбираюсь в деталях и подоплеке реальных исторических

событий, откуда и черпаю.

Но случается, что я понятия не имею, откуда приходит материал — я просто знаю, что должно быть именно так, а не иначе. Когда меня спрашивают, что делал персонаж А после события Б, и я отвечаю, что не знаю, потому что персонажи со мной еще не разговаривали — я не шучу. Кроме того, добротно сделанные персонажи имеют тенденцию вести себя, как им хочется, а не так, как задумал автор. И мне остается отвечать только: «Я не могу доказать, что я права; я просто знаю, что дело было именно так». Порой мне самой кажется даже, что я просто подключаюсь к течению уже происшедших событий, и все, что от меня требуется, это сидеть, смотреть и описывать то, что вижу. Я подозреваю, что это знакомо в некоторой степени каждому автору. Но если читатели, когда речь идет о Дерини, столь серьезно относятся к вымыслу, поневоле задумаешься, не лежит ли все-таки в основе этого вымысла некая мифическая правда. (Я, пожалуй, могла бы рассказать, как чувствовала порой, что Камбер заглядывает мне через плечо, споря или соглашаясь с тем, что я печатаю, но ведь это не более чем моя причуда — не так ли?)

Итак, перед вами рассказы о Дерини и о тех, кто имел с ними дело, в том виде, как мне их преподнесли персонажи. Надеюсь, они вам понравятся.

Сан Вэли, Калифорния
июнь, 1985 г.

С чего все начиналось...

Осень, 888 г.

Хронологически рассказ «С чего все начиналось...» возглавляет всю написанную до сих пор историю Дерини, ибо действие в нем происходит лет за пятнадцать до «Камбера Кулдского». Он был написан для «Festschrift» в честь пятидесятилетия публикаций Андре Нортон. («Festschrift» — это антология, составленная в честь писателя из рассказов его друзей, тех авторов, кого вдохновило в свое время его творчество и кто желает воздать ему дань уважения.) Главным требованием было, чтобы рассказ мог понравиться самой Андре.

И поскольку я выросла на книгах Андре о детях и животных («Сын Стармана» — моя первая любимая вещь), я решила, что мне следует ответить такой же историей. Дети Камбера показались мне самыми подходящими кандидатами, поскольку у меня не было ни одного рассказа о Дерини до «Камбера Кулдского». А рассказ о Джореме, Райсе и Ивейн давал мне к тому же возможность еще раз вернуться к личности Катана, старшего сына Камбера, который в первой трилогии погиб довольно рано. Вдобавок у меня как раз скончались от возрастных осложнений мои любимые кошки, Симбер и Джилли, и рассказ этот мог стать им в некотором роде памятником — ведь у малолетних детей Камбера в замке Кайрори наверняка были кошки. (Собаки у них тоже были, но я, увы, не любительница собак и знаю о них немного. Да простят меня собачники, но в этом рассказе псы, боюсь, прожили весьма недолго.)

Из всего этого само собой вытекало, что Райс окажется Целителем и сделает для своего кота то, чего не смогла сделать я в реальности. Написание имени кота Cimber я изменила на Symber, потому что в предыдущем написании оно слишком походило на имя Камбер. Леди Джоселин называет Симбера «чертовым дылдой» — так моего Симбера во времена его подростковой нескладности называла моя мать; но он вырос со временем, как и в рассказе, в очень красивого кота. Джилли, которая стала безымянной белой кошкой, что спит у ног Катана, никогда не была нескладной. Даже во младенчестве это была вполне соразмерная миниатюрная кошечка, которая постепенно подрастала, — вот уж кто задергал бы возмущенно своим пышным хвостом, скажи ей, что она когда-то не была красавицей!

Итак, рассказ написан в честь Андре и в честь Симбера с Джилли. Его очень любил мой сын Камерон, который в то время, когда я писала его, был в том же возрасте, что и Райс с

Джоремом, и обожал кошек не меньше, чем я. Я думаю, что он любил рассказ «С чего все начиналось...» еще и потому, что, как в нем показано, даже дети Дерини, несмотря на все свои дарования, сталкиваются с теми же проблемами, подрастая, что и всякий другой ребенок.

Одиннадцатилетний Райс Турин, закусив губу и полностью сосредоточась, смотрел на красную фигурку лучника на доске между ним и Джоремом Мак-Рори. Затем передвинул ее на два квадрата, поставив под угрозу синего аббата Джорема.

Мальчик помладше следил в это время, как начавшийся дождь усеивает брызгами затуманенное стекло высокого окна, но, заметив на доске движение, резко повернул белокурую голову.

— Нет! Моего монаха тебе не видать! — вскрикнул он и вскочил на ноги, едва не перевернув доску. — Райс, это нечестный ход! Катан, что мне делать?

Катан, скучавший у камина пятнадцатилетний подросток, которому простуда не позволила отправиться на охоту с остальными домочадцами, с тяжким вздохом оторвался от своего чтения. У ног его дремала белая кошка, которая не шелохнулась даже, когда Райс радостно расхохотался и стукнул себя по рыжей, растрепанной голове.

— Ага! Я заставлю его отступить! Глянь, Катан! Мой лучник сейчас возьмет его аббата!

Катан вместо ответа высморкался и придвинулся ближе к огню, собираясь снова погрузиться в чтение, и тут военачальник Джорема решительно двинулся через всю доску, взял красного лучника, и ликование Райса сменилось ужасом.

— Отступить, вот как? — торжествующе сказал Джорем, садясь на место и победно сверкая серыми глазами. — Что теперь скажешь?

Уничтоженный Райс поежился в своей подбитой мехом тунике и уставился на доску. Откуда взялся этот военачальник? Что за дурацкая игра!

Другого результата ждать и не приходилось. В кардунет Джорем почти всегда у него выигрывал. Хотя. Райс был на целый год старше, и оба учились в аббатстве святого Лиама, одной из лучших монастырских школ во всем Гвиннеде, одинаково хорошо, но стратегического дара, такого, как у его молочного брата, у Райса просто не было. Джорем уже в десять лет заявил, что, достигнув совершеннолетия, вступит в орден святого Михаила и станет монахом-рыцарем — к огорчению своего отца, графа Камбера Кулдского.

Камбер возражал не против духовного сана — а Джоселин,

мать Джорема, была и вовсе довольна, что один из ее сыновей хочет стать священником. Сам Камбер часто рассказывал мальчикам о том счастливом времени, которое провел в юности в Священном Ордене, пока по причине смерти старшего брата не стал наследником графского титула, и ему не пришлось вернуться домой и заняться своими обязанностями. Наследником же титула Мак-Рори должен был стать брат Джорема Катан, если не случится больше никакого несчастья вроде лихорадки, что свела недавно в могилу их брата и сестру, и Джорем тогда будет волен следовать своему духовному призванию, в чем было отказано их отцу, Камберу.

Нет, Камбера беспокоил сам орден святого Михаила — его священники-воины порой слишком рьяно ратовали за то, чтобы Дерини, пользуясь привилегиями, которые дает им владение магией, не забывали и об ответственности за свои поступки. Камбер, сам могущественный и высокообразованный Дерини, с этической позицией монахов в принципе не спорил; и детей своих всегда учил, что долг должен стоять на первом месте.

Однако настойчивые попытки Ордена навязать свои философские взгляды обществу уже не раз доводили до беды — ибо Королевским Домом Гвиннеда были Дерини и среди тех, кто частенько злоупотреблял силой, встречались и царственные особы. До сих пор гнев короля обрушивался только на отдельных провинившихся, но вдруг Джорем станет монахом, а король однажды разгневается на весь Орден...

Правда, пока еще в школах ордена святого Михаила дети Дерини получали самое лучшее образование, какое только возможно, если не считать того весьма специфического обучения, которое проходили редкие кандидаты в Целители. Дар этот даже среди Дерини, благословенной — или проклятой, по мнению некоторых — расы, обладавшей многими психическими и магическими способностями, встречался не часто. Проблемы же между Дерини и людьми, да и между самими Дерини, возникали лишь из-за злоупотребления силой, часто происходившего по невежеству.

Потому-то Камбер и послал Джорема и осиротевшего Райса в школу при аббатстве святого Лиама — и не забирал их оттуда, даже когда Джорем возмечтал о вступлении в орден. Ведь мальчик не мог дать даже временного обета, пока ему не стукнет четырнадцать. А за четыре года многое может измениться. Вдруг Джорем перерастет свое детское увлечение отважными и решительными рыцарями святого Михаила, их красивыми темно-синими одеяниями с белоснежными кушаками и более трезво, если у него и впрямь духовное призвание, подойдет к выбору

ордена.

Райс же, хотя и с удовольствием посещал духовную школу, призвания к религии не ощущал. Пока он еще понятия не имел, чем бы ему хотелось заняться, когда вырастет.

Никаких грандиозных планов на будущее он не строил. Отец его, пусть и дворянин, был всего лишь вторым сыном и не наследовал ни титула, ни состояния. Мать его была близкой подругой леди Джоселин, и только поэтому младенец Райс не остался без крова над головой, когда родители его умерли от чумы всего через год после его рождения. Сам он был неглуп, умел хорошо считать и ладил с животными, как это умеют многие Дерини, — но эти способности еще не позволяли подобрать для юного дворянина какое-то занятие в жизни.

Лишь одно можно сказать наверняка, думал Райс, глядя на доску и отвергая один за другим приходившие в голову ходы: он не рожден солдатом. Военные тактика и стратегия, которыми так увлекался Джорем, были для него китайской грамотой. Учился он прилежно, к тому же Джорем, так хорошо разбиравшийся в этом, был его лучшим другом, поэтому экзамены сдавать Райсу худо-бедно удавалось, и он понимал, что у Джорема во всех военных делах просто природное чутье; равняться с ним мальчик даже не пытался.

И сейчас, глядя на доску и не решаясь сделать ход, он признавал сей факт с особенным унынием. Дождь, который стучал в оконное стекло и колотил по крыше, уныние это только усиливал. Началась настоящая гроза, и, невзирая на то, что был разгар дня, даже здесь, в верхней комнате, где было большое окно, и пылал огонь в камине, стало совсем темно и холодно.

С досады он пожелал Камберу, леди Джоселин и прочим хорошенько промокнуть — уехали себе с королем на охоту и бросили их тут с этой дурацкой игрой! Катан еще брюзжит и сердится все утро, вместо того чтобы радоваться, что сидит дома, в тепле, в сухой одежде, с кошкой и интересной книжкой.

Может быть, и вправду лучше почитать? Безнадежно сражаться с Джоремом Райсу надоело. Он решил уже бросить игру и пойти поискать какую-нибудь книжку, но тут в комнату вошла запыхавшись младшая Мак-Рори, Ивейн, с расплетшимися льняными косичками, таща своего черного кота Симбера. Она ухватила его под передние лапы, и туловище Симбера свешивалось ей до самых колен. Удивительно, но кот не возражал против такого обращения.

— Катан, Катан, там по лестнице кто-то ходит! — она пробежала мимо Райса и Джорема к старшему брату и принялась тормошить его с назойливостью, присущей только шестилетнему

ребенку.

Катан вздохнул, опустил книгу на колени и вытер нос уже насквозь промокшим платком.

— Конечно, ходит, — хрипло буркнул он.

— Катан, я не шучу! — не отставала девочка. — И в большом зале что-то звякает.

— Собаки, наверное.

— Собаки не звякают.

— Ну, значит, слуги.

— Не *слуги* это! — она топнула маленькой ножкой. — Симбер убежал от них. Он испугался. А слуг он не боится.

— Видно, попал под ноги кухарке, она и погнала его веником.

— Нет! — Ивейн прижала к себе кота. — Там кто-то есть. Пойди посмотри. Ну пожалуйста, Катан!

— Ивейн, не хочу я ходить по лестницам, — огрызнулся Катан. — И играть не хочу. Если ты еще не заметила — я простужен, и потому злой. Почему бы тебе не пристать к Райсу и Джорему?

— Они играют в свою дурацкую игру! Конечно, я маленькая, и меня никто не слушает!

Повеселевший Райс заговорщически подмигнул Джорему, который тоже сидел ухмыляясь.

— Мы тебя выслушаем, правда, Джорем? — сказал он, радуясь предлогу бросить безнадежную партию и заняться чем-нибудь другим.

Джорем, похоже, тоже устал от игры, потому что сразу согласился.

— Разумеется, выслушаем, сестренка, — сказал он, вставая и поправляя кинжал за поясом своей синей школьной туники. — Давай-ка ты нам покажешь, где там они ходят. Не дадим ворам утащить наше серебро. Как ты думаешь, слуг они связали?

— Джо-рем!

— Ну ладно, ладно! — Джорем сложил руки и попытался изо всех сил принять серьезный вид, какой надлежит иметь будущему рыцарю святого Михаила. — Я же сказал, пойдем посмотрим. Оставь Симбера, тут он будет в полной безопасности.

— Нет!

— Дай тогда я его понесу, — предложил Райс. — А ты нас поведешь и покажешь, что да где.

— Неси, — согласилась она и передала ему кота. — Но впереди пускай идет Джорем. У него кинжал.

— Хорошая мысль, — сказал Джорем, отворачиваясь и пряча улыбку. Он прижал палец ко рту, призывая к молчанию, и тихонько приоткрыл дверь, ведущую на лестницу, а Райс взвалил

кота к себе на плечо, придержав его снизу рукою. Кот тут же громко замурлыкал ему в ухо и принялся месить его плечо передними лапами.

Выходя вслед за Джоремом и Ивейн на винтовую лестницу, Райс заметил смущенную и несколько снисходительную улыбку Катана, но сделал вид, что не видит ее. Какое ему дело, что думает Катан? Если Ивейн считает, что опасную вылазку должен возглавить Джорем, она просто признает всем известный факт... ведь Катан не раз ругал Райса за его беспомощность в воинском деле. Зато своего драгоценного Симбера она доверила именно Райсу — а это выражение куда большего доверия с ее стороны.

Но все-таки и Райс не зря обучался военному искусству. Пока он спускался по лестнице, стараясь ступать так же бесшумно, как Джорем, как ступает кот, что мурлычет у него на руках, он мысленно заглянул в разум Симбера — вдруг там внизу действительно кто-то чужой.

Оказалось, Симбер и впрямь был напуган. Сейчас-то здоровенный черный котяра успокоился в ласковых руках и выражал свое удовольствие экстатическим мурлыканьем, мешая Райсу прислушаться как следует к его ощущениям; и все-таки мальчик уловил нечто, что не понравилось Симберу и заставило бежать к Ивейн в поисках защиты. И Райс усомнился почему-то, что это была кухарка с веником.

Он отправил Джорему ментальный посыл, но в этот момент брат и сестра Мак-Рори уже спустились с лестницы и оказались перед занавесом, закрывавшим вход в большой зал, и тут внезапно занавес раздвинулся, из-за него высунулись чьи-то волосатые руки, сгребли обоих детей и втащили в зал.

— Я же говорил, был тут ребенок! — прорычал грубый голос.

— Райс, Райс! — завизжала Ивейн.

Кто-то, явно побольше и потяжелее Джорема, громко выдохнул: «Уф!», и Райс, поднырнув под занавес, налетел вместе с котом прямо на клубок сцепившихся тел — одного взрослого и двоих детей.

— Катан! — завопил Джорем, вырвавшись на мгновение из рук незнакомца и изловчившись при этом выхватить из-за пояса кинжал. — Берегись, Райс!

Райс же в это время был занят тем, что пытался увернуться от вынырнувшего откуда-то еще одного человека. И тут кот Ивейн, больно оцарапав его, внезапно сорвался с плеча, Райс вскрикнул от неожиданности и чуть не упал, однако в тот же миг противник его завопил еще громче от удивления и ужаса, потому что Симбер, как оказалось, прыгнул на него и повис на руке, вцепившись в нее всеми когтями и зубами.

Грабитель выругался и замахал руками, пытаясь стряхнуть кота, но Симбер только глубже вонзил когти и прилип намертво. Райс хотел было дернуть грабителя за ногу и опрокинуть, но тот отмахнулся ногой, чуть не попав мальчику в голову, и Райс передумал. Он быстро огляделся по сторонам, пытаясь понять, двое грабителей или больше, и только успел удивиться, куда подевались собаки, как увидел, что Ивейн вырвалась на свободу, воспользовавшись тем, что противник отвлекся на кинжал Джорема. Она кинулась прямехонько на того, кто сражался с ее котом, и с силой пнула его в голень.

Грабитель взвыл и завертелся на месте. Кот в результате ослабил таки свою хватку. Грабитель попытался схватить Ивейн, не сумел и снова затряс рукой, надеясь избавиться наконец от злобного черного демона, нещадно терзавшего его плоть. Он так сильно взмахнул рукой, что Симбер сорвался и, отлетев, ударился в стену. Затем кот шлепнулся наземь и обмяк, а Ивейн отчаянно закричала.

Что было дальше с девочкой и котом, Райс уже не видел, потому что внимание его отвлекла новая опасность. Он поспешил на помощь Джорему, который явно проигрывал в борьбе со своим противником, пытавшимся отобрать кинжал, но тут внезапно появился третий грабитель. Он бросил мешок с добычей, схватил Райса одной рукой, а другой потащил из ножен меч.

Райс силился припомнить знакомые ему по тренировкам или хотя бы понаслышке приемы рукопашного боя, но что толку — он был безоружен, а противник — раза в три старше него и тяжелее. Кое-как увернувшись от удара, который должен был снести ему голову, он увидел наконец Катана — тот стоял у дверей на лестницу с мечом в руке и громко звал слуг на помощь.

Катан бросился на грабителя, который ловил Ивейн, но что происходило между ними, Райс не видел, занятый спасением собственной жизни. Ивейн нырнула между ног Катана и оказалась в безопасности у него за спиной, а внимание Райса отвлекла на мгновение ужесточившаяся драка между Джоремом и его противником. И тут внезапно правую ногу его обожгло сзади огнем, и Райс потерял равновесие.

Он схватился за раненое место и упал, терзаемый невыносимой болью и страхом, и попытался отползти от грабителя с мечом. Рука, когда он отдернул ее, была вся в крови, серый шерстяной чулок мгновенно стал красным. Райс увидел, что противник поднял меч, собираясь покончить с ним, дыхание у него перехватило, и он не смог выдавить из себя ни звука, но мысленный его крик заполнил весь зал и вырвался за его пределы. Он не сомневался, что сейчас умрет — и все же сделал

последнюю, отчаянную попытку увернуться от опускавшегося клинка.

Он так и не узнал, каким чудом подоспел Катан; увидел только взмах другого меча, отбивший смертоносный удар, и вслед за тем этот меч обрушился на голову грабителя, раскроив череп надвое. Во все стороны брызнули мозги и кровь, и Катан, не дожидаясь, пока рухнет поверженный враг, повернулся к противнику Джорема. Мужчина, который нападал на Ивейн, стонал теперь на полу, зажимая руками рану в животе и стараясь отползти подальше от Катана.

Тут наконец в зал вбежали слуги и помогли Катану одолеть и связать последнего грабителя. Только тогда Райс отважился сесть и взглянуть на свою рану.

О, Господи, какой ужас!

Он со свистом выдохнул воздух сквозь сжатые зубы, зажал рану рукой, и по щекам его покатились слезы.

Большое сухожилие с задней стороны икры было перерублено. Крови, правда, текло теперь меньше, чем вначале, хотя рана была глубокой, но ногу жгло и дергало все сильнее по мере того, как отходил шок. Такую рану может заживить только Целитель, но если это не удастся, Райс на всю жизнь останется хромым.

— Сейчас пошлем за Целителем! — пообещал один из слуг, побледневший при одном взгляде на ногу Райса. — Ты только не волнуйся.

Райс сдержал слезы, поскольку был уже достаточно взрослым и знал, что они не помогут, затем свернулся клубочком на левом боку и, закрыв глаза, подложил под голову руку. Чтобы расслабиться, он начал твердить про себя заклинание, снимающее боль.

И это помогло. Когда он открыл глаза, нога уже онемела, и страх немного отступил. Возле него стояли на коленях Джорем и Ивейн, девочка, шмыгая носом, укачивала на руках Симбера. Кот не шевелился, но еще дышал.

— Сильно ранен? — спросил Джорем, вытягивая шею, чтобы лучше видеть. — Иисусе, да он подрезал тебе поджилки! Крови, правда, немного. Ничего, отец скоро вернется. Мы с Катаном послали ему Зов.

— Я, кажется, тоже послал ему Зов, — сказал Райс, глубоко вздохнув, чтобы как-то унять вновь пробудившиеся страх и отчаяние, и ради спокойствия Ивейн изобразил кривую улыбку. — Ему и всем Дерини в двух графствах. Я думал, они нас поубивают.

— Они чуть не убили Симбера, — выдавила Ивейн,

всхлипнула и горестно склонила головку, прислушиваясь к неровному дыханию кота. — Этот злодей ударил его о стенку! Он еще дышит, но еле-еле.

Она подняла на Райса заплаканные глаза, умоляя сказать, что все будет хорошо, но тут Джорем чуть заметно покачал головой. Кот и вправду был плох. Райс, задумавшись, как облегчить ей предстоящую утрату, машинально подвинул здоровую ногу, чтобы подпереть раненую, и содрогнулся от боли.

— Мне очень жаль, малышка, — тихо сказал он. — Но, может, еще обойдется. Ты... положи его тут, со мной. Вдруг, когда придет Целитель, он сможет вылечить нас обоих. А я буду думать о Симбере и меньше буду думать о своей ноге.

Сглотнув комок в горле, Ивейн устроила кота в сгибе левой руки Райса, у самой груди. Бесчувственное тельце без слов говорило о том, как тяжко искалечен кот, и Райс погладил бархатную лапку кончиками пальцев и посмотрел на Ивейн, всей душой желая помочь как-то бедному зверьку.

— А ты... ведь ты не умрешь, Райс, правда? — спросила она очень тихо.

Он заставил себя улыбнуться.

— Не бойся, — сказал мягко. — Рана скверная, но она заживет.

Тут подошел Катан, нагнулся взглянуть на рану, потом тяжело опустился на пол и горестно вздохнул, вытирая нос заляпанным кровью рукавом.

— Эх... ну ладно, отец скоро привезет Целителя. Король послал с ним брата Сирилда. Это один из лучших Целителей. Проклятье! — он стукнул по полу измазанным в крови кулаком. — Почему я не спустился раньше! Почему я не пошел с вами, как просила Ивейн! Они дали собакам отравленное мясо, пока слуги были в погребе. И прекрасно знали, что в замке почти никого нет.

Тут явился управляющий спросить, что делать с пленниками, и Катан с Джоремом отправились присмотреть за ними, пока не прибудет Камбер. Ивейн же осталась с Райсом и положила ему на голову свои маленькие ручки, чтобы помочь войти в расслабленное, полудремотное состояние, уменьшавшее боль. Это Райс мог сделать и сам, как все, даже необученные Дерини, но оттого, что это делал кто-то другой, ему стало гораздо легче, и он забылся милосердным сном в ожидании приезда Целителя.

И снился ему кот, свернувшийся у него под боком, — будто бы Симбер прижался теснее и тычется холодным, влажным носом, и мурлычет так громко, что все тело его отзывается вибрацией.

Потом ему приснилось то лето, когда Камбер привез домой котенка, умильный комочек черного меха с оливковыми глазками

и острыми, как иголочки, коготками на кончиках бархатных лапок. К рождеству это прелестное существо преобразилось, как частенько бывает, в неуклюжего долговязого подростка с огромными, как у летучей мыши, ушами, несоразмерно длинными лапами и тонким хвостом. Леди Джоселин называла его тогда «этот чертов дылда».

Однако к следующему лету Симбер вырос и стал именно таким, каким обещал быть во младенчестве — гладким, грациозным, похожим на пантеру зверьком; таким его и помнил Райс — это был друг, утешитель и молчаливый наперсник всей семьи Мак-Рори, правда, Ивейн и Райса он как будто предпочитал всем остальным. И сейчас Райсу снился Симбер, мурлыкал ему в самое ухо, и звук этот убаюкивал мальчика и уносил его все глубже и глубже...

Раз он начал просыпаться, привстал было, но кто-то мягко уложил его обратно. Райс подумал, что надо подняться все-таки и посмотреть, кто там рядом с ним, но понял тут же, что это должен быть Целитель и что сопротивляться не следует. Он ощутил короткое встревоженное прикосновение к своему сознанию разума Камбера, затем разума леди Джоселин, но сил у него было слишком мало, чтобы проявить интерес к тому, что происходит вокруг. И он снова безвольно погрузился в сон, и снова замурлыкал кот...

А потом он действительно услышал у себя под ухом кошачье мурлыканье. Он все еще лежал свернувшись на левом боку и, когда открыл глаза, увидел у своей груди томно растянувшееся гибкое черное тельце, бархатные лапки, месившие руку, и почувствовал на щеке прикосновение холодного влажного носа. Справа стоял на коленях незнакомый человек в ярко-зеленой тунике Целителя и вытирал вымытые руки чистым полотенцем.

— Вот и славно, — сказал Целитель, удовлетворенно улыбаясь, — меня удивляет только, что ты сам не довел дело до конца. С котом у тебя получилось прекрасно.

— Что получилось? — тупо спросил Райс, ибо слова эти показались ему полной бессмыслицей.

Целитель только усмехнулся и, покачав головой, отложил полотенце. Райс подумал, что ему, должно быть, лет пятьдесят, хотя из-за веснушек, усыпавших нос и щеки, он казался моложе, да и седины было немного в редеющих рыжеватых волосах. Морщинок возле темно-карих глаз тоже почти не было видно, только вот аккуратная бородка и усы успели поседеть больше, чем голова. Он разрешил Райсу перевернуться на спину, но когда мальчик попытался сесть, придержал его за грудь.

— Не сейчас, сынок. Прежде чем ты начнешь двигать ногами,

надо убедиться, что я убрал все сгустки крови. Конечно, с такими вещами, как подколенные сухожилия, на себе самом справиться не так-то просто, — продолжал он, сгибая исцеленную ногу Райса в колене и легонько проводя рукой по тому месту, где была рана. — Лорду Камберу пришлось мне помогать. Гораздо легче исцелять, когда есть возможность свести сначала вместе поврежденные ткани. Когда же края раны разошлись на целую пядь, их свести нелегко и исцелить сложнее... Но ты еще узнаешь обо всем этом, когда немного подучишься. Ты и вправду ничего не знаешь? Кстати, я — Сирилд, королевский Целитель.

— А я — Райс Турин, — выдавил Райс, начиная понимать, о чем говорит Сирилд и чувствуя от этого легкое головокружение.

— Знаю, знаю. И скоро твое имя узнает великое множество людей. Ведь это настоящий праздник — обнаружить нового Целителя, — он перестал водить рукою по ноге Райса и осторожно выпрямил ее, потом задумчиво посмотрел на мальчика.

— Из твоих родителей кто-нибудь был Целителем?

— Нет. Но они умерли, когда я был совсем маленьким.

— Хм. А из других родственников?

— Не знаю, — тихо сказал Райс. — Я что... и вправду исцелил Симбера?

— Кота? Еще как! И почти полностью остановил кровотечение у себя самого, — Сирилд почесал Симберу грудку и улыбнулся, когда кот потерся головой о его руку и замурлыкал громче. — Так что тебе не за что меня благодарить, дружок. Отныне у тебя «есть» собственный Целитель, который всегда о тебе позаботится.

Райс, все еще не смея до конца поверить услышанному, приподнялся на локтях.

— Но если я... Целитель, — он произнес это слово с благоговением, — почему я не знал об этом? Почему мне никто не сказал?

— Видимо, никому в голову не пришло проверить, — сказал Сирилд, выбирая свои инструменты из таза с водой и вытирая их насухо. — Ведь монахи не могут знать все о своих учениках. Да и ты, в конце концов, не из семьи Целителей.

Он ссыпал со звоном чистые инструменты в зеленую сумку Целителя, и Райс вздрогнул.

— С другой стороны, ты только вступил в тот возраст, когда дар, если он есть, наконец проявляется, — продолжал Сирилд. — Конечно, дар Целителя можно обнаружить и раньше, если есть причина его искать; но частенько бывает так, что, пока его осторожно выявляют в ходе обучения, он вдруг проявляется сам,

если в нем возникает большая нужда, — он улыбнулся. — Наверное, можно сказать, что твой четвероногий друг послужил для тебя ка... *котализатором*?

Сирилд от души расхохотался над своим каламбуром, и Райс тоже не удержался от смеха. Он широко улыбался, когда Целитель помог ему сесть, потом сгреб кота в охапку и усадил к себе на колени, и Симбер своим довольным мурлыканьем, казалось, вторил его радости.

И когда Камбер и проникшийся почтением Джорем, Ивейн и все остальные домочадцы подошли к нему с поздравлениями, для Райса уже не существовало вопроса, чем он займется, когда вырастет.

Песнь Целителя

1 августа 914 г.

«Песнь Целителя» — это не рассказ, а, скорее, просто подробное изложение небольшого эпизода из жизни нескольких персонажей книг о Камбере. Целитель, разумеется, Райс; а песня его — это Adsum Domine, гимн Целителей из ордена святого Гавриила, основанный на постулатах этического кодекса Целителей. Камбер слышал часть этого гимна, когда, будучи Элистером Келленом, посетил вместе с Райсом аббатство св. Неота, в книге «Камбер-еретик», но случилось это через несколько лет после того, как он услышал его целиком в рассказе «Песнь Целителя». Здесь гимн Adsum Domine звучит во время магического посвящения в Целители новорожденного сына Райса и Ивейн, Тиега Джорема Турина.

Целительское обучение отличается от всех прочих видов обучения, и в ученики принимают лишь тех редких счастливчиков Дерини, у кого обнаруживается этот весьма специфический дар. К призванию Целителя Дерини относятся с таким же уважением, как к призванию священника, и считают его дающимся от Бога. И потому неудивительно, что Целители обучаются, в основном, при духовных орденах, таких, как орден святого Гавриила.

Но, кроме этой школы в аббатстве св. Неота, где учился Райс, есть и другие: гораздо более светская и практическая школа варнаритов в Грекоте, которую посещал Тавис О'Нилл (впоследствии Целитель принца Джавана), и еще одна школа Целителей, даже более элитарная, чем в аббатстве св. Неота, и, по-видимому, тоже с религиозной ориентацией, как при ордене святого Гавриила, где получил образование отец Эмрис. (Я лично подозреваю, что этот последний имел какое-то отношение к тому таинственному черно-белому кубическому алтарю, который нашли под Грекотой Камбер и Джорем.) Когда в последующих книгах Морган и Дункан начнут изучать внезапно открывшийся у них целительский потенциал, мы, конечно, узнаем о Целителях и об их обучении несколько больше. (То, что Джебедия использует несколько другую словесную формулу для обращения к Сторонам Света, наводит на мысль о том, что не только у Целителей Дерини существуют разные традиции обучения.)

Рассказ «Песнь Целителя» дает нам, помимо понимания этики Целителей, еще и некоторое, не менее важное, представление о существовании несколько иного вида ритуалов, чем те, которые обычно используют Дерини — это скорее религиозные обряды, нежели традиционные магические действия, весьма отличающиеся

от ритуалов передачи силы у принцев династии Халдейнов и от выстраивания различных магических защит, и от всего остального. Они не совсем христианские, хотя христианские священники — Джорем и Камбер-Элистер — ничего не имеют против, и Камбер даже совершает во время ритуала таинство крещения. Суть же в том, что этот обряд Дерини — весьма древний, старше, может быть, чем само христианство. И это говорит об определенной универсальности взглядов Дерини на мир — всепринятии в широком смысле, если хотите — а это что-то да значит для каждого человека, который когда-либо задумывался о своих взаимоотношениях с Созидающей Силой, сущность которой мы обычно называем Богом.

И, наконец, рассказ «Песнь Целителя» раскрывает для нас самые глубинные личные отношения Райса и Ивейн, не просто мужа и жены, но еще и магических партнеров, — и позволяет представить хотя бы отчасти богатство их физического, ментального и духовного взаимопроникновения. Каждому дано испытать подобную радость в отношениях с тем, кого он любит.

Третьи роды у Ивейн прошли гораздо легче, подумал Райс Турин, размешав поссет, заваренный на травах, и повернулся к своей жене, которая вместе с новорожденным сыном лежала в другом конце комнаты. Райс был Целителем, но как пройдут роды и он не мог знать, поскольку оба они с женой чуть ли не с момента зачатия чувствовали, что этот ребенок, в отличие от родившихся ранее сына и дочери, тоже будет Целителем. Во время беременности Ивейн часто ощущала в своем сознании пульсацию развивающегося дара ребенка. Порой ей даже нельзя было присутствовать, когда Райс занимался Исцелением. Боль пациентов тревожила плод и ее самое.

Но за пару недель до родов все затихло, и дару предназначено было дремать еще несколько лет. Ивейн посмотрела на мужа, который подошел к ней и наклонился над кроватью, протягивая чашу душистого вина, и улыбнулась. У груди ее покоилась рыжеватая головка сына, жадно, с причмокиваньем сосавшего молоко.

— Он уж точно твой сын, — тихо сказала Ивейн. Озорно стрельнув в Райса своими голубыми глазами, она взяла у него чашу и сделала глоток вина. — Если тебе мало, что у него дар Целителя — у него еще твои волосы, твой рот, твои руки...

Райс ответил ей такой же лукавой улыбкой, поняв и тот смысл, что был скрыт за ее словами, потом нагнулся и поцеловал вторую, невостребованную младенцем грудь, а далее внимание его привлекли губы, чуть влажные от вина. Обняв жену, он

прильнул губами к ее рту, нежно, но настойчиво, объял ее и своим разумом, и обоих захлестнула теплая волна спокойной радости, слившегося воедино его и ее удовлетворения. Чутье Целителя отметило легкий трепет женского лона, сокращение мышц, которое следует за появлением на свет ребенка, и Райс осторожно прилег на кровать рядом с женой, мимолетно приласкав ребенка, положил руку ей на живот и откинулся на подушки.

«Теперь тебе надо отдыхать, любовь моя», — мысленно прошептал он.

Она довольно вздохнула и вскоре заснула в его объятиях.

Так они и лежали — Ивейн и ребенок спокойно спали в тепле его рук, а сам Райс предавался дремотному созерцанию, — когда послышался тихий стук в дверь. Он знал, кто должен прийти, и, получив утвердительный ответ на свой мысленный вопрос, так же мысленно сказал: «Добро пожаловать!»

Трое мужчин, которые, улыбаясь, появились вслед за тем в дверях, все принадлежали к полувоенному ордену святого Михаила — они были подпоясаны белыми рыцарскими кушаками и при мечах. Двое носили синие орденские мантии, а третий и самый старший из них облачен был в пурпурную мантию епископа. Райс тоже улыбнулся им и частью своего сознания Целителя быстро оградил мысленным щитом спящую Ивейн, дабы ее ничто не потревожило. Гости приблизились к кровати, Райс свободной рукой взял руку старшего и коснулся поцелуем аметистового перстня. Мысленно он воскликнул: «Камбер!», но вслух произнес другое имя — по привычке и потому, что дверь в это время закрывал слуга.

— Как поживаете, епископ Элистер? — спросил он, пожимая руки остальным гостям.

Камбер Мак-Рори, которого все знали теперь как епископа Элистера Келлена, смотрел в это время с нежностью на свою спящую дочь и внука, затем погладил пушистую головку новорожденного и отвернулся, чтобы присесть на табурет, поднесенный одним из сопровождающих.

— Весьма недурно для старика, — Камбер усмехнулся, ибо, хотя ему было шестьдесят восемь лет, он не чувствовал себя и не выглядел даже на шестьдесят, сколько было тому человеку, обличье которого он носил. И он знал, что Райс это знает. — Надеюсь, и мать, и дитя благополучны?

— Да, отдыхают, как видите. Джорем, Джебедия, а вы как?

Джорем, по виду явно брат спящей женщины, только на несколько лет старше, пригладил растрепавшиеся от ветра светлые волосы и улыбнулся.

— Не знаю, как Джеб, а я чувствую, что стал старше. Ведь я становлюсь дядей уже в пятый раз, как тебе известно.

Райс засмеялся.

— Отцом ты не стал, зато ты — *святой отец*, — шутливо сказал он. — Вам, священникам, не на что жаловаться. Джебедию тоже никто *не заставлял* выбрать холостяцкую жизнь рыцаря духовного ордена.

— Так я об этом и не жалею, — ухмыльнулся Джебедия, сложив на груди руки. — Всякое призвание чем-то да вознаграждается.

Все засмеялись, поскольку эти четыре человека обладали в королевстве Гвиннед, пожалуй, большей властью, чем кто бы то ни было, даже и сам король. Камбер, как Элистер Келлен, был канцлером Гвиннедским, а еще — епископом северной епархии Грекота, весьма значительной. Прежде он был главным викарием ордена святого Михаила. Джорем Мак-Рори, сын Камбера и рыцарь-священник этого ордена, исполнял обязанности доверенного секретаря и помощника канцлера-епископа — и имел куда большее влияние, нежели подразумевала эта должность. Граф Джебедия Алькарский, Великий Магистр могущественных рыцарей святого Михаила, был маршалом и командовал всей армией Гвиннеда. Райс же был официальным Целителем Короны Гвиннеда и отвечал за здоровье трех юных наследников престола и самого короля.

Но сегодня Райса не интересовала никакая светская или духовная власть, он думал только о Целительстве. Ибо его жена, дочь Камбера и сестра Джорема, произвела на свет будущего Целителя — настолько редкий случай среди представителей магической расы Дерини, к которым они все принадлежали, что при обнаружении у ребенка дара проводился специальный ритуал.

По этой-то причине и явились в Шиил, поместье Райса и Ивейн близ столицы, три эти очень занятых и влиятельных человека — их привело не только желание увидеть нового члена семьи Камбера и поздравить родителей. Ночью Райс собирался по всем правилам и в согласии с обычаями Дерини посвятить своего новорожденного сына в Целители. А при сем обряде должны были присутствовать близкие родителей и ребенка.

Ивейн проснулась через несколько часов после того, как стемнело, приняла поздравления отца, брата и друга, а затем все поужинали, и пока она кормила ребенка, мужчины занялись необходимыми приготовлениями. То была ночь Праздника Урожая, первая ночь августа, и Джебедия привез из аббатства святого Неота испеченный утром хлеб, дабы преломить его в

честь праздника. Керамическое блюдо с этим хлебом поставили в центре покрытого белой скатертью стола посреди комнаты — то было самое лучшее подношение для предстоявшего посвящения, ибо в монастыре святого Неота учились многие из знаменитых Целителей. На стол был поставлен также кубок вина, не столь, правда, благородного происхождения, и чаши с водой, солью и елеем — во время церемонии дед собирался окрестить внука. Епископ возложил на плечи белую епитрахиль и подошел к мужчинам, вставшим в центре комнаты.

— Стены здесь защищены постоянными чарами, и круг нам выстраивать не обязательно, но я все-таки пройду его на всякий случай, — сказал Райс и, надев зеленый плащ Целителя, застегнул его у горла. — Джебедия, тебя я попрошу встать на восточной стороне. Отец, Джорем, вы, как всегда, — на южной и северной...

Все прошли на предложенные места, остановились в нескольких ярдах от стены и повернулись лицом внутрь круга, и свет свечей, стоявших на полу вдоль стен, озарил ореолом три внушительные, вселяющие доверие фигуры — две синих мантии, одна пурпурная. Ивейн же села на стул у западной стены, и с ребенком на руках, освещенная сзади свечой, казалась мадонной в золотом ореоле.

Успокоив предварительно разум, Райс двинулся, не торопясь, к Джебедии и, остановившись между ним и свечой, поднял обе руки на высоту груди и обратил их ладонями наружу. Застыл так на мгновение, пока энергия струилась меж его пальцев, сверкая и потрескивая, выстраиваясь в надежную защиту; затем прикрыл глаза и пошел вдоль стены, стараясь ее не касаться. Двое других мужчин склоняли голову, когда он проходил у них за спиной, видя внутренним взором невидимый поток энергии, остававшийся позади него и выглядевший для них как полоса зеленого огня.

Райс, завершив круг, вновь оказался за спиной Джебедии, медленно вытянул руки в другую сторону и, запрокинув голову, глубоко вдохнул энергию, вызванную им к жизни. Невидимый свет вспыхнул над головами присутствующих. Райс опустил руки и вернулся в круг, по пути дружески коснувшись плеча Джебедии. Пока он обходил комнату, Ивейн успела выйти в центр круга, и теперь она передала ему сына.

Распущенные волосы ее, схваченные вокруг лба тонким шнурком, падали на плечи сверкающим потоком расплавленного золота. И нервным трепетом отозвалось во всем существе Райса прикосновение ее рук, когда она передавала ему ребенка. Он вздрогнул, свободной рукой поймал ее руку и крепко прижал к

своей груди; взгляды их встретились, и два разума слились в столь пылком порыве, что энергию их взаимодействия успели ощутить все, кто был в комнате, прежде чем Райс вспомнил, что они здесь не одни. Он уловил долетевший от Камбера снисходительный и веселый импульс и, несколько поумерив силу своих чувств, но ничуть не смущенный, поднес руку жены к губам.

«Боже, как я люблю тебя! — мысленно сказал он Ивейн, не боясь, что его услышат другие. — И благодарю за сына».

Она не ответила ему ни словом, ни мыслью. Только улыбнулась, потянулась к нему, не отнимая руки, и поцеловала в губы. Затем чуть отодвинулась и, обойдя его кругом, встала сзади, но связь между ними по-прежнему сохранялась, словно горящее в очаге ровное пламя. Все повернулись лицом на восток. И хотя жена больше не касалась его, Райс чувствовал, что руки ее обнимают его, охватывают словно крылья, согревая и защищая. Она начала произносить хорошо знакомые слова первого призыва, и голос ее зазвучал чуть ниже, чем обычно.

— Вне времени и вне пространства земного находимся мы. По завету предков сошлись мы и стали единым целым.

Райс благоговейно склонил голову и сосредоточился на безмолвии внутри себя, легко касаясь губами рыжеватого пушка на головке сына.

— Во имя Твоих Благословенных Апостолов Матфея, Марка, Луки и Иоанна; во имя Праведных Ангелов; во имя Сил Света и Тени просим мы, спаси и сохрани нас от всех опасностей, о Всевышний, — продолжала она. — Отныне, и присно, и во веки веков. *Per omnia saecula saeculorum.*

— Аминь, — дружно выдохнули все, осеняя себя крестом.

Райс поднял голову, когда Ивейн вышла из-за его спины, и, обменявшись улыбками, они вдвоем приблизились к Джебедии под внимательными взглядами остальных. Рыцарь слегка поклонился и, пропустив их справа от себя, повернулся лицом к чуть заметно мерцавшей защитным полем стене. Затем обратился к Райсу с вопросом:

— Вы не будете возражать, если я прочту свой призыв? Ему научил меня отец, и он немного отличается от традиционного.

— Почтем за честь, — ответил Райс за обоих с легким поклоном, ибо, даже не глядя на Ивейн, знал, что она согласна.

Джебедия улыбнулся, заложил руки за пояс, выпрямился и начал читать призыв, обращенный к стражу востока.

— Благословен будь, Святой Рафаил-Исцелитель, Господин Ветров и Бурь, Князь Воздуха, Охранитель Востока! Пред тобою предстают ныне слуги твои, Райс и Ивейн, дабы посвятить сына

своего, рожденного Целителем!

Райс поднял сына, подержал мгновение над головою крошечный сверток, после чего все трое низко поклонились. И перед тем, как пойти далее, к южной стене, Ивейн тронула рыцаря за плечо кончиками пальцев.

— Благодарю, Джеб. Это было прекрасно.

Затем они подошли к Джорему, встретившему их довольной улыбкой.

— Я последую примеру Джебедии, если не возражаете, — сказал он. И, когда они встали справа от него, он обнажил меч, поцеловал рукоять в виде креста и поднял клинок, указуя на юг.

— Благословен будь, Святой Михаил-Защитник, кто победил Змия, Хранитель Врат Эдема, Князь Огня, Охранитель Юга! Пред тобою предстают ныне слуги твои, Райс и Ивейн, дабы посвятить сына своего, рожденного Целителем!

И опять Райс поднял на миг ребенка, все поклонились, и Джорем, опустив меч в знак окончания призыва, вложил его в ножны. Прежде чем отступить и дать им пройти, он поцеловал своего маленького племянника в лоб и благословил его. Ивейн нежно обняла его за талию, поцеловала в губы, и Райс ощущал эти объятия и поцелуй так, словно на месте Джорема был он сам. Затем они подошли к западной стене, где сидела прежде Ивейн. Она склонила голову, собираясь с мыслями, и приветственно вскинула руки.

— Благословен будь, Святой Гавриил, Вестник Небес, Князь Воды и Охранитель Запада, кто принес радостную весть Нашей Благословенной Госпоже! Пред тобою предстают ныне слуги твои, Райс и Ивейн, дабы посвятить сына своего, рожденного Целителем!

Райс поклонился, но дитя вверх не поднял.

— Ради матери этого ребенка вверяю я его также под защиту Госпожи Нашей, — сказал он мягко, глядя Ивейн в глаза. — Ибо Целительский дар — это дар милосердия и сострадания, а не только физического исцеления, и сердцу Царицы Небес любо и то, и другое.

Затем он в третий раз поднял сына, и, когда они поклонились, рука Ивейн коснулась крошечной ручки сына, и нежность ее слилась воедино с нежностью Райса. И наконец они подошли к Камберу.

Внешность его была иной, чем у отца Ивейн, ибо вот уже почти десять лет он носил чужое обличье ради спасения короля и королевства; и даже здесь, в этом священном круге, слишком опасно было скидывать его, покуда в том не было великой нужды. С годами они привыкли к этому, как к необходимой

предосторожности. И по сравнению с другими жертвами эта была не так уж и велика.

Ведь любовь, которой светилось чужое лицо, которая согревала сердца этих троих людей, была подлинной. Да и внешность Элистера Келлена давно стала для них привычной. Элистер, чье тело лежало в тайном склепе глубоко под землей, был теперь частью Камбера.

— Благословен будь, Святой Уриил, Властитель Смерти, которая никого не минует, — негромко начал Камбер, с достоинством, которое даровал ему возраст, а может, и неоднократные встречи с Темным Ангелом, и отсутствие страха перед чем бы то ни было.

— О, ты, кто владеет тропами лесными и всей сушей земной, Князь Земли, Охранитель Севера! — рука Камбера легла на плечо Райса, и тот почувствовал, как заструилась через него витальная энергия, перетекая к Ивейн. — Пред тобой предстают ныне слуги твои, Райс и Ивейн, и мои дорогие дети... — Камбер перевел взгляд на личико ребенка, — дабы посвятить сына своего, рожденного Целителем!

Свет неизменной любви Камбера словно следовал за Райсом и Ивейн, когда те, поклонившись, вновь подошли к Джебедии, чтобы замкнуть круг. После чего все собрались в центре комнаты, и Камбер, чья белая епитрахиль так и светилась в магическом поле, приступил к таинству крещения.

Райс передал сына Джорему и отступил в сторону, предоставив свершение этого обряда святым отцам. Часть сознания его готовилась к дальнейшему — ибо суть этого ночного бдения была еще впереди — другая же часть с бесстрастным интересом следила за происходящим. Ивейн присела на стул, он опустил руки ей на плечи, но был сейчас слишком сосредоточен на своих мыслях, чтобы испытывать к ней физическое влечение. Откинув голову, Ивейн прислонилась к его груди, однако он знал, что она чувствует, как он постепенно отдаляется от нее в ту область, что доступна только Целителю. Тем временем ее отец помазал головку ребенка елеем, коснулся его язычка солью, спрыснул водой и нарек ему имя Тиег Джорем, *«...in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, Amen»*.

Когда обряд подошел к концу, ребенка снова положили на руки Райсу, и все отступили на несколько шагов. Ивейн, доверчиво глядя на него, подалась в ожидании вперед.

Наступила тишина, особенно глубокая в этой защищенной со всех сторон комнате, и Райс прислонил голову к головке сына. Погрузившись в транс Целителя, он осторожно прикоснулся своим разумом к сознанию ребенка. Возникла хрупкая связь, и

ребенок вздрогнул во сне, когда встретились и слились на мгновение в невообразимой гармонии воедино два целительских потенциала.

Мысли Райса перескочили через годы назад, вернулись к прекрасным дням его ученичества среди монахов ордена святого Гавриила, и как наяву он услышал снова *«Credo»* своих учителей-Целителей. Сам Райс, не имея сильного голоса, в церковном хоре не пел, но слова помнил до сих пор. Когда-нибудь маленький Тиег еще услышит этот гимн во всей его красоте и познает всю тяжесть священного бремени, предназначенного ему; но сегодня хватит и одного голоса Райса.

Он прижал сына к сердцу и запел, и его густой баритон постепенно начал обретать силу и звучность. *«Adsum, Domine: Me gratiam corpora hominum sanare concessisti...»*

Узри меня, Господи:
По милости Твоей исцеляю я плоть человеков.
Узри меня, Господи:
С благословения Твоего прозреваю я души.
Узри меня, Господи:
Силою Твоею властен я над сердцами.
Не оставь, Господи, меня,
ниспошли силу и мудрость
Лишь по зову Твоему
служить Тебе дарами Твоими...

Это был старинный гимн *Adsum Domine*, включавший в себя сущность этических заповедей, которыми руководствовались все Целители, как миряне, так и священники, чуть ли не с тех самых пор, как Целители вообще появились среди Дерини. Друзья смотрели на Райса с удивлением, хотя, сознавал он, для них слова гимна, который он пел, не имели и малой доли той значимости, какой обладали они для Целителя — и так много теряли сейчас из-за того, что он пел один, без поддержки хора! Когда этот гимн пели Целители-монахи, гармония их голосов задевала самые потайные струны души всякого Целителя. И эти струны трепетали сейчас в памяти Райса, и прежняя эйфория охватила его, когда он допел вступительную часть и перешел к антифону. *«Dominus lucis me dixit, Ecce...»*

И сказал мне Господь Пресветлый: смотри,
Я избрал тебя, чадо Мое, человекам в дар.
Душу твою до того, как зачали тебя,
прежде даже, чем солнце зажглось,

Я отметил печатью Моей до скончанья времен.
Ты — Моя Исцеляющая рука,
Мощь Моя, коей Я возвращаю жизнь.
Через Меня познаешь ты дух Исцеляющих сил,
Темные тайны земли, лесов и долин.
Через дары Мои познаешь ты любовь,
Кою питаю к тебе: облегчай же боль
И человека, и зверя. Огнем души
Всякую порчу сжигай,
страданье развеивай сном.
И тайны Мои в сердце твоем храни,
ибо они — святыня, доверенная тебе.
Тайны же сердца другого не вызнавай,
Если он сам для тебя не откроет души.
Да будут руки твои чисты — исцеляй,
Да будет чиста душа —
прикоснись и даруй покой...

Все слушали Райса как завороженные; и, когда он, перед тем как перейти к последнему антифону, опустился на колени, он ощутил эту завороженность и благоговение, которое вызывали у его друзей сила, заключенная в песне, глубина и необъятность вселенной, подвластной Райсу, — и той великой ответственности, которую возлагала эта вселенная на его плечи.

На вытянутых руках он поднял сына, и песня его зазвучала как молитва. Ивейн словно оказалась рядом с ним, у локтя, хотя и не вставала со своего места. Сердца и разумы их слились, и нежный голос ее присоединился к его голосу, вначале робко, потом все смелее. *«Adsum domine...»*

Узри меня, Господи:
Все дары мои — у ног Твоих.
Узри меня, Господи:
Всего сущего Ты Творец,
Безраздельно правишь Ты Светом и Тьмою,
Жизни Податель и Дар Жизни — все это Ты.
Узри меня, Господи:
Предан я всецело воле Твоей.
Узри меня, Господи:
Жизнь моя — служение Тебе,
власть моя над плотию и духом — от Тебя.
Веди же, Господи, меня и сохрани
от всякого искушения,
Дабы с честию Тебе служил и не уронил Дара своего...

Он умолк, и благоговейная тишина окружила его. По щекам его заструились слезы смирения, ибо он явственно ощутил, что Небесная Благодать осенила этот священный круг, улыбнувшись его сыну, и, стоя на коленях, он благодарно поклонился. Затем медленно поднял голову и, оглядевшись, увидал, что все друзья его стоят на коленях, погруженные в глубокую задумчивость.

Только Ивейн смотрела на него блестящими от слез глазами, и он, поднявшись на ноги, бережно передал ей сына. Только Ивейн, подумал он, поняла, что сейчас произошло, как понял это он сам.

Опустившись на одно колено, он обвил рукою ее талию, прижался головой к ее плечу и с нежностью посмотрел на сына, Тиега Джорема, который однажды станет Целителем.

Призвание

24 декабря 977 г.

Действие в этом рассказе происходит в шестидесятую годовщину разрушения монастыря св. Неота, в его развалинах. Все шестьдесят лет продолжались начавшиеся этим разрушением преследования Дерини. Дерини перестали быть хозяевами Гвиннеда. Близился конец царствования короля Утера Халдейна, внука Синхила Халдейна, который вернулся на трон при помощи Камбера и его родственников; отец же Утера, Райс-Майкл Халдейн, с юных лет находился под влиянием настроенного против Дерини алчного Регентского Совета.

За эти годы всякое участие Дерини в управлении королевством постепенно прекратилось, а религиозные санкции, принимаемые Рамосским Собором, окончательно превратили принадлежность к расе Дерини в несмываемое клеймо — вначале ограничения предпринимались против власти Дерини вообще и магической власти в частности, но очень скоро приобрели нравственное обоснование, ибо церковь стала видеть в Дерини носителей и распространителей зла. Под вопросом оказалось само продолжение существования этой расы после того, как принятые Рамосским Собором законы имели силу на протяжении трех-четырех поколений. Епископские трибуналы отправляли Дерини на костер; а светские лорды, владевшие правом высокого правосудия, вольны были поступать с ними как заблагорассудится.

Джилре д'Эйриал — не Дерини, но он много слышал о них. Времена власти Дерини еще не стали столь далеким прошлым, чтобы умерли все те, кто еще помнил о них и мог рассказать, как это было, но очевидцев тем не менее становилось все меньше, и с каждым годом воспоминания их обрастали все более цветистыми подробностями и превращались в легенды. Жизнь Джилре до поры до времени была вполне типичной для представителей рыцарского сословия, ибо он должен был после смерти отца унаследовать титул барона д'Эйриала. (Титул этот наводит на мысль, что сэр Радульф д'Эйриал, отец Джилре, мог заполучить в свое время одно из имений, ранее принадлежавших Дерини или тем, кто им сочувствовал, ибо в Верхнем Эйриале в свое время находилась штаб-квартира Ордена святого Михаила, пока монахов этого ордена не изгнали из Гвиннеда.)

Но Джилре не хочет становиться бароном д'Эйриалом — хотя и вынужден подчиняться велению долга, пока неумолимая судьба не лишит его и этого выбора. Он обречен, и последнее, чего он может ожидать, выехав из дому в этот солнечный декабрьский день, так

это того, что чудом вновь обретет возможность выбора.

Если вдруг имя Симон покажется вам смутно знакомым, вспомните поездку Камбера в монастырь Св. Неота и молодого послушника-Целителя, который изучает процессы, происходящие в его собственном теле.

Было холодно и безветренно, когда Джилре, обреченный молодой наследник д'Эйриалов, остановил кобылу на вершине холма и оглянулся на дорогу, по которой ехал. Зимнее солнце достигло своего зенита, и от всадника с лошадью падала на нетронутый снег причудливая кургузая тень, но от того места, где юноша свернул с главной дороги, к холму тянулась четкая цепочка следов. Мало кто осмелился бы последовать сюда за ним, ибо путь его лежал к развалинам, в которых, как считали многие, водились привидения, но уж Капрус последует точно и разыщет его без труда. Капрус считал прямо-таки своей обязанностью всегда знать, где его старший брат, поскольку мать с рождения приучила его следить, не сделает ли Джилре какой оплошности, которая могла бы лишить его благосклонности отца и обратить эту благосклонность на сына от второго брака. Знал бы Капрус, сколь мало нужен титул его предполагаемому сопернику — и сколь мало времени остается до того, как титул этот перейдет к следующему наследнику: от брата к брату!

Но до смертного часа Джилре оставался еще не один месяц. А отец их уже умирал, и юноша не мог больше смотреть на его агонию. Хоть несколько часов могут Капрус и его мать посидеть возле умирающего без него; его не хватятся, пока старик не умрет. И пока Капрус не явится за ним, у Джилре есть время еще раз проверить свои желания и прийти к какому-то твердому решению. Здесь, в Лендорских предгорьях, хотя бы чистый воздух. В душной комнате больного отца он не мог больше выдержать ни минуты.

Джилре вздохнул, и в морозном воздухе повисло облачко пара, затем тронул каблуками бока лошади и пустил ее вперед, позволив ей самой выбирать дорогу и не сводя глаз с замаячивших впереди руин. Суровые местные зимы и более пятидесяти лет запустения довершили распад, начало коему положили разрушение монастыря и изгнание его обитателей. Окрестные арендаторы тоже немало поспособствовали процессу, соблазнившись голубым тесаным камнем, из которого получались добротные стены, очаги и овечьи загоны, и даже боязнь привидений не останавливала расхитителей. Местами от наружных стен не оставалось уже ничего, кроме фундамента.

О привидениях Джилре вспомнил, когда кобыла пробиралась осторожно по заваленному обледенелыми обломками

внутреннему двору и шарахнулась от выскочившего из какого-то укрытия кролика. По его мнению, место это неминуемо должно было порождать подобные страхи. Ведь когда-то монастырь был оплотом запрещенной магии. Здесь царило колдовство Дерини — колдовство, которое церковь осудила как зло, предав анафеме тех, кто его практиковал. Смертный приговор угрожал каждому Дерини, если только тот не отрекался от своих порожденных адом сил и не проводил всю оставшуюся жизнь в смирении и покаянии. И не имело значения, что здесь в монастыре обитали, по слухам, только целители и учителя целителей, ибо исцеляли они при помощи своих нечистых сил и, следовательно, при помощи Сатаны — так, во всяком случае, учили священники. Разрушители монастыря, рьяные посланцы регентов молодого короля, убили всех до единого монахов и заодно их учеников, осквернив пролитием крови святое место, осквернив злодейским убийством сам алтарь.

И злодеяния их этим не ограничились. Словно мало было убийств, мало было награбленного монастырского добра, они еще методично разрушили все, что не могли унести — разбили стекла, уничтожили чудесную резьбу по дереву, украшавшую алтарные завесы, сиденья для хора и дверные косяки, даже на камне оставив следы своих мечей и топоров, а потом запалили огонь. Пищей огню послужили редчайшие рукописи — среди еретических писаний Дерини были и памятники человеческого искусства, — а затем дубовые балки и тростник крыш. Пожар догорел через два дня, и тогда при помощи лошадей и веревок люди растащили все, что уцелело. Сегодня, спустя более чем полвека, лишь несколько стен поднимались выше холки лошади Джилре. После всего этого ничего удивительного не было в том, что местные побаивались призраков.

Джилре, разумеется, не встречал здесь ни одного привидения. Дерини во плоти он тоже никогда не встречал, правда, в этом он уверен не был, поскольку священники уверяли, что колдуны эти хитры и могут провести любого. Священники уверяли, что следует избегать даже мест, где когда-то обитали Дерини, — в детстве Джилре никак не мог понять, почему; да и теперь личный опыт говорил ему, что конкретно к этому месту их предупреждения отношения иметь не могут. Здесь уж точно не было зла. А что касается привидений...

Ох, уж эти привидения! Джилре миновал развалины сторожки у бывших ворот и направил кобылу к руинам подвала, над которым возвышались когда-то спальни монахов и учеников. Ему вспомнился разговор, который завел он однажды со старым Симоном об этих пресловутых привидениях, — и тот

насмешливый снисходительный взгляд, которым ответил ему старик.

Конечно, кому было и знать! Старик жил в этих развалинах, когда еще отец Джилре был мальчишкой. Если тут и водились привидения, Симона они не беспокоили — как и Джилре.

Однако не вовремя обратился он мыслями к былым временам вместо того, чтобы следить за дорогой. Джилре не приезжал сюда с тех пор, как с ним произошло несчастье, и забыл то, о чем помнила кобыла — неожиданно для него она скакнула вниз, на дно бывшего погреба. Не так это было и глубоко, всего-то по брюхо лошади, но Джилре прыжок застал врасплох, и, пытаясь удержаться, юноша непроизвольно напряг правую руку. Он чуть не выпал в результате из седла. Руку от запястья до плеча пронзила столь сильная боль, что он едва не потерял сознание.

Остаток пути он проделал, растеряв все мысли, опустив голову в подбитой мехом шапке на грудь и держа бесполезную правую руку под кожаной курткой для верховой езды, чтобы уберечь ее от толчков. Добравшись до ниши, которую обычно использовал в качестве стойла, спешился он без особого труда; но когда попытался ослабить подпругу, оказалось, что сделать это одной левой рукой невозможно. Сдержав слезы гнева и разочарования, он похлопал кобылу по шее и, оставив ее как есть, начал карабкаться по занесенным снегом булыжникам во двор монастыря. При этом меч его, подвешенный весьма неудобно ближе к правому боку, нещадно путался в ногах, и несколько раз он чуть не упал, споткнувшись, отчего жаркие слезы снова выступили на глазах, как ни старался он с ними справиться. Но когда он выбрался на ровное, освещенное солнцем место, где идти было легко, горечь отступила.

Все здесь навевало приятные воспоминания. В детстве он частенько незаметно ускользал сюда поиграть, представлял себе, что разрушенная церковь цела, и был счастлив, ни на мгновение не подозревая, что у него будет отнят всякий выбор прежде, чем он успеет его сделать.

Он уже тогда страстно мечтал стать священником. Игры его отражали его мечты — он *был* священник, и служил мессу с желудевой чашечкой вместо потира и дубовым листком вместо дискоса. Однажды он рискнул рассказать об этом старому священнику, своему домашнему учителю, и спросил, возможно ли ему стать когда-нибудь священником, но старик разворчался, прочел ему целую проповедь и назначил суровую епитимью — не только за кощунственные игры, но даже и за сами мечты о духовном сане, ведь он был старшим сыном лорда. В священники могли идти младшие сыновья знатных родов, но уж никак не

наследники. В довершение ко всему отец Эрдик нарушил тайну исповеди и рассказал обо всем его отцу.

Отец отреагировал, как и следовало ожидать, весьма сурово: по голому заду Джилре щедро прогулялись березовые розги, а потом он просидел взаперти неделю на воде и хлебе. Нескоро удалось ему снова выбраться из дому без присмотра, и никогда больше не доверялся он нарушившему обет священнику. Но свои богослужения с желудями и листьями все-таки не забросил, хотя с возрастом осознал, конечно, всю несерьезность этих игр, и они прекратились сами собою, сохранившись только в памяти.

Вспомнив те времена, Джилре улыбнулся невольно, дивясь своей тогдашней невинности и наивности. Сейчас ему уже двадцать лет. Он по-прежнему наследник и вот-вот станет бароном д'Эйриал. На прошлую пасху его посвятил в рыцари сам король Утер, который, зная об ожидающем его наследстве, называл его Верным и Возлюбленным Другом. Любой на его месте был бы счастлив; но все, чего хотел Джилре д'Эйриал на самом деле, это стать священником.

Улыбка его угасла, и, развернувшись, он медленно, тщательно выбирая путь среди обугленных балок и обломков камней, побрел через двор к тому, что осталось от часовни. Кое-где на снегу валялись свежие овечьи катышки, свидетельствуя о том, что какие-то живые существа здесь бывают, но человеческих следов не было видно. Джилре, размахивая здоровой рукой, чтобы удержать равновесие, поднялся по разбитым обледенелым ступеням и остановился в широком, предназначавшемся для процессий дверном проеме, разглядывая южный трансепт, средокрестие и восточный неф. Среди развалин паслась та самая овца, пощипывая лишайник и побитую морозом траву.

Джилре снял шапку, поскольку для него это место было по-прежнему святым, и двинулся по трансепту к хорам, вновь задумавшись о прошлом монастыря. Говорили, что разрушили его в тот год, когда умер добрый король Синхил — в год, когда епископы осудили и предали анафеме всю расу Дерини, позволив богобоязненным гражданам преследовать их и даже убивать. Произошло это в сочельник — Джилре прикинул в уме и понял, что именно *сегодня* исполняется полных шестьдесят лет со дня разрушения монастыря.

В этот момент солнце скрылось за облаками, тень накрыла Джилре и разрушенный проход к хорам, и юноша вздрогнул. Сидя все последние дни в угнетающей атмосфере комнаты, где умирал отец, он и забыл, что нынче сочельник. Считается, что именно в годовщину ужасных событий предпочитают являться гости из потустороннего мира — а какое место подходит для их

посещения больше, чем осквернённый убийством алтарь?

Его слегка зазнобило, и не от холода, и Джилре нервно глянул в сторону осквернённого алтаря. Выпавший ночью снег украсил его новыми завесами, скрыл огромные трещины в освящённой когда-то плите, но иллюзия целости развеялась, как только снова выглянуло солнце. Разбитые края алтаря слишком ярко свидетельствовали о злобе и ненависти разрушителей, и Джилре вдруг захотелось, словно защищаясь, осенить себя крестом — но бездействующая правая рука помешала.

Разозлясь и на беспомощность свою, и на суеверное чувство, которое заставило о ней вспомнить, он бросился вперед, к хорам, оступился в снегу, и меч ударил его по боку. Но у подножия алтарных ступеней вся напускная бодрость оставила его окончательно. Задохнувшись, он упал на колени на нижней ступени и прикрыл лицо здоровой рукой.

Ему было отказано во всем. Когда-то у него был выбор, но не хватило духу настоять на своем; теперь же для него все пути были закрыты. Даже если рука отказала бы не из-за злокачественной опухоли, а просто была повреждена — все равно он не мог бы держать в ней меч и не мог бы стать священником. К кандидатам в священники церковь предъявляла свои определенные требования, и никогда не посвятили бы в сан человека, который не может удержать в руках, как должно, принадлежности богослужения.

Ничего не видя от слез, которые он больше не мог сдерживать, Джилре рванул завязки своего теплого плаща, стащил его с плеч и бросил мехом вниз на более-менее сухое место у ступеней. Затем рухнул на него ничком, не чувствуя ласки солнечных лучей на спине, ничего не чувствуя, кроме горя из-за своей утраты, и ничего не в силах делать, кроме как плакать, уткнувшись лбом в здоровую руку. Через какое-то время отчаяние его сменилось гневом — он дерзнул возмутиться против Бога, дерзнул воспротестовать против несправедливости того, что случилось с ним, и взмолился об отсрочке неминуемой смерти — но вскоре раскаялся в своей вспышке.

Что поделаешь! Если уж ему суждено умереть, так ничего и не совершив в своей жизни, он должен хотя бы *смертью своей* послужить к вящей славе Того, кому охотнее служил бы как-нибудь иначе. Прочитав короткую молитву, он признался, что боится того, что его ожидает, и попросил даровать ему силы принять предназначенное. Но и это не принесло утешения, и тогда он впал в горестное оцепенение и просто лежал, не думая ни о чем, а солнце слабо пригревало спину, и страх постепенно сменялся смирением.

Какое-то время под смеженными веками его играли только разноцветные пятна; но потом, с необыкновенной яркостью, какую ему редко приходилось видеть раньше, перед внутренним взором его начали возникать некие образы.

Вокруг него воздвиглись вновь стены монастыря, высокий, изукрашенный мозаикой купол вознесся над головою. Загорелись свечи, озаряя святилище, вновь покрыла резьба светлое дерево сидений для хора, на снежно-белых стенах заиграли розовые отблески рубиновой лампады над высоким алтарем.

В святилище молча, не торопясь, входили люди — монахи в белых одеяниях с откинутыми на плечи капюшонами, с волосами, заплетенными в косу. Он видел, как процессия вливалась в двери и расходилась вокруг него двумя шеренгами, монахи занимали свои места на хорах. Затем, повернувшись к алтарю, они дружно поклонились и запели, и голоса их слились в столь совершенной гармонии, какой Джилре никогда не слыхал. Он разобрал только несколько первых слов, но душа его внезапно исполнилась невероятной жажды жизни.

«Adsum domine...» Вот я, Господи...

Эти слова произносил кандидат в священники, представая перед епископом, который посвятит его в сан... слова, которые Джилре никогда не произнесет.

Отчаяние накатило на него с новой силой, видение померкло, и Джилре с глухим рыданием перекатился на бок и сел, поддерживая ноющую руку. И тут заметил вдруг, что он уже не один; и развернулся резко, схватившись здоровой рукой за кинжал на поясе.

Но еще разворачиваясь, он понял, что незваный гость не желает ему зла, ибо в противном случае он мог быть убит уже несколько раз. А увидев старика, сидевшего на камне в нескольких футах от него, юноша успокоился окончательно. Смущенно улыбнувшись, он задвинул кинжал обратно в ножны и выпрямился, быстро проведя по лицу левым рукавом, будто отбрасывая с глаз прядь волос. Овца должна была ему подсказать, кого он может здесь увидеть. Только бы старик не заметил, что он плакал.

— Симон! Ты меня напугал. Я думал, здесь никого нет.

— Я уйду, если хочешь, — отвечал тот.

— Нет. Не уходи.

— Вот и хорошо.

Никто не знал, кто такой старый Симон и откуда он взялся. Он уже был стар, когда в эти развалины прибегал поиграть мальчишкой отец Джилре. Он пас свою овцу, по весне продавал овечью шерсть; иногда приходил в городскую церковь послушать

мессу. Симон-пастух, Симон-отшельник, Симон-святой человек, как считали некоторые. Джилре однажды случайно обнаружил, что Симон умеет читать и писать — искусство не из простых и среди крестьян практически не встречавшееся, особенно здесь, на Лендорском плоскогорье. Джилре самому пришлось побороться за эту привилегию, а ведь он был сыном лорда. Он не пытался расспрашивать, чтобы не испортить ненароком дружеских отношений, но порой ему казалось, что Симон не совсем тот человек, за которого себя выдает. Кем бы он ни был, для Джилре он всегда оставался другом.

Старик улыбнулся и кивнул, как будто знал, о чем сейчас думает юноша, и взгляд его голубых глаз был кроток и дружелюбен. Джилре молчал, и тогда Симон поднял одну белую бровь и тихонько поцокал языком.

— Ну, молодой хозяин Джилре, давненько же я тебя не видал. Что привело тебя на холмы в этот праздничный день? Вроде ты должен сейчас отмечать сочельник в доме твоего отца и готовиться к встрече Рождества.

Джилре понурил голову. Похоже, старик не слыхал ни о болезни отца, ни о его собственном несчастье. Опухоль на внутренней стороне руки отчаянно задергало, когда он прижал руку к себе. И при мысли о том, что к его отцу и к нему самому неотвратимо приближается смерть, ему чуть не сделалось дурно.

— Не будет нынче праздника в Верхнем Эйриале, Симон, — тихо сказал он. — Мой отец умирает. Я... отлучился ненадолго.

— Понятно, — немного помолчав, сказал старик. — Ты уже ощущаешь бремя ответственности, которое скоро возляжет на тебя.

Джилре не ответил. Если бы все было так просто! Будь у него здоровы обе руки, думал он, отказался бы он от жизни лорда, от управления землями Эйриалов, от милостей короля — всего того, что навязывал ему отец. Будь у него здоровы обе руки, он отдал бы все это своему брату и поступил бы так, как жаждал все годы своей жизни. Но несчастный случай, и это... то, что поселилось и разрослось в его руке, лишили его всякого выбора.

Он нечаянно сжал руку чуть сильнее, словно пытаясь инстинктивно защититься от того, что его так пугало, вздрогнул и, как ни старался, не сумел скрыть от внимательных глаз Симона гримасу боли. Джилре посмотрел на старика с вызовом, словно подстрекая спросить, в чем дело, но тот уже повернулся к разрушенному алтарю, и лицо его ничего не выражало.

— Тяжело терять то, что любишь, — пробормотал Симон, как будто проверяя его. — И ответственность нести тяжело, даже если человек ей рад. Если же он принимает на себя эту тяжесть волею

обстоятельств, а не потому, что выбрал сам и с любовью, то нести ее становится еще трудней.

— Ты хочешь сказать, что я не люблю отца? — ошеломленно спросил Джилре после паузы.

Симон покачал головой.

— Нет, конечно. Я думаю, ты его очень любишь, как и подобает сыну любить отца. Будь это не так, ты не мучился бы сейчас над выбором, который должен сделать. Нам редко бывает *приятен* выбор, который ставится перед нами, но тем не менее мы обязаны выбирать.

Джилре проглотил комок в горле и опустил взгляд на волчий мех плаща, на котором сидел, машинально растирая онемевшую правую руку, чтобы согреть ее.

— Почему... почему ты решил, старик, что мне предстоит какой-то особенный выбор? — сказал он несколько агрессивно. — Мой отец умрет, я стану бароном д'Эйриал. Какой же тут выбор? Для этого я и рожден.

— По крови — да, — отвечал Симон. — Но по духу... сдается мне, что ты пришел в развалины монастыря в тот час, когда отец твой лежит при смерти, и простерся пред алтарем вовсе не потому, что ты вне себя от радости и предвкушаешь вступление в мирское твое наследство. Ты, конечно, искренне горюешь о своем отце, — добавил он, заметив изумленный взгляд Джилре. — Но я думаю, ты и сам не понимаешь, что привело тебя сюда и заставило плакать — здесь, в этих развалинах, перед алтарем, орошенным кровью многих святых людей.

Джилре вздохнул и снова удрученно опустил глаза. Кое-что Симон, конечно, понял. Нетрудно было догадаться. Как-то они беседовали, отвлеченно, правда, о достоинствах духовной жизни святых отцов. Симон никогда о себе не рассказывал, но было понятно, что когда-то, может быть, в раннем детстве ему случилось жить в монашеской общине. Видимо, там он и научился читать и писать.

— Это в любом случае не имеет значения, — пробормотал Джилре себе под нос. — Чисто теоретический вопрос. У меня больше нет выбора — только долг и ответственность, с которыми я буду справляться все хуже и хуже. Боже, лучше бы я умер поскорее!

Он не успел договорить эти горькие слова, как Симон вскочил на ноги и, мгновенно одолев разделявшие их несколько футов, схватил его за больную руку. Джилре громко вскрикнул. Но Симон уже встал рядом с ним на колени, задрал рукав, стянул перчатку и осторожно провел пальцами по распухшему запястью.

— Что это? — проворчал он, затем перевернул руку, увидел

черное пятно на внутренней стороне и присвистнул. — Почему ты не сказал, что болен?

Джилре сглотнул, чувствуя себя загнанным в ловушку, и попытался отнять руку.

— Оставь меня. Пожалуйста. Какая тебе разница?

— Для тебя это может означать жизнь! — огрызнулся старик, и взгляд его приковал юношу к месту.

— Как это началось?

— Я упал... упал с коня несколько месяцев назад, — против воли начал объяснять Джилре. — Думал сначала... что это просто скверное растяжение такое, но потом... появилась опухоль.

— Болит сильно?

Джилре наконец сумел отвести взгляд и, уставя в землю невидящие глаза, со вздохом кивнул.

— Скоро... я не смогу это больше скрывать, — с трудом вымолвил он. — Я не могу удержать меч, не могу...

Как ни старался он не думать об этом, но старая мечта вновь ожила в памяти: вот он в облачении священника, идет служба, он поднимает потир... Он затряс головой, чтобы прогнать видение.

Нет у него больше выбора. Никогда не сбудется мечта; он даже хорошим господином не сможет стать для своих подданных. Для него закрыты все двери. Пока не появилась эта чернота на руке, он не думал всерьез о смерти, но, наверное, ему действительно лучше умереть.

— Что еще ты не можешь делать? — мягко, но настойчиво спросил Симон. — Ведь есть что-то, чего ты *действительно* хочешь больше всего на свете?

— Наверно, я хочу другой судьбы, — прошептал Джилре и уткнулся головой в колени, не пытаясь больше отнять у Симона руку. — Я мог сделать это еще прошлой весной, когда был здоров, и от меня зависело, какое решение я приму. Но сейчас у меня нет выбора. Я умру. Пока об этом никто не знает, кроме домашнего врача, но скоро узнают все, — он поднял полные слез глаза и посмотрел на больную руку. — Когда была возможность, мне не хватило храбрости последовать зову сердца — а теперь я даже воле отца не могу последовать и быть достойным правителем для его подданных, когда его не станет.

Он отрешенно уставился в пространство перед собой, но тихий вздох Симона вернул его к действительности.

— Я не могу помочь тебе принять решение, Джилре, зато могу помочь с рукой, — сказал старик. — Это будет больно, но опухоль расти перестанет.

Джилре сглотнул комок в горле, боясь дать волю надежде.

— Хотелось бы верить, но это невозможно, — с трудом

выговорил он. — Джилберт сказал, опухоль вернется, и будет чем дальше, тем хуже. Можно отрезать руку — это поможет, если я выживу в результате — но что это даст? Я все равно не смогу вести ту жизнь, которую выбрал бы, будь мне это дано...

— Выбор есть всегда, сынок, — ответил Симон тихо, но так убедительно, что Джилре не удержался от того, чтобы снова посмотреть на него. — Если ты сейчас выберешь мою помощь, перед тобой может снова открыться тот выбор, которого ты так желаешь. Что ты теряешь?

И правда, что *я теряю*? — подумал Джилре, глядя старику в глаза и чувствуя легкое головокружение. И вслед за тем, словно его заставила действовать некая сила извне, он обнаружил вдруг, что вынимает левой рукой кинжал из ножен и протягивает его старику рукоятью вперед, а потом он встал, по знаку Симона снова накинул на плечи плащ и поднялся по алтарным ступеням.

— Садись сюда, — шепнул старик, подталкивая его в левую сторону.

Джилре, придерживая меч у правого бока, опустился на холодный мрамор, прислонился спиной к каменной плите и расправил плащ. С северной стороны алтаря намело снегу, и Симон, оттянув ему рукав, зарыл больную руку в сугроб для того, чтобы она онемела. Юноша не сопротивлялся. Солнце уже наполовину склонилось к закату — неужели прошло столько времени? — но свет его, когда Джилре опустил голову на мраморную плиту, ударил прямо в глаза и заиграл золотыми отблесками на лезвии кинжала, которое Симон протирал в это время подолом своей на удивление чистой серой нижней рубашки.

От холода руку заломило еще сильней, чем от опухоли, и тогда Симон развернул ее внутренней стороной кверху и провел рукой по тому месту, которое надлежало вырезать.

— Не смотри на это, — сказал он и отвернул захолодавшими пальцами голову Джилре. — Смотри на закат, думай о чем-нибудь. Любуйся облаками. Вдруг ты прочтешь в них ответы на свои вопросы.

От прикосновения старика мозг Джилре словно онемел, как и его плоть, и юноше показалось, что он странным образом отделился от своего неподвижного тела. Когда Симон снова взялся за больную руку и приставил к ней лезвие, Джилре собрался с духом и глянул все-таки туда, где сталь взрезала край черного пятна, которое он так ненавидел и боялся. На снег брызнула алая кровь, над нею в морозном воздухе закурился парок, и Джилре, отведя глаза, уставился в небо. Через несколько мгновений глаза его закрылись, и он уснул.

И снова оказался в церкви, но теперь она выглядела меньше, чем та, что привиделась в первый раз, была не больше часовни, а Джилре стал участником событий, а не наблюдателем — он шел по узкому нефу вслед за несколькими, такими же счастливыми, как он сам, юношами в белых одеяниях. Как и остальные, в правой руке он держал зажженную свечу, а левую прижимал благоговейно к покрывавшей его грудь дьяконской епитрахили. С другой стороны сидели в ряд люди, одетые в серые, а не в белые, как в первом видении, сутаны, но у некоторых из них волосы были так же заплетены в косу. А у подножия алтаря ждали два человека в полном облачении, в митрах.

Джилре и его сотоварищи опустились на колени у их ног — откуда-то он знал, что это епископ и аббат; старший из священников произнес какие-то неразборчивые слова, но Джилре ответ был известен. И он запел вместе с остальными юношами, поднявши свечи, и голоса их в этом святом месте зазвучали чисто и звонко.

«Adsum domine...» Вот я, Господи...

На этом видение задрожало и растаяло, к его великому сожалению, а потом он долго пребывал в пустоте и отрешенности, печалясь об утраченном и лишь смутно ощущая, как солнце согревает лицо, а спину холодит мрамор даже сквозь куртку и плащ, правая же рука, лежавшая на снегу, закоченела так, что ее он не чувствовал вовсе.

И не было у него желания ни открыть глаза, ни пошевелиться, ни даже думать. Через какое-то время видение вернулось — он стоял перед епископом на коленях, и тот возложил ему на голову руки, посвящая его.

«Accipe Spiritum Sanctum...»

И Джилре явственно ощутил, как священная Сила пронизала каждый нерв его и каждый мускул, как наполнила его божественная Энергия — до краев, через край. Джилре охватил такой восторг, что его даже пробила дрожь.

И вдруг он почувствовал прикосновение к лицу холодных рук и услышал мягкий голос старого Симона, приказывавший ему открыть глаза. Джилре с трудом сглотнул, ибо в горле у него пересохло, и некоторое время еще никак не мог сообразить, где находится. Лицо Симона расплывалось перед глазами.

— Это ты... я...

— С тобой все в порядке. Похоже, ты у меня даже заснул, — улыбаясь сказал старик. — Сны видел?

— Да. Откуда ты знаешь? Симон, это было чудесно! Я...

Смутившись, Джилре поднял руки и протер глаза, и тут только до него дошло, что правая рука слушается его, как и

левая, и совершенно не болит. От запястья и выше она была перевязана полоской серого холста, и повязка лежала ровно — нигде ни намека на выпуклость. На снегу виднелись пятна крови, но их было гораздо меньше, чем он ожидал. Симон очистил лезвие кинжала талым снегом и, протерев насухо, вернул его Джилре.

— По-моему, ваш врач слишком уж тебя напугал, — сказал старик. — Опухоль не вернется. Несколько дней рука еще будет слабовата, но меч, я думаю, удержать ты сможешь... да и все, что пожелаешь.

— Но...

Симон покачал головой и поднял руку, предупреждая вопрос, потом встал и, прикрыв глаза рукой от солнца, посмотрел на запад. Джилре тоже поднялся на ноги, и тут Симон принялся закидывать снегом пятна крови, уничтожая следы того, что здесь произошло. Закончив, он посмотрел на Джилре.

— Сюда идет твой брат, и с ним еще люди, — сказал Симон. — Боюсь, он несет печальное известие... но как бы там ни было, теперь ты можешь принять решение, думая о том, чего ты хочешь на самом деле, а не о своем нездоровье. И если ты хочешь отблагодарить меня, прошу, никому не рассказывай о том, что исцелил тебя я.

— Даю слово, — ответил Джилре.

Старик поспешил прочь и исчез среди развалин так быстро, что Джилре, хотя и смотрел ему вслед, не заметил, в какой стороне тот скрылся.

А потом послышался голос брата, выкликавший его имя, и юноша понял, что его вот-вот обнаружат. Он торопливо зашел за разрушенный алтарь, чтобы еще хоть на несколько минут укрыться от Капруса, и дрожащими пальцами, боясь поверить в невозможное, сорвал с руки повязку. На месте рокового черного пятна он увидел только бледную желтоватую тень — да еще розовую полоску, след разреза. От опухоли не осталось и следа.

Совершенно потрясенный, он согнул пальцы, сжал руку в кулак, глядя на напрягшиеся под кожей сухожилия, — мышцы повиновались безупречно. В душе шевелилось какое-то смутное подозрение насчет старика Симона, но пока он не мог ни о чем думать, кроме своей руки. Довольно и того, что произошло чудо, он снова волен выбирать.

— Лорд Джилре!

Голос сэра Лоркана, сенешаля, прозвучал совсем близко, вернув его к действительности, и Джилре, бросив повязку на снег, поспешно опустил рукав. Не время думать о чудесах. Не без труда натягивая на влажные руки перчатки, он услышал глухой

перестук подков по плитам разрушенного нефа, и звук этот привел его в ярость.

Глупцы! Неужели они не понимают, что здесь по-прежнему святое место? Как они смеют вести сюда лошадей?

Преисполнившись возмущения, он выпрямился и опустил правую руку на рукоять меча. Рассказывать о том, что здесь произошло, он пока не собирался. Вышел из-за алтаря, и тут его заметили наконец, Капрус указал в его сторону, подзывая остальных. Лошади скользили и оступались на неровных, присыпанных снегом плитах, и всадники их больше следили за дорогой, чем озирались по сторонам в поисках Джилре.

Всего всадников было десять, во главе с Капрусом и Лорканом. Капрус с растрепавшимися золотыми кудрями казался разъяренным, а морщинистое лицо Лоркана было таким мрачным, каким Джилре его никогда не видел. Следом ехали отец Арнуфф, мастер Джилберт, врач, и с полдюжины всадников в доспехах, несущих цвета отца — теперь уже его цвета, понял вдруг Джилре. Короткие их копья были воткнуты в стременные упоры, священник держал в руке серебряную корону отца! И хотя Джилре этого ожидал, по телу его пробежал озноб.

— Выведите лошадей из церкви, — сказал он спокойно, когда всадники остановились в трансепте и начали было спешиваться. — Не спорьте, Лоркан, сделайте это.

Он заметил, как вскинулся возмущенно Капрус, однако Лоркан что-то резко сказал ему и развернул своего гнедого грудь в грудь с серым жеребцом Капруса, вынуждая его повернуть, и Капрус, удивившись, проглотил то, что собирался ответить. Они молча выехали из нефа, и там Лоркан, Капрус, священник и врач, спешившись, отдали поводья остальным всадникам. Лошадей отвели подальше, и эти четверо вернулись к алтарю, о чем-то переговариваясь на ходу между собою. Добравшись до алтарных ступеней, Лоркан выступил вперед и поклонился. Под теплым плащом на нем были кожаный костюм для верховой езды и кольчуга, на Капрусе и враче — тоже.

— Сожалею, лорд Джилре. Ваш отец умер, — сказал он, выдыхая облачка пара. — Он велел вам передать...

И указал на отца Арнуффа, который тут же вышел вперед, держа в подрагивающих руках корону.

— Вы — наследник, милорд, — сказал он, и в глазах его промелькнуло сострадание при виде того, как Джилре тянется дотронуться до сверкающего ободка левой рукой. — Поскольку король был осведомлен заранее, никаких осложнений не возникнет. Да благословит вас Господь в ваших стараниях, милорд.

Джилре чувствовал, каких усилий стоит им всем не смотреть на его неподвижную правую руку, но он еще не готов был открыться. Он кивнул и неторопливо сошел вниз по алтарным ступеням. Капрус смотрел на него со смешанным выражением скорби и зависти на лице, Лоркану явно было не по себе. Только степенный мастер Джилберт был как будто спокоен, но и в его карих глазах читалось сострадание.

— Благодарю вас, святой отец, — тихо сказал Джилре, опускаясь перед священником на одно колено. — Сделайте милость, благословите корону моего отца перед тем, как возложить ее на мою голову. Вскоре мне придется принять немало трудных решений, и я буду весьма нуждаться в помощи Божией, дабы стойко выдержать все.

Против этого не мог бы возразить даже Капрус. Все вокруг тоже встали на колени, глухо позвякивая доспехами под одеждой, и Джилре наклонил голову и получил благословение. Корона, возложенная на него, показалась ему слишком тяжелой и холодной, словно металл ее давил на саму его душу, и, поднявшись на ноги, он отвернулся от всех, пряча взгляд.

Вот и настало время принимать решения. Он стал бароном, но может изменить все в одно мгновение, если отважится. Медленно отступив к алтарю, он положил на заснеженную плиту левую руку, словно принося присягу, а правой коснулся мрамора так, чтобы не видели остальные. И, глядя на свои живые, послушные пальцы, понял, что корону ему носить не предназначено.

— Сэр Лоркан, — тихо сказал он через плечо, — вы были вассалом моего отца?

— Вы знаете, что это так, милорд.

— И теперь вы мой вассал?

— Я ваш вассал, — твердо прозвучал ответ.

— Благодарю вас. Позовите сюда остальных, пожалуйста.

Он так и остался стоять лицом к алтарю, но хорошо слышал, как у него за спиной затоптался Капрус, как зашушукались вполголоса Джилберт и священник, когда Лоркан отошел, чтобы подать знак вооруженным всадникам приблизиться. Те подошли, и Джилре с глубоким вздохом повернулся, чувствуя, как тяжко давит на лоб корона. Воины встали на колени полукругом у подножия ступеней, шлемы придавали их лицам горделивое выражение. Капрус стоял в стороне вместе со священником и врачом и следил с некоторым беспокойством за Лорканом, который поднялся на несколько ступеней и поклонился.

— Исполнено, как вы просили, милорд.

— Да. Благодарю вас, — Джилре обратил взор на воинов,

смотревших на него. — Господа, сэр Лоркан подтвердил, что будет по-прежнему хранить верность мне как барону д'Эйриалу. Могу ли я рассчитывать также на вашу верность?

С утвердительными возгласами все они вытащили мечи и, взявшись латными рукавицами за обнаженные клинки, протянули их ему рукоятью вперед. Джилре кивнул.

— Благодарю вас. И не требую дополнительной клятвы. Можете встать, но пока не уходите, пожалуйста. Лоркан!

— Да, милорд?

— Мне нужен ваш совет. Капрус, выйди вперед, пожалуйста.

Лоркан подошел к Джилре, всадники поднялись с колен, убрали оружие в ножны, и Капрус нерешительно вышел вперед. Услышав свое имя, он побледнел, и рука его, лежавшая на рукояти меча, сжала ее так, что перчатка на костяшках пальцев чуть не лопнула. Джилре молча спустился на три ступеньки, остановился, когда дорогу ему преградил снежный сугроб по колено высотой, и жестом велел Капрусу приблизиться. После некоторого колебания тот повиновался и, поскольку Джилре продолжал молчать, неуверенно опустился на одно колено. Джилре ощущал за спиною близкое присутствие Лоркана, но смотрел брату в глаза, не отрываясь. Он собирался задать Капрусу вопрос и не был уверен, что ему понравится ответ, но и вопрос и ответ были необходимы, если только он надеялся сделать когда-нибудь то, чего жаждало его сердце. И он взмолился про себя, чтобы ответ оказался именно таким, какой он хотел услышать.

— Какой совет вам нужен, милорд? — тихо спросил Лоркан.

— По правосудию. Имею ли я право, как барон д'Эйриал и рыцарь этого королевства, вершить на моей земле Высокое и Низкое Правосудие над всеми моими вассалами, великими и малыми?

— Да, милорд, имеете.

Высокое Правосудие: власть над жизнью и смертью. Он знал, что имеет это право, но хотел подтверждения. И не успел Капрус даже рта открыть, желая возразить что-то, как Джилре левой рукой вытащил из ножен меч и с силой вонзил его рукоятью вверх в сугроб между ними.

— Молчи, Капрус! — предупредил он. — Помолчи и подумай хорошенько о том, о чем я тебя сейчас спрошу. У меня есть на то причины, и я клянусь, что не причиню тебя зла.

Оскорбленный Капрус даже затрясся, непроизвольно сжимая кулаки, но смолчал, а старший брат, взявшись рукою за пояс, посмотрел на него сверху вниз. Вообще-то Джилре, невзирая на постоянное ворчание Капруса по поводу несправедливых законов о наследовании, не сомневался в том, что Капрус неспособен на

вероломные поступки, но сейчас он должен был окончательно увериться в этом — и что еще важнее, в этом должны были увериться его подданные. Он снова получил возможность выбора, но сделать этот выбор был намерен со всей ответственностью.

— Капрус д'Эйриал, — сказал он громко, — я требую от тебя торжественной клятвы перед Богом и присутствующими здесь рыцарями в том, что ты никогда, ни словом, ни делом, не выступишь против меня и против нашего отца во вред нашим подданным.

Губы у Капруса дрожали, но на взгляд Джилре он отвечал твердым взглядом. В гордых голубых глазах его пылал гнев.

— Ты смеешь требовать от меня клятвы? — спросил он. — И почему вдруг после речей о Высоком Правосудии? Разве я дал тебе повод сомневаться в моей верности?

— Возложи руки на меч и поклянись перед Богом, — ответил Джилре. — Я не должен тебе ничего объяснять. Сделай это.

На миг он испугался, что Капрус откажется. Требование было слишком серьезным. Но его упрямый и порой высокомерный младший брат никогда не лгал и не нарушал клятвы, Джилре знал это. Неужели он не сможет переступить через свою гордость?

— Поклянись, Капрус, — повторил он. — Пожалуйста.

И в этот день доверие его было вознаграждено во второй раз, ибо Капрус наконец сдался, опустил глаза и сорвал с себя перчатки, после чего решительно возложил обнаженные руки на рукоять меча, соединив большие пальцы на выпуклости, под которой хранилась священная реликвия. И снова поднял к Джилре лицо, стиснув челюсти, но ничем более не выказывая своих чувств.

— Перед Всемогущим Господом и присутствующими здесь рыцарями клянусь, что я всегда буду верен нашему отцу и тебе, — сказал Капрус, произнося слова твердо и отчетливо. Взгляд его потемнел, челюсти сжались еще сильней, но затем, взявшись за лезвие меча, он выдернул его из снега и поднял высоко, словно талисман. — Более того, я клянусь, по доброй воле и по своему хотению, что становлюсь отныне твоим вассалом и тебе отдаю и душу, и тело, и все, чем владею на земле. Верой и правдой буду я служить тебе и оборонять не на жизнь, а на смерть от любого врага, и да поможет мне Господь! — Он умолк и облизал губы, затем продолжил: — И если ты думаешь, что я когда-нибудь поступал с тобой нечестно, то ты не прав, Джилре, — что бы там ни говорила моя мать. Я рожден твоим законным братом, и теперь ты — мой законный господин!

Он поднес клинок к губам и бесстрашно поцеловал реликвию, но когда протянул меч Джилре, чтобы тот принял клятву, в глазах

его мелькнул страх, порожденный не двуличием, но сомнением — вдруг Джилре не поверит ему? А Джилре, с трудом скрывая свое облегчение, взял меч левой рукой под рукоять и посмотрел на озадаченного Лоркана.

— Сэр Лоркан, еще один вопрос. Среди прочих моих привилегий имею ли я право, как барон, посвящать в рыцари?

— В рыцари? Да, милорд, имеете, но...

Лоркан шагнул было вперед, удивленный и растерянный не менее всех остальных, что начали возбужденно переговариваться между собой, но тут Джилре, покачав головой, взялся за рукоять меча исцеленной правой рукой и, отсалютовав им, поднес рукоять к губам, чтобы поцеловать запечатленную в ней реликвию. Все изумленно ахнули, поскольку со дня своего падения он не владел правой рукой. Ошеломленный Капрус разинул рот, затем вскочил на ноги и схватил брата за руку, чтобы взглянуть на нее поближе.

— Джилре, твоя рука... — и в голубых глазах его засветилась искренняя радость.

Джилре ответил ему улыбкой, затем подтолкнул легонько, возвращая обратно на колени, и обвел взглядом остальных, по-прежнему держа меч поднятым в правой руке.

— Господа, когда я молился сегодня, случилось нечто неожиданное для меня, — спокойно сказал он. — Я был в отчаянии, ибо думал, что у меня отнят всякий выбор. Господь счел возможным вернуть мне его, — он снова улыбнулся брату. — Надеюсь, ты не обидишься на меня, Капрус, если я переложу на тебя часть своего бремени. Ту часть, о которой ты всегда мечтал, как бы ты меня ни любил, и теперь я знаю, что ты достоин этого.

Джилре выпрямился, поднял меч и коснулся клинком правого плеча Капруса.

— Во имя Господа нашего и святого Михаила посвящаю тебя в рыцари, Капрус д'Эйриал, — сказал он. Затем коснулся клинком левого плеча. — Прими же от меня право носить оружие и оборонять слабого и беззащитного.

Он поднял меч и, глядя на отражение клинка в блестящих от слез глазах брата, коснулся золотоволосой головы.

— Я возлагаю на тебя также попечение над землями нашего отца и отправление правосудия, высокого и низкого, — добавил он, на мгновение переведя взгляд в сторону на застывших в благоговении свидетелей. — Будь же ты отважным рыцарем и добрым господином для них, твоих подданных.

Он снял ножны с пояса и вложил в них меч, передал и то, и другое в руки изумленному Капрусу, а потом снял с головы корону. И поднял ее обеими руками высоко над головой, чтобы никто не усомнился в том, что он вполне способен владеть

правами, которые сейчас передает другому, — и чтобы никто не усомнился в его намерении.

— Перед Богом и в присутствии свидетелей я отказываюсь от всех притязаний на земли и титул д'Эйриалов и отдаю их навсегда стоящему здесь Капрусу д'Эйриалу, моему брату, сыну покойного Радульфа д'Эйриала, и его законным потомкам. Это мое окончательное намерение, которое, я надеюсь, одобрено будет господином нашим королем.

Он взял Капруса за руку правой рукой, помог подняться и развернул его лицом к присутствующим. Подумал при этом, такое же ли у него самого довольное лицо, как у чуточку еще растерянного брата, и подивился, почему этот выбор казался ему прежде таким трудным.

— Господа, позвольте представить вам нового барона д'Эйриала. Повелеваю вам принести ему клятву верности, какую вы приносили нашему отцу и мне. Поспешите. Уже довольно поздно.

Лоркан поклялся. Всадники поклялись. И мастер Джилберт поклялся, и даже священник. И Лоркан, когда Капрус и все остальные, оглядываясь благоговейно и переговариваясь на ходу, пошли к лошадям, задержался ненадолго возле Джилре.

— Что же вы теперь станете делать? — спросил тихо старый рыцарь у юноши, который смотрел вслед всадникам, растворявшимся в сиянии заката. — Ведь вы все отдали, мой господин.

— Больше я не ваш господин, Лоркан... и не отдал я ничего такого, что имело бы для меня значение, — Джилре обратил к нему свой взор. — Не понимаете? Я ничего не имел до этого дня. И потому отдал все, чтобы получить то, чего хочу на самом деле, — он снял перчатку и положил исцеленную руку на разрушенный алтарь.

— Поймите же. Мое место — здесь. То есть, конечно, не у этого злосчастного разбитого алтаря. Я не меньше вас изумляюсь тому, что чудо произошло в месте, где когда-то правила магия. Вдруг это означает, что магия никогда не была злом?.. не знаю. Я знаю только, что я уже не тот человек, который приехал сюда несколькими часами ранее.

Он сжал руку, словно пряча в кулаке что-то драгоценное, и поднял глаза вверх, туда, где в видении его над алтарем горела священная лампада.

— Я думаю, то был знак, Лоркан... посланный мне, чтобы я понял наконец. Ведь я всегда хотел этого... вы знаете, чего именно. И я не собираюсь упустить эту возможность во второй раз.

Старик покачал головой.

— Вы правы. Я не понимаю, — он хмыкнул, затем протянул Джилре руку. — Но если вы нашли свое призвание, да поможет вам Бог преуспеть на этом пути, мой господин.

— Не ваш господин, Лоркан. Просто Джилре... и, может быть, когда-нибудь — *отец* Джилре, если то, о чем я молюсь, сбудется.

— А если нет?

— Надеюсь, что да, — сказал он с улыбкой. Краем глаза он заметил какое-то движение в северном трансепте и крепко встряхнул руку Лоркана на прощанье.

— Вам пора идти, старый друг. Ваш новый господин ждет вас, как и мой — меня. Служите же Капрусу верой-правдой, как служили бы мне. Он достоин того, не сомневаюсь.

Старый рыцарь не ответил, но когда он склонился над рукой своего бывшего господина, дабы поцеловать ее в последний раз в знак почтения, его покрытые шрамами давнишних сражений пальцы бережно погладили запястье, которое больше не было изуродовано опухолью. Затем он отвернулся, спустился с алтарных ступеней и, ссутулясь немного, зашагал прочь, споткнувшись разок, когда проходил по нефу.

Джилре долго смотрел ему вслед, хотя солнце слепило глаза, потом надел перчатку и вновь возложил руки на разрушенный алтарь, склонив голову в немой благодарности. Солнце закатилось, сгустились вечерние тени, а он все стоял, пока чья-то рука не коснулась наконец его плеча.

— Джилре?

— *Adsum,* — шепнул он.

Смешок старого Симона прозвучал музыкой в его ушах. Пошел снег, первые хлопья его, кружась, опустились на землю. Настал тот час, сообразил Джилре, когда первая вечерняя звезда появляется на горизонте, возвещая наступление Рождества.

— Пойдем, дружок, — услышал он голос Симона. — Но словом этим ты ответишь другому человеку, не мне. Пойдем, я отведу тебя к незапятнанному алтарю.

Бетана

Лето, 1100 г.

Этот рассказ переносит нас больше чем на сто лет вперед, во времена Моргана, Келсона и других известных нам персонажей «Хроник Дерини». Причин для его написания у меня было две: краткое упоминание в «Шахматной партии Дерини» о том лете, когда Аларик Морган упал с дерева и сломал руку; и просьба прислать рассказ о колдуньях для антологии под названием «Котел Гекаты». Старуха Бетана мне никогда не казалась настоящей колдуньей, но она, безусловно, отвечала обычным представлениям о них, как о старых каргах с волшебными котлами и всем прочим. Кроме того, она всегда вызывала у меня любопытство. Ее появление в «Шахматной партии Дерини» оказалось хотя и кратким, но достаточно интригующим, и вызвало гораздо больше вопросов, чем дало на них ответов.

Кто такая Бетана? Кем был ее муж, Даррел? Что с ним случилось? И что превратило ее саму в то, чем она стала? Ведь не всегда же она была старой ведьмой и жила в холмах, влача жалкое существование за счет своих овец, лечения травами и изготовления любовных напитков для местных крестьян. Похоже, что какое-то отношение к Дерини она имела, но была ли она Дерини по крови, только необученной, или была, как Варин де Грей, кем-то совсем другим?

Потому я и вернулась к падению Аларика с дерева и встрече его с загадочной обитательницей холмов, которая уже и сейчас старая ведьма, хотя на двадцать лет моложе, чем в «Игре Дерини», — и позволила персонажам развернуться. В результате я узнала даже больше, чем хотела, о Бетане и ее муже, и еще об одном Дерини, которого я вовсе не ожидала здесь встретить; а заодно расширила свои представления о мрачных временах преследования Дерини, суровость которых к тому времени, когда Аларик Морган достиг возмужания, только-только начала смягчаться.

Старая Бетана, прикрыв рукою глаза от солнца, хмуро смотрела на луг. Этих детей она уже здесь видела. Двое были сыновья Кассанского герцога; двух других она не знала. Сегодня эти четверо бешеным галопом носились по ее лугу на своих лохматых пони, разгоняя овец, которых она собирала все утро.

Один из мальчишек, пригнувшись в седле, с криком поскакал прямо на овцу с ягненком, и Бетана сердито заворчала. Овца шарахнулась в ужасе и ринулась в сторону, пытаясь убраться с дороги, ягненок стремглав побежал за нею. Тогда Бетана,

размахивая пастушьим посохом, заковыляла к девчонке, которая была к ней ближе всех.

— Эй, вы! Ну-ка, прекратите!

Пони девочки тут же встал как вкопанный, но сама она, не сумев удержаться, перелетела через его голову — только юбки разлетелись да ножки мелькнули — и шлепнулась в траву, а пони попятился и, заржав, встал на дыбы. Бетана схватила девочку за руку и, хорошенько встряхнув, поставила на ноги.

— Поди-ка сюда! — крикнула она. — Что это вы расскакались тут, кто позволил вам носиться где ни попадя да пугать овец честной женщины? Ну-ка, говори, девочка! Что скажешь в свое оправдание?

Девочка подняла на нее большие голубые глаза, в которых читалось только удивление, словно она совсем не ушиблась, и тут к ним галопом подскакали трое мальчишек. Старшему на вид было лет двенадцать, но держал он себя уже, как настоящий воин. Остальные были младше года на два, один — с такими же светлыми локонами, как у девчушки.

— Отпустите мою сестру! — крикнул светленький, натягивая поводья своего пони и свирепо глядя на Бетану.

— Не обижайте ее! — вступился и старший. — Она не сделала ничего худого.

Бетана рассмеялась и покачала головой.

— Не спешите, молодые господа! Прежде я хотела бы услышать ваши извинения, — она посмотрела на свою пленницу. — Как тебя зовут, девочка? И кто из вас додумался погонять моих овец?

Девочка, на вид лет пяти-шести, потупилась, не глядя на брата и остальных мальчиков, хотя старший уже схватился за рукоять кинжала.

— Простите, бабушка, — тихо сказала она. — Мы не знали, что эти овцы ваши. То есть, мы знали, что они — не герцога Джареда, и решили, что их никто не пасет. Думали, они просто так тут бродят.

Бетана не изменила сурового выражения лица, хотя внутренне немного смягчилась. Может, дети и впрямь не собирались издеваться над нею.

— Думали они, ишь ты, — проворчала она. — Так кто же вы такие?

Старший несколько надменно выпрямился в седле и посмотрел на нее сверху вниз.

— Я — Кевин, граф Кирни, — он кивнул в сторону русоволосого мальчика. — Это мой брат, лорд Дункан, а это — лорд Аларик Морган, брат Бронвин. Отпустите же ее, — добавил

он уже не так задиристо.

— Ах, отпустить? Прежде я скажу вам кое-что, молодой граф Кирни. Хорошо бы вам поучиться вежливому обхождению, коли хотите, чтобы вас почитали не только за ваш громкий титул. Вроде я еще не слыхала, чтоб вы извинились за то, что разогнали моих бедных овечек?

Юный граф разинул рот — похоже, с ним не часто так разговаривали, — и тогда его брат выехал вперед на своем пони, снял охотничью кожаную шапочку и учтиво поклонился.

— Пожалуйста, простите нас, бабушка. Мы все виноваты. Это был необдуманный поступок с нашей стороны. Чем можем мы загладить свою вину?

Бетана, медленно выпустив руку девочки, обвела ее и мальчиков несколько подозрительным взором. Было в этих детях что-то настораживающее, но что именно? Что-то такое, чего она давно ни в ком не ощущала...

Впрочем, неважно. Она поддернула выцветшую, оборванную юбку и оперлась на посох, уставясь на них сурово и решив молчать до тех пор, пока взгляд ее не заставит их опустить глаза. Долго ждать не пришлось.

— Ладно же. Принимаю ваши извинения. И, чтоб уж покончить с этим, можете помочь мне собрать овец, которых вы разогнали.

Светловолосый мальчик кивнул без всякого возмущения.

— Вполне справедливо, бабушка. Сейчас и соберем.

Ребята со всем усердием занялись делом и вскоре благополучно собрали всех овец, даже тех, которых Бетана не сумела найти утром. И, покончив с этим, они расположились отдохнуть и перекусить на лугу под высоким деревом. Девочка пригласила и Бетану к их столу, но старуха молча покачала головой и вернулась к своей пещере, откуда был виден весь луг. Столь благородное общество — не для нее. К тому же она явно не слишком нравилась старшему мальчику, Кевину. Но девчушка, по-видимому, прониклась искренним сочувствием к старой одинокой женщине, потому что принесла ей все-таки завернутые в салфетку свежий хлеб и сыр, когда дети покончили с едой. Она молча положила сверток на плоский камень у пещеры и даже присела в изящном реверансе, прежде чем вернуться к своим друзьям.

От подобного подношения Бетана не могла отказаться. А как пахла эта еда! Хлеб оказался мягким и нежным, в самый раз для ее старых, сточившихся зубов и больных десен — такого хлеба она не пробовала, пожалуй, со времен своей юности, когда они с Даррелом только поженились. И этот соленый сыр ему бы

понравился...

Растроганная воспоминанием, она уселась возле самой пещеры на солнышке и доела остатки вкусной еды, нежась под его лучами. На лугу играли дети, и вскоре журчание их голосов, прохладный ветерок и приятное тепло в желудке навеяли на нее дремоту, глаза закрылись сами собой. Прижав к щеке руку с обручальным кольцом, Бетана медленно уплыла в страну грез. И пригрезилось ей, что она снова молода и рядом лежит ее Даррел.

Он был красив, может, потому, что принадлежал к магической расе, но поначалу она его боялась. Он, рискуя собственной жизнью, спас ее от жизни такой, что ей до сих пор не хотелось вспоминать об этом. И любовь их стала для нее путеводной звездой и облагородила знания, которые угрожали прежде разрушить ее душу.

Он учился у нее тому, что она знала — древней магии, позволявшей благополучно принимать роды, изгонять духов и предсказывать будущее, тайны которой передавались в ее роду от матери к дочери. Многие методы у них были схожи, но силу свою он черпал из какого-то другого источника, недоступного ей; а она учила его, в свою очередь, как повелевать стихийными силами — то была примитивная магия, не столь возвышенная, как ритуалы и заклинания загадочных, пугающих Дерини, но действовала она не хуже, просто по-другому. И вместе мечтали они построить иной, лучший мир, в котором не будут убивать людей только за то, что они отличаются от других. Мир, в котором их дети могли бы жить, ничего не боясь.

Но ребенка они не родили; вернее, ему не довелось увидеть белый свет. Городок, в котором они жили, очень скоро накрыла новая волна безумия, при активной поддержке тамошнего лорда. Даррел преподавал математику в Грекоте, и о том, что он Дерини, знали лишь немногие близкие друзья. Вместе с несколькими коллегами, тоже Дерини, он тайно занимался обучением детей своей расы, что по Рамосским законам каралось смертью.

И кто-то на них донес. Лорд отправил отряд вооруженных всадников к маленькой ферме, где собиралась тайная школа. Они убили учителя, который давал уроки в тот день. Захватили больше двадцати детей, привезли их в город и заперли, как овец, в загоне посреди главной площади, поскольку с одобрения лорда и городского священника решено было сжечь их, как еретиков Дерини, каковыми они, несомненно, и являлись.

Бетана и Даррел были на площади среди толпы, собравшейся поглазеть на приведение приговора в исполнение, и она вспомнила сейчас запах масла, которым пропитаны были дрова

для костра. Увидела снова перепуганные лица детей, большинство из которых было не старше девочки Бронвин и ее брата, игравших сейчас на лугу. И к горлу ее подкатила дурнота, как это было много лет назад, когда из двора за площадью вышли стражники с факелами и заняли места вокруг загона с детьми. Следом появились капитан стражи и священник, капитан нес свиток, с которого на шнурах свисали печати. Толпа ожила, словно проснувшийся от спячки зверь, загомонила, но не в страхе, а в предвкушении развлечения. Никто не собирался вступаться за испуганных малышей.

— Даррел, мы должны что-то сделать! — прошептала она на ухо мужу. — Этого нельзя допустить. А если бы среди них был наш ребенок?

Ей было только семнадцать лет, и она носила их первое дитя. Но муж ее покачал головой, и в голосе его прозвучало отчаяние.

— Нас всего двое. Мы ничего не можем. Говорят, что нас выдал священник. Когда дело касается Дерини, даже тайна исповеди, кажется, перестает быть священной.

Она прижалась головой к его плечу и заткнула уши, стараясь не слышать ханжеских голосов священника и капитана, когда один произносил набожные речи, а второй зачитывал приговор. И святые слова, и буква закона служили всего лишь оправданием для убийства. Дитя, которое она носила под сердцем, заворочалось в ее чреве, и она расплакалась, придерживая одной рукою живот, а другой цепляясь за руку Даррела.

А потом послышался стук копыт, и народ позади них забеспокоился. Оглянувшись, она увидела отряд вооруженных людей, скачущий сквозь расступавшуюся толпу, в то время как другой отряд перекрывал все выходы с площади — и каждый из конников с грозным видом держал в руках лук с наложенной на стрелу тетивой. Впереди ехал рыжеволосый юноша в зеленом платье, не старше ее самой, с глазами зелеными, как озаренный солнцем лес. Вырвавшись из толпы, он остановил своего белого жеребца перед капитаном.

— Это Баррет! Мальчишка, глупец! — прошептал Даррел. — О Боже, Баррет, не надо!

«Баррет? — подумала она. — Он — Дерини?»

— Отпустите детей, Тарлетон, — заговорил тем временем тот, кого муж ее назвал Барретом. — Ваш господин не позволяет его именем убивать детей. Отпустите их.

Тарлетон напрягся, опустил руку с недочитанным свитком.

— Здесь вы не властны, лорд Баррет. Это вассалы *моего* лорда... отродья Дерини! И мы избавим от них землю!

— Я сказал, отпустите их, — повторил Баррет. — Ни в ком из

них нет зла. Разве дети могут быть еретиками?

— Все Дерини еретики! — вскричал священник. — Как смеете вы вмешиваться в дела нашей Святой Матери Церкви?

— Помолчи, священник, — буркнул Тарлетон. По его знаку стражники с факелами подошли к самому загону, где сбились в кучу насмерть перепуганные дети, и поднесли огонь к пропитанным маслом сучьям.

— Я предупреждаю вас, Баррет, — не вмешивайтесь, — продолжал Тарлетон. — Рамосский закон гласит, что тот, кто не повинуется ему, должен умереть. Мне все равно, умрут они сейчас или чуть позже, но если т вынудите меня запалить костер прямо сейчас, они умрут без благословения, и души Дерини не получат даже отпущения грехов. Вы не можете отвести от них смерть. Только сделаете ее еще страшнее.

Несколько мгновений оба не двигались с места, не отводя друг от друга оценивающего взгляда. Бетана почувствовала, как напрягся ее муж, как затвердели мускулы его руки, и поняла со страхом, что Баррет не отступит. Молодой лорд оглянулся на своих людей, выстроившихся позади кругом, и бросил поводья на шею своего коня.

— Мне никогда *не нравился* Рамосский закон, — отчетливо выговорил он и поднял руки, словно обращаясь с мольбой к небесам.

И в то же мгновение его окружило трепещущее изумрудное пламя, ясно различимое даже в ярком солнечном свете. Толпа ответила дружным вздохом, словно над площадью пронесся порыв холодного зимнего ветра. Тарлетон побагровел, а священник, перекрестясь украдкой, спрятался у него за спиной.

— Клянусь всей моей силой, которую эти дети себе даже не представляют, вы их не получите, — сказал Баррет. — Я клянусь в этом. Я остановлю вас, если придется, этой силой и спасу их, но при этом погибнет много людей, которые не заслужили такой участи.

Зрители начали беспокойно озираться по сторонам, ища пути к отступлению, но лучники Баррета сомкнули ряды, охраняя все выходы с площади. С нее было не уйти.

— Но я предоставляю вам выбор, — продолжал Баррет, возвысив голос, чтобы заглушить тревожный ропот толпы. — Отпустите детей, позвольте моим людям забрать их отсюда, и в качестве выкупа за них я сам отдамся в ваши руки. Что больше обрадует вашего лорда? Несколько необученных детей, которые никому не могут причинить вреда? Или же такой, как я, настоящий маг, который в любой момент, стоит только пожелать, разнесет здесь все? Правда, мне это не доставит удовольствия,

как вы думаете сейчас про себя.

Смятение толпы все усиливалось, и никто, кроме Бетаны, не услышал сдавленного голоса Даррела: «Нет!» Тарлетон помешкал несколько мгновений, затем поднял руку, призывая народ к тишине. Судя по всему, Баррет ошарашил его тем, что прочел его мысли, но самообладания он все-таки не утратил. Толпа постепенно затихла.

— Стало быть, благородный лорд Баррет де Лейни является еретиком Дерини, — сказал капитан. — Правильно делал мой лорд, что не доверял вам.

— Вашему лорду не мешало бы прислушаться к голосу совести, ибо в судный день ему придется ответить за свои дела, — отвечал Баррет.

— Просто подарок, сказал бы я, — продолжал Тарлетон, словно не слыша его слов. — Но как мне знать, исполните ли вы свою часть договора? Что такое слово Дерини?

— Что такое слово любого человека? — возразил Баррет. — Все, кто меня знает, знают и то, что мое слово всегда было крепче оков. И я даю слово, что, если вы позволите моим людям забрать детей, я сдамся вам в руки и не воспользуюсь своей силой. Таково мое слово. Моя жизнь — за жизнь этих детей. На этих условиях я согласен предстать пред моим Господом.

— Должно быть, вы сошли с ума! — ответил Тарлетон, и лицо его исказил угрожающий оскал. — Но я принимаю ваши условия. Стража, выдайте детей людям его светлости. Лучники, возьмите на прицел милорда Баррета и следите за тем, как он держит слово Дерини. Я что-то не слыхал, чтобы колдуны умели останавливать стрелы на лету.

Из укрытий на крышах по обе стороны от Тарлетона выступило полдюжины лучников, целясь в заложника. Стражники недовольно заворчали, но повиновались и, отойдя от загона, окружили Баррета, стараясь, впрочем, не подходить близко к пылавшему вокруг него зеленому магическому огню. Воины Баррета начали подъезжать по одному к загону, каждый подхватывал на седло по ребенку, и наконец загон опустел, и последняя лошадь с двумя всадниками умчалась галопом прочь. Осталось лишь четыре лучника, по-прежнему державшие стрелы наложенными на тетиву. Один из них коротко отсалютовал Баррету.

— Сэр, ждем ваших приказаний.

Баррет спокойно кивнул.

— Благодарю вас за службу, приказаний более не будет. Ступайте.

Четверо лучников поклонились, дружно развернулись и

поскакали вслед за остальными. Когда стук подков затих вдали, Баррет соскочил с лошади и медленно пошел к Тарлетону. Люди шарахнулись в стороны, и Тарлетон со священником невольно отступили на несколько шагов. Подойдя к ним на расстояние в несколько футов, он остановился и наклонил голову. Магический огонь погас, Баррет левой рукой вытащил меч из ножен и протянул Тарлетону рукоятью вперед.

— Я держу свое слово, капитан, — сказал он, сверкнув глазами.

Тарлетон осторожно принял оружие, отступил еще на шаг, и сразу же полдюжины его стражников бросились к Баррету, дабы связать ему руки.

— Его глаза! — прошипел священник. — Это зло! Зло! Остерегайтесь его взгляда, милорд!

В толпе поднялся крик, Тарлетон подал стражникам какой-то знак и, повернувшись, направился обратно во двор. Баррет старался высоко держать голову, но все-таки споткнулся несколько раз, когда стражники потащили его через площадь.

Старуха покачала в полусне головой, не желая вспоминать далее; но видение продолжало разворачиваться перед ее внутренним взором, и не было у нее сил открыть глаза и прогнать его.

Во дворе за площадью находилась кузня, и с того места, где стояли они с Даррелом, видна была разнообразная кузнечная утварь и жаровня, на которой мастер раскалял железо. Туда-то и повели своего пленника стражники Тарлетона, и один из них осторожно вынул из огня раскаленный металлический брус. Потом солдаты сомкнулись вокруг пленника, скрыв его от посторонних взглядов.

Но она, хоть и не видела ничего, поняла, что его ослепляют. Крик его разнесся по всей площади, дитя шевельнулось в ее чреве, и вновь подкатила дурнота. И когда она, зажмурив глаза, заткнула уши, чтобы не слышать этих страдальческих криков, Даррел отвел ее руку от уха и сказал сурово и непреклонно:

— *Я* слова не давал! И пойду за ним. Если удастся вытащить его оттуда, мы отправимся в монастырь святого Луки. Встретимся там. Да сохранит тебя Господь, милая.

И не успела она слова сказать, как он уже проскользнул сквозь толпу и вскочил на коня Баррета; и когда он верхом на белоснежном жеребце поскакал во двор за площадью, вокруг него вспыхнуло золотистое пламя магической защиты.

При виде этого в толпе началась настоящая паника, люди с воплями ринулись ко всем выходам с площади. Людской поток подхватил Бетану и против ее воли повлек за собою, унося прочь

от Даррела, и слезы брызнули из ее глаз от бессильной ярости.

Но она разглядела все же белого жеребца, взвившегося на дыбы у входа во двор — боевой конь яростно бил копытами, — и заметила безвольно обмякшее, окровавленное тело, перекинутое через седло перед ее мужем.

Коня окружили стражники Тарлетона, но он прорвался сквозь их ряды и поскакал через площадь, и тогда вступили в дело лучники, в ее мужа полетели стрелы, разившие заодно ни в чем не повинных людей.

Вокруг нее слышались отчаянные вопли, вонзавшиеся в ее мозг, как те стрелы, и она тоже начала кричать и побежала, и...

Тут другой крик ворвался в ее сознание, она очнулась и, выпрямившись, увидела маленькую Бронвин, которая бежала к ней по лугу и вопила во все горло.

— Бабушка! Бабушка! Идите сюда. Мой брат расшибся! Идите скорее!

Бетана, опираясь на посох, тяжело поднялась на ноги и разглядела на лугу двух мальчиков, склонившихся над третьим. Девочка бежала так быстро, что не смогла вовремя остановиться и, схватив старуху за руку, чуть не сбила ее с ног.

— Пожалуйста, бабушка, пойдемте скорее. Он расшибся! Кажется, руку сломал!

Идти ей совсем не хотелось. На что ей эти дети, одно беспокойство от них! Но что-то в умоляющем выражении лица девчушки напомнило ей о тех, других личиках на давно забытой площади, и поэтому она взяла все-таки свою сумку с целебными травами и лоскутами для перевязки и заковыляла вниз по каменистому склону холма. Девочка суетливо дергала ее за руку — скорее, скорее!..

Когда она добралась до детей, мальчики подняли головы, и юный Мак-Лайн вскочил, словно собравшись защищать друга. На земле, тяжело дыша, лежал светленький мальчуган. Взгляд на сломанную ветку дерева поведал ей о случившемся. А вид согнутой под неправильным углом правой руки мальчика досказал остальное. Кевин, молодой граф, догадался разрезать рукав до плеча — обнаженная плоть уже вспухла и побагровела. Мальчик был в сознании, но дышал с трудом. Не только руку сломал, но и расшибся изрядно. Правда, крови не было видно. А это — хороший знак.

— Что ж, давай глянем, — буркнула она, неуклюже опустилась на колени возле мальчика и положила рядом сумку. — Здесь чувствуешь?

Она дотронулась до руки выше и ниже перелома, и мальчик кивнул, вздрогнув, но не издал ни звука. Бетана старалась не

причинять лишней боли, но пока она ощупывала руку, проверяя, что да как, лицо его покрылось смертельной бледностью.

— Обе кости сломались, — заключила она наконец. — Вправлять будет трудно и больно, — она перевела взгляд на Кевина. — Я могу заняться этим, а вы вернитесь-ка домой да приведите кого с носилками. Руку нельзя будет двигать, пока кости немного не срастутся.

Молодой граф был бледен, но в ясных голубых глазах еще сквозила прежняя надменность.

— Это правая рука, — сказал он со значением. — Вы уверены, что сумеете вправить как должно? Может, лучше привести нашего врача?

— Нет, коли хотите сохранить руку, — пренебрежительно мотнув головой, ответила она. — Врач ее, скорее всего, отрежет. Это скверный перелом. Еще чуть-чуть, и кость проткнула бы кожу — тогда он *точно* потерял бы руку. Я знаю, что делаю. Ступайте же!

Надменность испарилась. Кевин сдержанно, но благодарно кивнул, забрался на пони и ускакал галопом. Двоих оставшихся ребятишек Бетана отправила искать деревяшки для лубков, а сама уселась скрестив ноги и еще раз проверила сломанную руку. Мальчик дышал уже ровнее, только порой от прикосновения к больному месту со свистом втягивал воздух сквозь сжатые зубы. Прежде всего следовало дать ему что-нибудь для утоления боли.

Подтащив сумку, она принялась искать на ощупь требуемые травы и снадобья, глядя при этом сощуренными глазами на мальчика. Выбор она предоставила своему чутью и немало удивилась, обнаружив, что в одном из мешочков, которые она вытащила, — смертельный яд.

«Почему? — подумала она, уставясь на мешочек и пытаясь понять причину. — Ведь это всего лишь ребенок, не враг какой и не...»

О, добрые боги и повелители стихий! Этот мальчишка — Дерини!

В одно мгновение ожила в ней былая горечь: Даррел умер у нее на руках, потому что получил в спину несколько стрел; умер, потому что не мог не спасти своего друга Дерини; умер — из-за детей Дерини.

Она так сильно горевала после смерти Даррела, что их собственный ребенок родился мертвым; а потом она долго, очень долго была больна, лежала в монастыре святого Луки, и все равно ей было, умрет *она* или выживет, и что-то порвалось внутри, чтобы никогда уже не срастись...

О, Даррел...

Рыдания подступили к горлу, она прижала мешочек к высохшей груди, и по обветренным щекам ее покатились слезы.

Даррел заплатил своей жизнью за детей Дерини. Он принял стрелы и умер — за детей Дерини. И вот теперь в ее руках другой ребенок Дерини, и он не в силах защитить себя от справедливой мести. Ужели несправедливо — одна эта жизнь в обмен на ее утраченную любовь?

Она потянулась за кубками, которые оставили дети после еды. Один был пуст, но во втором плескалось на два пальца воды — этого хватит. Мальчик лежал с закрытыми глазами и не видел, как она всыпала в кубок нужное количество сероватого порошка и размешала его первой попавшейся под руку веточкой. Она дала бы ему смертоносное питье не дрогнув, но, когда она приподняла его голову, он вдруг широко открыл доверчивые серые глаза.

— Что это? — спросил он, слегка вздрогнув, оттого что больная рука его сдвинулась с места.

— Питье от боли, — солгала Бетана, смущенная его взглядом. — Выпей. И потом ничего не почувствуешь.

Мальчик послушно взялся здоровой рукой за ее руку, державшую кубок, светлые ресницы опустились. Кубок был уже у самых губ, когда он вдруг застыл и снова вскинул на нее глаза, в которых появилось внезапное понимание.

— Это же яд! — выдохнул он и оттолкнул кубок. — Вы хотите убить меня!

Она ощутила прикосновение его разума к своему и в страхе отпрянула, отпустив его. Он со стоном упал обратно на траву, прижал больную руку к себе и, откатившись в сторону, попытался сесть. Но Бетана схватила его за плечо и прочла старое заклинание, лишающее человека сил, — сейчас, измученный болью, он не смог бы противостоять ее колдовству, даже если бы имел достаточно знаний, но откуда ему было набраться этих знаний! Она вцепилась ему в волосы, вздернула голову кверху и снова поднесла кубок, и мальчик уставился на него мутными от боли глазами так, словно надеялся отшвырнуть кубок взглядом.

— Но за что? — прошептал он, и по щекам его покатились слезы. — Я же не сделал вам ничего плохого. Не может быть, чтобы из-за *овец*!..

Не желая ничего слушать, она попыталась силой заставить его открыть рот.

«Даррел, единственная любовь моя, я мщу за тебя!» — подумала она, борясь с мальчиком, упорно отворачивавшим голову.

Но когда она стиснула зубы и, не обращая внимания на его стоны и постепенно слабеющее сопротивление, вновь поднесла к

его губам кубок, солнечный луч упал вдруг на ободок обручального кольца, и в глаза ей ударило золотое сияние. Она сморгнула и замерла.

«Даррел... боги мои, что это я делаю?»

Она вдруг поняла, что перед нею совсем маленький мальчик — он старался держаться мужественно, но ему было всего лет девять, не больше. Да, он Дерини, но разве это его вина, как и у тех детишек Дерини, и у Даррела и Баррета, который пожертвовал собой? Разве этому учил ее Даррел? И не сошла ли она с ума, задумав убить Дерини, кем был и он сам?

Тихо вскрикнув, она бросила кубок, отпустила мальчика и закрыла лицо руками.

— Прости меня, Даррел, — прорыдала она, целуя кольцо. — Прости. О, прости меня, любовь моя. Пожалуйста, прости меня, любовь моя, моя жизнь...

Когда она, утерев глаза подолом рваной юбки, подняла наконец голову, мальчик снова лежал на спине, не сводя с нее изучающих серых глаз. Миловидное лицо его кривилось от боли, он поддерживал больную руку здоровой, но бежать больше не пытался.

— Вы поняли, кто я, правда? — спросил он очень тихо.

Она кивнула, и его серые глаза на мгновение закрылись и распахнулись снова.

— Этот Даррел... его что, убил Дерини?

Бетана, сдержав рыдания, покачала головой.

— Нет, — прошептала она. — Он *был* Дерини и умер, спасая своих.

— Кажется, я понял, — сказал мальчик не по годам серьезно и кивнул. Затем вздохнул глубоко и продолжил: — Послушайте, если вам не хочется, вы ведь не должны меня лечить. Кевин все равно приведет врача, хоть вы и сказали, что не надо. Врач мне поможет.

— И оставит без руки, маленький Дерини? — она выпрямилась, вновь обретая спокойствие. — Нет уж, я не допущу. Даррел бы этого не одобрил. Как ты сможешь продолжать его дело без правой руки?

Он вопросительно поднял брови, а Бетана сунула мешочек с ядом обратно в сумку и вытащила стопку свернутых желтоватых повязок.

— Никаких снадобий от боли я тебе не дам, — с кривой улыбкой сказала она. — После того, что чуть было не произошло, я не положусь уже ни на себя, ни на тебя. Но руку все-таки *вправлю*. И даю тебе свое слово, что все будет хорошо, если станешь вести себя, как я скажу.

— Ваше слово? Ладно, — мальчик посмотрел на Дункана и Бронвин, которые приближались к ним с охапками дерева.

Разбирая деревяшки в поисках подходящих, Бетана вспоминала другого Дерини и его ответ: «Мое слово крепче оков!» — и знала, что тоже исполнит сказанное. Затем она велела второму мальчику обстругать выбранные деревяшки, объяснив, что они должны быть плоскими с одной стороны, и, отослав его, поглядела с грубоватой лаской на раненого мальчика.

Видимо, что-то в ее лице успокоило его — а, может, он прочел ее мысли, как это делал когда-то Даррел. Но, встретившись с ней глазами, он явно расслабился и как будто даже задремал, положив голову на колени к сестре, пока Бетана раскладывала перед собою лубки и повязки, готовясь приступить к делу.

Теперь она поняла, что все трое детей были Дерини; когда она велела второму мальчику сесть рядом и держать Аларика за здоровую руку, она почувствовала, что *он знает* что-то об ее ремесле — хотя понимает не лучше, чем в свое время Даррел. Даррелу она *попыталась* бы объяснить эту старинную премудрость...

— Ты, девочка, попробуй его успокоить, — хрипло сказала она, легко проводя рукой по месту перелома в сторону запястья. — Хорошенькая девочка способна отвлечь мужчину от боли. Так учил меня мой Даррел.

Аларик напрягся, словно испугавшись, что она сейчас расскажет всем о том, что было между ними; но потом закрыл глаза, глубоко вздохнул и вновь расслабился. Несколько секунд Бетана ждала, пока начнет действовать одно из старых заклинаний Даррела, затем, предупреждая, сжала запястье и принялась тянуть за руку, слегка поворачивая ее и направляя, чтобы края кости встали на место. Мальчик со свистом втянул воздух сквозь зубы и выгнулся от боли; но не издал ни звука и даже непроизвольно не пытался отнять руку. И вправив все, как полагается, Бетана привязала лубки, которые подал Дункан, так, чтобы рука от бицепса до кончиков пальцев оставалась неподвижной. Аларик же, когда все было уже сделано, потерял наконец от боли сознание.

Тут на лугу появились скачущие галопом всадники. Они подъехали как раз в тот миг, когда Бетана, завершив работу, поднялась на ноги. Первым торопливо спешился мужчина с сумкой, весьма похожей на ее собственную, и встал на колени возле мальчика. Еще два всадника, соскочив с седел, принялись разворачивать носилки. Четвертый, с которым в одном седле прискакал лорд Кевин, спустил наземь мальчика, потом спешился

сам. Он был молод и белокур, и очень походил на ее Даррела, каким тот был, когда они встретились впервые.

— Я Диверил, сенешаль герцога Джареда, — сказал он, глядя на врача, который проверял в это время ее работу. — Его светлость и отец мальчика в отъезде. Что здесь произошло?

Бетана, опершись на посох, слегка наклонила голову.

— Мальчики есть мальчики, сэр, — уклончиво ответила она. — Молодой лорд упал с дерева, — и указала посохом на сломанную ветвь. — Я всего лишь сделала для него, что было в моих скромных силах. Рука должна срастись как следует.

— Макон? — спросил сенешаль.

Врач одобрительно кивнул, и тут пациент его застонал и пришел в себя.

— Все сделано как надо, милорд. Если не двигать рукой, станет как новенькая, — он глянул на Бетану. — Вы, матушка, кажется, не давали ему ничего из ваших трав?

Бетана, пряча кривую улыбку, покачала головой.

— Нет, сэр. Он храбрый парнишка, справился и без этого. Из него вырастет прекрасный солдат. И будет много сражаться.

— Да, наверное, так и будет, — сказал Диверил, глядя на нее столь странно, что она даже заподозрила, не понял ли он скрытый в ее словах второй смысл.

Мальчик-то точно понял. Когда его уложили на носилки, собираясь тронуться в путь, он поманил ее к себе здоровой рукой. Врач дал ему что-то из своих болеутоляющих средств, зрачки серых глаз расширились, и Аларик, борясь со сном, с трудом поднимал свои светлые ресницы. Но рука его была тверда, когда он притянул ее к себе поближе и прошептал на ухо:

— Благодарю вас, бабушка... вы знаете, за что. Я постараюсь... продолжить *их* дело.

Бетана снисходительно покивала в ответ, зная, что, проснувшись после действия снадобья, он ничего не вспомнит. Но в тот миг, когда носилки тронулись в путь, он еще успел поднести к губам ее руку и поцеловал кольцо — кольцо Даррела! — точно так же, как когда-то целовал его *он*.

Больше мальчик не мог бороться со сном — пальцы его разжались; носильщики осторожно вынесли его из тени на солнечный свет, знатные же господа вскочили в седла. Малышка Бронвин чинно присела в реверансе — а *она*, знала ли она, что здесь произошло? — и наконец все поскакали в сторону замка.

Бетана задумчиво поднесла руку к лицу, провела по щеке гладким золотым ободком, не отрывая взгляда от удалявшихся всадников и мерно покачивавшихся носилок. Но к тому времени, как их поглотило солнечное марево, мысли ее уже снова

вернулись к далекому прошлому, и случившееся сегодня обратилось в неясное воспоминание.

— Ну, Даррел, хоть одного из них мы спасли, правда? — прошептала она, поцеловала кольцо и улыбнулась.

А потом подняла сумку и, мурлыча себе под нос песенку, побрела к своей пещере на холме.

Посвящение Арилана

1 августа 1104 г. — 2 февраля 1105 г.

Епископ Дерини Арилан был весьма интересен для меня с той самой минуты, как появился на совете регентов Келсона в романе «Возрождении Дерини». Я знала, что Арилан — скрывающийся Дерини (хотя еще представления не имела тогда о существовании Совета Камбера), но открылось это только во «Властителе Дерини», и Брион вряд ли мог знать об этом. Хотя то, что он назначил в тайный совет столь незначительного, не имеющего своей епархии епископа, говорит о близкой дружбе между ними и глубоком доверии. (К моменту смерти Бриона Денис Арилан был фактически его духовником — а как он к этому пришел, я расскажу в следующем романе).

Епископы, друзья Арилана, похоже, не знали о том, что он Дерини и что он не имел права быть епископом. Его вообще не посвятили бы в духовный сан, знай церковники, кто он такой, — ибо среди прочих ограничений, наложенных на Дерини Рамосским Собором, им под страхом смертной казни было запрещено становиться священниками.

Церковь каким-то образом не допускала возможности обойти этот запрет — однако Арилану это все же удалось. В романе «Властитель Дерини» он говорит, что, насколько ему известно, они с Дунканом — единственные Дерини, посвященные в духовный сан за несколько веков. (Не исключено, что сам Арилан и помог Дункану благополучно пройти испытание, хотя Дункан тогда не знал и не мог знать, что Арилан — Дерини.)

Так каким же образом удавалось церкви не пускать Дерини в священники? Что мешало им тайным образом добиваться посвящения в сан? Как сумел Арилан обойти препятствия — и какой ценой? Чем он оправдывал себя? И не сожалел ли впоследствии?

«Скажите, — спрашивает Дункан в романе «Властитель Дерини», — вас не мучило, что вы остаетесь безучастным, когда вокруг страдают и умирают такие же, как вы? Вы были в силах помочь им, Арилан, но вы ничего не сделали».

Арилан отвечает: «Я сделал все, что мог, Дункан. Я бы сделал больше, но... я не хотел рисковать тогда, я не был уверен, что это принесет пользу». По этим словам можно судить, что цена была высока.

В этом рассказе, между прочим, появляются два уже знакомых вам персонажа из Совета Камбера, хотя двадцатилетний Денис Арилан знает только их имена и ничего не

знает даже о существовании этого Совета. Втайне от Дениса брат его Джемил тоже входит в Совет Камбера — Денису же известно только то, что у Джемила есть некие могущественные высокопоставленные друзья, и не только при дворе короля Бриона. О других братьях Арилана и о связях их с королевским домом Халдейнов вы узнаете из трилогии о Моргане.

Двадцатилетний Денис Арилан, помогая другу облачаться в черную сутану и белый стихарь, еще не знал, вправду ли Господь поражает всякого Дерини, который осмеливается искать посвящения в духовный сан, но собирался вскоре выяснить — вернее, выяснить это должен был его друг, Джориан де Курси.

— Облеки меня покровом невинности, Господи, укрой светом Твоим, — тихо бормотал Джориан, когда Денис помогал ему продеть голову в новый стихарь. — Да буду достоин я принимать дары Твои и достоин раздавать их.

Ткань, пахнувшая солнцем, летом и ветром, легла мягкими складками поверх сутаны Джориана, и Денис завязал шнурки одеяния.

— *Ты не обязан проходите через это, ты же знаешь*, — сказал он другу мысленно, как умеют только Дерини, усилив магическую связь прикосновением руки.

В это чудесное августовское утро в библиотеке семинарии *Arx Fidei* одевались еще три кандидата, которым помогали соученики из старших классов, поскольку ризница, в которой обычно происходило облачение, была занята архиепископом, приезжавшим обычно на рукоположение, и его свитой.

— *Вдруг это правда?* — продолжал Денис. — *Джориан, послушай меня! Ведь если они обнаружат, кто ты, они убьют тебя!*

Джориан только улыбнулся в ответ, принимая у Дениса белый шелковый кушак и с надлежащей молитвой повязывая его вокруг талии.

— Скрепи меня узами любви с Тобою, Господи Иисусе Христе, и опояшь непорочностью, дабы сила Твоя пребыла со мною!

— *Джориан, вдруг это правда?* — настаивал Денис.

— *А вдруг неправда?* — ответил Джориан тем же сокровенным способом, позволявшим Дерини общаться в присутствии посторонних, кто не должен был знать об их происхождении. — *Мы так и не узнаем, если кто-нибудь не попробует. И это должен сделать я. Я не так хорошо обучен, как ты, — сам этого не хотел, и если разоблачат меня, для наших это будет гораздо меньшей потерей. Я хочу быть священником — я рожден для этого, Денис, — и, может быть, мне лучше умереть, если я этого не добьюсь.*

— Ты сошел сума!

— Возможно. Но тем не менее я не поверну обратно, когда цель так близка. Если я призван стать священником, Господь позаботится обо мне.

Джориан, перебросив через левое плечо дьяконский орарь, начал читать вслух другую молитву, а Денис вновь принялся возиться с завязками.

— Тебя, Кто сказал: «Ноша Моя легка, бремя Мое — свет», Тебя благодарю за то, что могу нести благословение Твое всему миру.

— И если я этого не сделаю, — продолжил мысленно Джориан, *— может быть, ты сделаешь за меня.*

Лишь внутренняя дисциплина помогла Денису сохранить невозмутимое выражение лица, когда друг его, шепча молитву, закреплял последнюю принадлежность облачения, ибо Джориан был прав. В качестве предосторожности они все годы обучения скрывали свою дружбу, чтобы, если одного разоблачат, не пострадал бы заодно и другой, но оба знали прекрасно, что все решает эта последняя проверка. Кто-то должен был пройти ее первым, и это был Джориан. Двести лет церковь под страхом смертной казни запрещала Дерини получать духовный сан, и священники утверждали, что Бог поразит каждого, кто дерзнет нарушить запрет. Говорили, что так и происходило не однажды в десятом веке, в самом начале гонений против Дерини. И в каждой семинарии новичкам рассказывали свои страшные истории о том, что случалось с теми, кто пытался получить сан обманом.

В результате почти двести лет в Гвиннеде не было ни священников, ни тем более епископов Дерини. Во всяком случае, о таковых не знали даже учителя Дерини — а уж они-то должны были знать. Но если Дерини хотели положить когда-нибудь конец преследованию своей расы и вернуть себе высокие посты и былую власть, начинать следовало с церкви, с попыток изменить внушаемое ею представление о Дерини, как о воплощении зла. Прежде чем стремиться к светской власти, надо было обрести власть внутри церкви. Учителя надеялись, что Денис Арилан, их лучший ученик, дойдет в конечном итоге до епископского сана, и настояли, как он ни противился, на том, что первым, расчищая ему путь, должен пройти испытание старший годами, но менее одаренный Джориан де Курси.

— Внимание, преподобные господа, — предупредил басом отец Лоуэлл, капеллан аббатства, просунув голову с тонзурой в дверь библиотеки, и отступил с дороги.

В библиотеку вошел отец Калберт, энергичный молодой аббат семинарии, в сопровождении нескольких преподавателей и

священников-гостей, и все четыре кандидата, поспешно поправляя облачения, обратили к ним свои взгляды. Денис и другие помощники отошли в сторону, и все низко поклонились, когда Калберт поднял руки, благословляя, и произнес положенное приветствие.

— *Pax vobiscum, filii mei.*

— *Deo gratias, Reverendissimus Pater,* — ответили они в унисон.

— Ах, какие прекрасные выйдут из вас священники, — сказал Калберт, улыбаясь и одобрительно разглядывая своих подопечных. Затем он обратился к семинаристам-помощникам. — Можете идти на свои места, а я скажу вашим братьям несколько слов напоследок.

Денис, потупив взор, как подобает, послушно вышел вслед за остальными, но, проходя мимо Джориана, послал ему мысленно слова прощания, словно бросил вызов — не Калберту, ибо тот был многомудрый и святой человек, а жестокому закону, который превратил этот день радости в день страха для его друга. Без физического контакта, помогающего ментальной связи, и без сосредоточенности на ней Джориана посыл этот отнял у него много энергии, но он не пожалел об этом, ибо успел ощутить слабый, но полный благодарности отклик друга, прежде чем за ним закрылась дверь.

Он едва сознавал происходящее, когда шел потом по монастырскому двору и занимал со своими однокашниками положенные места в процессии позади несущих крест и кадила, когда пел вместе со всеми вступительный гимн — сердце его возносилось в неустанной молитве, чтобы Джориан благополучно прошел посвящение и чтобы Господь не поразил никого из них за дерзость.

— *Jubilate Deo, omnis terra,* — пел он. — *Servite Domino in laetitia. Introite in conspectu euis in exsultatione…*

Воскликните Господу, вся земля. Служите Господу с веселием. Представайте пред лице Его с пением…

Церковь Заступника была переполнена, из-за приезда на посвящение архиепископа и родственников нынешних кандидатов из знатных семей — Джориан тоже был знатного рода, но из родни его почти никого не осталось в живых. Это было, кстати, еще одной из причин, по которой первым позволили рискнуть Джориану, ибо в случае разоблачения никакие церковные или мирские наказания не могли угрожать мертвым — даже мертвым Дерини. Денис Арилан, входя с процессией в битком набитую церковь, весь напрягся в ожидании приближавшегося испытания.

Алтарь сиял свечами. Сверкали, отражая свет, подсвечники и алтарная плита. Привычный запах воска и ладана успокоил

немного душу Дениса, наполнил ее прежней радостью, и, благоговейно сложив на груди руки, он проследовал на свое место в правом крыле хоров, располагавшихся по обе стороны от алтаря.

— *Bendicte, anima mea, Domino,* — запел хор другой псалом. — *Et omnia quae intra me sunt nomini sancto eius...* Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его...

Процессии архиепископа, казалось, не будет конца; ее состав не сулил ничего доброго Дерини, случись таковому быть уличенным сегодня в обмане. И одного архиепископа хватило бы — то был ярый ненавистник Дерини, Оливер де Нор, архиепископ Валорета и примас всего Гвиннеда, про которого говорили, что в бытие свое странствующим епископом он отправил на костер не одного Дерини, — но с ним было еще двое священников, также имевших репутацию злостных гонителей Дерини. Отец Горони, капеллан архиепископа, отыскавший и отправивший на казнь несколько магов. И священник по имени Дарби, постепенно приобретавший печальную известность и назначенный недавно пастырем расположенного по соседству прихода Святого Марка — по традиции этот пост был переходной ступенью для привилегированных сынов церкви к сану епископа. Все церковники Гвиннеда слышали об Александре Дарби, чей трактат о Дерини, который он написал, еще учась в семинарии Грекоты, стал рекомендованным чтением для всех стремящихся к духовному сану.

Но уже не время было размышлять об опасности, которую представляли собой посетители *Arx Fidei.* Время было думать о Джориане, который появился в конце процессии, ведомой аббатом Калбертом, среди остальных трех дьяконов со свечами в руках. Если молодой Дерини и питал какие-то страхи по поводу предстоящего, на серьезном лице его отражалась лишь сдержанная радость, ибо близился миг, к которому он готовил себя всю жизнь. И Денис снова начал молиться, так, словно никогда раньше не молился, прося пощадить Джориана; и некоторое время потом казалось ему, что молитва его услышана.

Молния не поразила Джориана де Курси, когда его вызвали и он ответил *«Adsum»* и, преклонив колени, передал с почтительным поклоном свою свечу архиепископу. И не прилип к небу его язык, когда он отвечал на ритуальные вопросы. И не пал он мертвым, когда архиепископ возложил руки на его голову, благословляя и посвящая в сан, и когда это сделали остальные священники, и когда ладоней его коснулось святое помазание.

Когда же облаченный наконец в белую ризу и епитрахиль священника Джориан и остальные посвященные двинулись вослед

за архиепископом к алтарю, дабы отслужить свою первую в жизни мессу, Денис начал верить, что все пройдет благополучно. Джориан уже получил причастие из рук архиепископа де Нора и сам вышел со святыми дарами причащать соучеников и прихожан, и вот тут-то внезапно восторг на его лице сменился изумлением, и юноша неожиданно споткнулся.

— Иисусе сладчайший, помоги мне! — услышал Денис слабый голос Джориана, и молодой священник, побледнев, упал на колени и схватился за ограду алтаря, едва не выронив святые дары.

Отец Ориолт, посвященный в сан одновременно с Джорианом, не растерялся и подхватил дароносицу, и тут архиепископ де Нор, передав свои дары отцу Горони, устремился к скорчившемуся у ограды Джориану, а с другой стороны к нему заторопился аббат Калберт.

— Джориан, вам плохо? — спросил Калберт, поддерживая юношу за плечи.

Их окружили священники, и ответа своего друга Денис не слышал, как не слышал и дальнейших реплик, но сомневаться в недомогании Джориана не приходилось — тот совсем сполз на пол и исчез за фигурами святых отцов. По знаку де Нора Горони принес из алтаря собственный потир архиепископа, и Джориану дали из него выпить, но это не помогло. Наоборот, юноше стало еще хуже.

Затем Джориана подхватили Ориолт и отец Риордан, наставник младших классов, и отвели в ризницу, следом отправились де Нор и аббат. *Что-то здесь не так*, — думал в смятении Денис. *Неужели это Бог поразил Джориана?*

Он не мог поверить в это, но чем же тогда объяснить то, что произошло? Джориан был вполне здоров. И утром, когда Денис помогал ему одеваться, чувствовал себя прекрасно. Он не мог растеряться и утратить самообладание, когда приступил к исполнению своих новых обязанностей, поскольку, будучи дьяконом, достаточно часто помогал священнику причащать паству.

И единственное, что приходило на ум, — эта внезапная слабость Джориана как-то связана с тем, что он Дерини. Бог его поразил, как и утверждали легенды; и когда настала очередь Дениса идти к причастию, он невольно напрягся, ожидая, что Господь поразит сейчас и его, как виновного в том же грехе.

Освященная облатка, которую Денис принял от отца Горони, показалась ему суше, чем обычно, и комом стояла в горле, когда он возвращался на место, но божественный гнев его все-таки не поразил. Правда, он еще и не бросил вызова Святой Церкви,

пройдя посвящение в сан.

Всю службу он думал только о Джориане, тревожась о его состоянии. Архиепископ вскоре вышел из ризницы вместе с Ориолтом и продолжил как ни в чем не бывало раздачу причастия, но в ризницу на это время удалился отец Дарби; а потом де Нор снова ушел туда, и вместо него службу завершал отец Горони.

Джориан так и не вышел дать свое первое благословение, как остальные новоиспеченные священники, и по окончании службы в ризницу разрешили пройти только лицам из свиты архиепископа. На праздничной трапезе Джориан тоже не появился — архиепископ же пришел с опозданием, без своего капеллана и отца Дарби.

Ни архиепископ, ни аббат во время трапезы ни словом не обмолвились о Джориане, хотя не могли не понимать, что семинаристы и гости аббатства должны обсуждать происшествие, пользуясь отменой на праздничный день правила Молчания. И никто не осмелился спросить о нем. Только после вечерней службы, когда учащиеся собрались без посторонних, хмурый аббат Калберт поднялся на кафедру и сдержанно призвал всех к вниманию.

— Дорогие мои дети во Христе, как это ни тяжело, но мой долг рассказать вам о Джориане де Курси, — начал он, и от тона его и от того, что он пропустил новое звание Джориана, Дениса пробила холодная дрожь, — я знаю, все вы встревожены. И очень хотел бы сообщить вам, что с Джорианом все в порядке... или даже, что он умер. К несчастью, я не могу сказать ни того, ни другого. Ибо Джориан де Курси оказался шпионом Дерини, засланным к нам.

Слова эти прозвучали вполне бесстрастно, но все, услышавшие их, разинули рты. Дениса охватила паника, и, борясь с бессмысленным и могущим оказаться роковым порывом к бегству, он задействовал все свое умение Дерини, чтобы выглядеть спокойным, не более потрясенным, чем остальные, и только на руках его, которые он, стиснув, поднес к губам в безмолвной молитве за Джориана, побелели от напряжения костяшки пальцев.

Семинаристы начали переговариваться, сначала шепотом, потом все громче, Калберт поднял руку, призывая к молчанию, и все немедленно затихли.

— Никто из нас до сегодняшнего дня не подозревал об этом. Дерини владеют искусством обмана — но никакая магия не обманет Владыку Воинства Небесного! Господь поразил Джориана де Курси за гордыню и непослушание, и слуги Божий свершат

правосудие. Завтра Джориана де Курси отвезут в Валорет, где он предстанет перед трибуналом архиепископа. Некоторых из вас могут попросить дать показания под присягой о его пребывании здесь, в *Arx Fidei*, ибо это немыслимо, что Дерини сумел подобраться столь близко к Святым Таинствам.

Им запретили обсуждать это происшествие между собой, но после повечерия, когда семинаристам полагалось быть уже в постели, Денис и несколько других старшекурсников переговорили все-таки в коридоре перед дортуаром с молодым отцом Ориолтом, кто единственный, кроме архиепископа, свитских и аббата, побывал в ризнице, куда отвели Джориана.

— Я не знаю, что случилось, — шепотом говорил Ориолт, и Денис придвинулся ближе, чтобы ничего не пропустить. — Я думал, у него просто голова закружилась от волнения и вчерашнего поста. У меня так закружилась слегка. Да еще вино, которое привез архиепископ, на пустой желудок...

— Но почему он звал на помощь? — спросил Вениамин, старшекурсник, который прислуживал у алтаря и который, как Денис и почти все собравшиеся, должен был пройти посвящение в сан будущей весной.

Денис, желая знать правду, осторожно вошел в мысли Ориолта, когда тот ответил, покачав головой:

— Не знаю. У него кружилась голова. Он еле дошел до ризницы. И там его чуть не вырвало. Я побыстрее снял с него облачение, думая, вдруг у него жар; а он дрожал как лист, и зрачки ужасно расширились. Де Нор велел дать ему еще вина, но это не помогло. Я боялся, что у него начнутся судороги, но потом он потерял сознание. И тогда де Нор велел мне возвращаться с ним заканчивать службу, сказав, что с Джорианом побудет отец Дарби. Наверное, Дарби учился на врача.

Ему пытались еще задавать вопросы, но Ориолт больше ничего не видел, и Денис знал, что он говорит правду. Они разошлись по спальням, поскольку разговоры во время Великого Молчания ночных служб были запрещены, и больше часа Денис пролежал в постели, глядя в потолок и размышляя об услышанном, и подозрения все сильнее терзали его душу. Недомогание Джориана, как его описал Ориолт, было весьма похоже на отравление или на...

Мераша! Снадобье Дерини, о котором знали немногие люди... болезнь Джориана могла быть вызвана именно им. Мераша была сильным, дурманящим сознание средством, которое создали сами Дерини еще века назад, чтобы учиться с его помощью контролировать себя. На людей она действовала как легкое успокоительное, но у Дерини вызывала, даже в малых дозах,

головокружение, тошноту и утрату координации, делая невозможными концентрацию и использование психических сил. Денису давали ее несколько раз во время обучения, чтобы он узнал, как она действует, и научился противостоять, на случай, если враги используют мерашу против него; но никакое обучение не помогало полностью нейтрализовать ее действие — а Джориан этому вообще не учился. И вряд ли даже знал, что такое мераша.

Неужели Джориану дали мерашу? Неужели церковники прознали как-то о восприимчивости к ней Дерини и пользовались ею при посвящении в духовный сан, зная, что для людей она безвредна — зато мгновенно разоблачит Дерини? Выходит, нет никакой «божьей воли» в том, чтобы не допускать Дерини в церковь, а есть всего лишь воля самой церкви, человеческий запрет, продолжающий ограничивать их расу со времен реставрации Халдейна?

Вдруг он догадался, и как это можно было сделать: освященное вино! Ориолт заметил, что вино архиепископа было очень крепким. Архиепископ привозит с собой свое — и это никого не удивляет, потому что ему приходится по долгу службы объезжать разные приходы, а кое-где местное вино бывает весьма низкого качества.

И пользуясь своим вином, в которое кое-что подбавлено, он может не только потешить свой разборчивый вкус, но и не позволить ни одному Дерини получить сан, избежав Божьей кары, — а если кому-то из них уже удалось стать священником, успешно очистить алтарь от такой скверны...

Да, мераша должна быть в вине. И де Нор дал его Джориану выпить два... нет, три раза: дважды из своего потира и еще в ризнице, хотя там уже вино было неосвященное. Скандальное, святотатственное злоупотребление таинством, для которого вино предназначено, но зато это обеспечивает достижение цели и избавляет от страха перед Дерини... дает исключительную возможность отбора правильных кандидатов в священники и епископы!

Дениса даже затрясло, когда до него дошел весь смысл собственного предположения, он съежился под тонким одеялом, не желая верить. И все же необходимо выяснить, так ли это на самом деле... и придумать, как обойти это препятствие, поскольку его посвящение в сан состоится всего через шесть месяцев. О том, что будет теперь с Джорианом, которому так не повезло, лучше пока не думать.

Он заставил себя вспомнить, кто этим утром дежурил в ризнице, и перед мысленным взором его возникли лица двух семинаристов. Один из них ночевал в другой спальне, а второй,

его приятель Элгин де Торрес, тихо похрапывал всего через несколько кроватей от Дениса.

Денис долго всматривался в темноту дортуара и, убедившись, что все спят, поднялся, набросил поверх ночной рубахи накидку и тихо подошел к кровати Элгина. Затем встал на колени у изголовья и легко коснулся кончиком пальца между глаз Элгина, усиливая тончайшую ментальную связь.

— Элгин, привозил ли сегодня архиепископ де Нор свое вино для богослужения? — спросил он, требуя ответа в виде картинки, а не слов.

В памяти Элгина сразу же всплыли воспоминания о его пребывании в ризнице — как капеллан де Нора вынимал из тюков пышные облачения, изукрашенные драгоценными камнями потир и дискос и, наконец, скромного вида флягу, из которой он налил вино в графин, предназначенный для выноса в алтарь.

Вот оно! Де Нор привез свое вино! Конечно, в него необязательно была добавлена мераша, но могло быть и так. Все четверо посвященных в сан, причащаясь, пили из потира архиепископа.

Как узнать, была ли мераша уже в вине, когда Горони наливал его в графин, или ее добавили позже? Ее могли подмешать и в графин с водой — не такое оскорбление таинства, но результат тот же. Интересно, когда Джориану дали выпить вина в третий раз, в ризнице, это было здешнее вино или опять из личного запаса де Нора? Зная это, можно было ответить на вопрос относительно воды... но рассказать мог только Ориолт, остальных спрашивать было небезопасно, а Ориолт уже спал и мог уехать прямо с утра, получив назначение.

Впрочем, вино или вода — разница небольшая. Добавление мераши в священный сосуд — дьявольское деяние, в результате которого только что посвященного богослужителя предает именно то таинство, что дает ему право отправлять церковную службу. Это напомнило Денису страшную историю времен Реставрации — негодяй-священник использовал при крещении отравленную соль для убийства новорожденного принца Халдейна. Денис до сих пор помнил, какое жуткое впечатление она на него произвела.

Однако осквернение вина казалось ему еще более чудовищным поступком, ибо искажало главное таинство церкви, пусть даже только для Дерини, желающего стать священником. И хлебом, и вином причащались лишь священники и епископы — благодарение Богу, никто другой из Дерини никогда не подходил к алтарю за утешением и прощением, даруемыми этим таинством.

Но священник-Дерини, причастившись мерашей, не мог даже отслужить свою первую в жизни мессу, ибо тот, кто его посвящал, тем самым его и предавал. Неудивительно, что столько лет среди священников нет и не было Дерини. Как мог кандидат уклониться — или хотя бы узнать, что надо уклониться — от того таинства, для отправления которого его и должны посвятить в сан?

Денис весь дрожал, выйдя из разума Элгина. Он поспешно скрыл следы своего пребывания в нем, углубив сон юноши. Подозрение необходимо проверить. Если ему удастся незаметно пробраться в ризницу, он может найти там доказательства — вдруг графины вымыты небрежно, а то и вообще не вымыты до сих пор, из-за суматохи, последовавшей за разоблачением Джориана.

И сделать это надо сейчас, поскольку завтра с утра, а то и ночью дежурные по ризнице уничтожат все следы происшедшего. Если Дениса застанут в церкви в столь поздний час, это ему ничем не грозит, старшие семинаристы имеют право прийти помолиться в любое время, даже во время Великого Молчания. Но если застанут в ризнице — он должен будет предоставить весьма убедительное объяснение, особенно после случившегося с Джорианом.

Однако упускать эту возможность нельзя. Ибо если стать священником Денису препятствует не божественный промысел, а всего лишь вино с мерашей, он или его учителя, возможно, сумеют найти обходной маневр. А не сумеют, тогда у Дениса есть еще выбор — либо рискнуть, как Джориан, либо уйти из семинарии *Arx Fidei* и исчезнуть совсем, навсегда отказавшись от мысли быть полезным обществу в качестве скрывающегося Дерини.

С самого начала, однако, стало понятно, что его затея с ризницей не удастся, во всяком случае, этой ночью. Ибо, когда он незаметно проскользнул в церковь и остановился в южном трансепте, чтобы осмотреться, он увидел двоих своих однокашников, стоявших на коленях в тени хоров. А из алтаря в этот момент вышел отец Риордан, наставник младших, и направился к ним.

Проклятье! Риордан просто-напросто прикажет ему возвращаться в постель, как, судя по его безмолвной жестикуляции, он и приказывает тем двоим. Денис не обязан подчиняться Риордану, но отказ уйти может вызвать ненужные подозрения. Он задумался, не уговорить ли ему наставника нарушить Молчание, чтобы спросить о Джориане… под невинным предлогом, конечно, будто он ищет утешения… но Денис тут же понял, что не посмеет настаивать, если Риордан не захочет

говорить. А Риордан тем временем уже отправил двоих полуночников к выходу и направился к Денису.

К счастью, судя по выражениям лиц семинаристов, которые покорно пошли к себе в спальню и, проходя мимо, поклонились Денису, Риордан был настроен нынче довольно снисходительно. Он сочувственно кивнул Денису, подойдя ближе, но сразу поднял руку и знаком велел ему уходить.

Денис поклонился в ответ, приняв, как он надеялся, самый скорбный и встревоженный вид, со всею пристойностью пряча руки в рукавах одеяния и рассчитывая исключительно на свою репутацию в семинарии, как одного из самых способных и самых набожных студентов.

— Простите за нарушение Молчания, отец, но я не могу спать, — прошептал он. — Я хотел помолиться за душу Джориана де Курси. Не могли бы вы... сказать, что с ним случилось?

Риордан скрестил руки на груди и смущенно вздохнул.

— Вы же знаете, Денис, что нарушать молчание запрещено.

— Я приму от вас любое наказание, отец, — покорно пробормотал Денис, потупив глаза и молитвенно складывая руки. — Но... я помогал ему... одеваться сегодня утром... — он сглотнул комок в горле. — Я думаю о его душе. Вдруг мои смиренные молитвы помогут ему раскаяться в содеянном.

Устало вздохнув, Риордан повернулся к алтарю, к висевшему над ним большому, в натуральную величину распятию с бледной фигурой Царя Небесного, озаряемой отблесками лампад рубинового стекла, что горели перед дарохранительницей.

— Понимаю, сын мой. Я тоже молился за него, — тихо сказал он. — Неужели я мог так ошибиться в нем? Призвание его казалось столь несомненным, столь...

Риордан растерянно покачал головой и вздохнул еще раз.

— В любом случае, его уже увезли в Валорет. Если... если все пройдет, как всегда, его привезут через месяц-другой обратно... для казни.

Казнь... сожжение на костре...

Денис вздрогнул, опустил голову, стараясь не думать об этом, но страшные образы так и вставали перед внутренним взором. Когда-то в детстве он видел раз, как сжигали человека.

— Да, — услышал он голос Риордана и вздрогнул, когда рука священника тяжело легла ему на плечо. — Это страшная смерть. Постарайся не думать об этом. Лишь одно утешает: пламя очистит его от греха. И, может быть, молитвы тех, кто знал его только с лучшей стороны, привлекут к нему милосердие Господа нашего, когда он предстанет у Престола Правосудия.

Риордан, разумеется, был добрым человеком и не заслуживал

презрения за то, что повторял благочестиво вслед за остальными все те общие места, что говорились о Дерини на протяжении двухсот лет. Денис знал это, и все же... Он вернулся в постель, ничего не видя от слез ярости, молясь, чтобы Риордан отнес эти слезы за счет его чувствительной натуры. И долго плакал в подушку, пока им не овладело мучительное забытье на несколько часов, остававшихся до славословия.

Прошло больше недели, прежде чем Денису удалось наконец побывать в ризнице на законных основаниях — он мыл графины и складывал облачения после службы. Но к тому времени там уже не оставалось, конечно, никаких следов праздничного богослужения. Да он и не надеялся на это.

Еще через неделю, однако, Денис смог рассказать о своих подозрениях старшему брату, Джемилу, приехавшему его навестить в одно из воскресений. Сэр Джемил Арилан блистал при дворе: он был другом и наперсником молодого короля Бриона Халдейна, стал недавно членом государственного совета и, о чем не знал даже Брион, прошел полное обучение Дерини. Кроме придворных, у Джемила имелись и другие могущественные друзья — весьма высокопоставленные Дерини, которые имели право приказывать даже тайным учителям двух братьев Ариланов. И Денис надеялся, что Джемил может заручиться их помощью.

— Святый Боже! Ден, услышь я это от кого другого, я бы не поверил, — пробормотал Джемил после того, как Денис рассказал, отчасти вслух, отчасти мысленно, все, что знал о провале Джориана. — Просто невероятно, и если это правда, то ничего не поделаешь, если только не заменить всех епископов Гвиннеда вместе с их штатом. Может, тебе лучше отказаться от дальнейших попыток.

Тошнота, которую испытывал Денис во время своего рассказа, подкатила к самому горлу. Слова брата его испугали.

— Но я не могу, Джемил. Как я объясню это? В феврале меня ждет посвящение. Я здесь на очень хорошем счету. Если я сейчас, после происшествия с Джорианом, брошу семинарию, они могут догадаться о причине... а это опасно для всех нас. И я должен попытаться — ради Джориана.

Джемил понурил голову, глядя себе под ноги, и стегнул хлыстом для верховой езды по ботинку.

— С Джорианом все очень плохо, — сказал он тихо. — Я слежу за тем, как проходит разбирательство, но сделать ничего не могу. Им занимаются инквизиторы Де Нора. На самом деле он знает слишком мало, чтобы его показания причинили кому-то вред, кроме него самого... если не считать тебя, конечно, ну, и

меня...

— Джориан нас никогда не выдаст... — начал Денис.

— Тише! Я не сказал, что он это сделает! Тем не менее они уже теряют терпение. И когда они...

Денис тяжело вздохнул.

— Знаю, — прошептал он. — Отец Риордан сказал, что его сожгут.

— Отец Риордан — чувствительный человек, — бесстрастно сказал Джемил.

Денис, борясь с тошнотой, опустил глаза и сморгнул слезы.

— А что король? — решился он наконец спросить. — Может ли он что-то сделать? Он ведь не испытывает ненависти к Дерини.

Джемил уныло покачал головой.

— Ден, одно дело — держать Дерини при дворе в качестве своей прихоти; и совсем другое — помиловать того, кто нарушил закон. Брион не знает, кто я... а молодой Аларик Морган — Дерини только наполовину, к тому же он сын человека, который был другом Бриона. И ему всего тринадцать лет.

Джориан де Курси не просто нарушил канонический закон, он пытался внедриться в церковную иерархию. Епископы этого не простят... и Брион не может вмешаться в дела церкви, не подвергнув опасности себя самого. Они пока еще закрывают глаза на силы самого Халдейна... но не потерпят с его стороны никакого давления.

— А твои друзья Дерини? — спросил Денис. — Они ведь нас учили; они предназначили нам с Джорианом стать священниками. Ему они помочь уже не могут, и он, конечно, понимает это — мы оба знали о предстоящем риске... но раз уж я выяснил, в чем состоит препятствие, почему бы им не поискать способ его обойти?

— Я спрошу у них, — сказал Джемил.

— Спросишь? — Денис посмотрел на брата с удивлением. — Думаешь, они и вправду могут найти способ?

— Ничего не обещаю, но, разумеется, выясню это. Ты сможешь приехать домой на несколько дней?

— До Рождества — вряд ли. На Мартынов день ожидается какое-то важное событие... во всяком случае, ходят такие слухи. Все поездки домой отменили.

— И ты не знаешь?.. — лицо Джемила странно напряглось.

— Чего не знаю?

— В Мартынов день они собираются его сжечь, Денис.

* * *

За три месяца, остававшиеся до Мартынова дня, Денис Арилан получил от брата лишь одно короткое письмецо. Для постороннего глаза речь в нем шла о семейных новостях. Но печать на письме, скрепленная магией, содержала дополнительную информацию, доступную только Дерини, причем только тому Дерини, для кого она предназначалась.

Новости были скверные, во всяком случае, что касалось Джориана де Курси. По словам Джемила, трибунал осудил его и действительно назначил казнь на Мартынов день в семинарии *Arx Fidei*, в назидание прочим. Но друзья Джемила, хотя они ничем не могли помочь Джориану, согласились придумать что-нибудь в помощь Денису.

«С тобой лично им не понадобится обсуждать никаких деталей, — гласило послание, заключенное в печати. — То, что мы задумали, будет весьма рискованным и для тебя, и для тех, кто будет тебе помогать, но если ты согласен рискнуть, то согласны и остальные. После Мартынова дня ты получишь известие, что я тяжело заболел и могу умереть. Не пугайся, это будет предлогом для твоей поездки домой».

Увы, до этой поездки состоялась другая, куда более страшная, — но не для Дениса, а для Джориана. Как и говорил Джемил, церковные власти привезли Джориана де Курси обратно в *Arx Fidei*, чтобы семинаристы увидели и убедились воочию, что случается с Дерини, когда те пытаются преступить Божий Закон. Присутствовать при казни обязаны были все, от самого младшего ученика до аббата.

Рассвет Мартынова дня выдался ясным и светлым, обещая на редкость теплую для ноября погоду, словно никакой зимы не было впереди и в помине. Вместо аббата утреннюю молитву прочел отец Риордан, ибо Калберт уединился с архиепископом, прибывшим со своей свитой и осужденным Джорианом накануне вечером. А затем Риордан вывел семинаристов на площадь перед церковью, где уже собрались поглазеть на сожжение Дерини множество учеников из соседних школ и горстка посторонних зевак.

Когда Джориана, изможденного и спотыкавшегося, вывели в цепях к столбу, установленному в центре площади, Денис едва узнал своего друга. На теле его не было ни кровоподтеков, ни следов от ударов плети или других пыток, но и через весь двор Денис мог пересчитать его ребра. По бессмысленному же выражению лица и неловким движениям можно было догадаться, что он опять находятся под воздействием мераши, — не исключено, подумал Денис, что его пичкали этим снадобьем все время заключения.

Кое-что с ним сделали такое, что было заметно сразу — отменили посвящение в сан, лишив тем самым того единственного, что могло принести ему хоть какое-то утешение перед лицом смерти. Жестокость их дошла до того, что ему не позволено было даже выглядеть как священнику. Одеждой Джориану служил кусок грубой домотканой материи, который при всем желании невозможно было принять за рясу, мантию или еще какой-то предмет облачения духовного лица. Чтобы окончательно его унизить, во время заключения ему не позволяли бриться и поддерживать тонзуру. Он один был с бородой на этой площади, заполненной гладко выбритыми мужчинами и еще не знавшими бритвы юнцами; волосы вокруг заросшей тонзуры ему подстригли так неровно, что ее совсем не было видно — даже в этом символе былого звания ему отказали.

Джориан де Курси к тому же должен был умереть отлученным от церкви и без последнего причастия. Перед утренней молитвой Риордан прочел ученикам акт отлучения, и голос его дрожал так, что слов было не разобрать, — наставник младших классов любил Джориана. А потом он произнес короткую проповедь о совести и сострадании и, хотя ни разу не назвал Джориана, дал всем понять, что сострадательный человек с совестью волен помолиться после проповеди, за кого пожелает.

Это небольшое проявление доброты и храбрости могло стоить Риордану строгого выговора, а то и смещения с должности, узнай о нем кто из свиты архиепископа, ибо официальная политика не допускала никакой мягкости по отношению к Дерини. Но присутствовали при этом только ученики; и все они были слишком потрясены предстоящей казнью, чтобы, предавшись после проповеди безмолвной молитве, искать в словах наставника что-то еретическое. Денис в это время с помощью своих сил проверил, что чувствуют окружающие его, — немыслимая для них способность! — и обрел некоторое утешение, убедившись, что участь Джориана воистину печалит каждого. Это позволяло надеяться, что многовековая ненависть к Дерини может угаснуть в том кругу, где это особенно важно, ибо все эти семинаристы станут духовными лицами; а куда ведет церковь, туда следует и народ. И если самому Денису удастся сделать то, чего не смог Джориан, возможно, он сумеет со временем повернуть церковь на стезю умеренности и терпимости в отношении Дерини.

Только эта надежда и поддерживала Дениса, когда он смотрел, как палачи архиепископа привязывали Джориана к столбу. Они прикрутили его цепью, оставив свободными руки, и архиепископ де Нор вышел на крыльцо церкви со своим

капелланом и аббатом Калбертом — последний, казалось, вот-вот упадет в обморок, ибо академический мир не готовил аббатов к таким зрелищам, какое ему предстояло сегодня наблюдать. При появлении де Нора в толпе послышался гомон оживления, и Джориан вздрогнул, хотя не видел выхода архиепископа. Денис попытался поддержать его мысленно, напряг силы почти до предела, но сознание Джориана было затуманено мерашей, и контакта не получилось.

Чуть не плача от несправедливости всего этого, Денис в отчаянии прервал связь, прижал руки к груди — о, если бы он мог сделать хоть что-нибудь, чтобы облегчить мучения друга! Сквозь последнее страшное испытание Джориан должен был пройти в одиночку, лишь Бог служил ему утешением; Денис не в силах был помочь ничем.

Боясь дать волю гневу, чтобы не выдать себя с головой, Денис заставил себя успокоиться, читая надлежащие молитвы. А де Нор вышел вперед с епископским посохом в руке и начал произносить бесконечную проповедь о Дерини — носителях зла и о том, что сейчас одному из них будет воздано по справедливости. Джориан стоял неподвижно, безвольно опустив руки, словно и не слышал ничего — пока де Нор не закончил и не поднес спокойно факел к растопке, сложенной у ног осужденного.

Пламя занялось, окрепло, подхваченное порывом осеннего ветра, взметнулось вверх, и над толпой пронесся не то одобрительный, не то испуганный вздох. Тут только Джориан пошевелился, поднял руки, словно пытаясь защититься, и кто-то из зрителей засвистел, послышались насмешливые выкрики, как будто движение это было лишним доказательством самонадеянности еретика Дерини, хотевшего стать священником.

А потом Джориан поднял глаза над головами своих мучителей, ища взглядом что-то на крышах монастырских строений. Большинство зрителей решило, конечно, что он высматривает возможность спастись, и только Денис догадался, в чем дело. Джориан де Курси, даже перед смертью не изменивший своей вере, искал крест, но де Нор поставил столб так, что юноше не было видно ни одного.

Если бы к тому времени Денис умел управлять разрушительными силами Дерини, он бы с радостью отправил за это архиепископа в ад, — но его этому еще не учили, и впоследствии он был рад, что не мог поддаться соблазну. Благородный Джориан, несмотря ни на что, держался мужественно, он откинул голову, прислонясь к столбу, скрестил руки на груди и так стоял, словно не замечая боли, которую причинял ему огонь, поднявшийся тем временем выше и

лизавший его ноги и жалкое одеяние.

Смотреть на него Денису было невыносимо тяжело, но он заставлял себя ради Джориана, чтобы сохранить эту картину в памяти на все грядущие времена, чтобы никогда не забыть ни пример Джориана, ни причину, по которой он умер. Джориан де Курси, Дерини, был не первым и не последним мучеником, павшим жертвой людской ненависти и страха, но, безусловно, думал Денис, он — один из храбрейших. Он даже не вскрикнул ни разу. Денис был уверен, что точно почувствовал момент, когда душа Джориана покинула измученное тело, и послал мысленные слова прощания своему другу, чья душа воспарила в руки Господа. И когда бренные останки Джориана почернели и скрючились в пламени костра и толпа зароптала беспокойно, над площадью вдруг прозвенел мальчишеский голос:

— Sacerdos in aeternum!

Sacerdos in aeternum... священник навечно. Даже церковь не могла бы оспорить истинность этих слов. Властью своей она могла отлучить Джориана от сана, но священный след в его душе, оставленный рукоположением, она была не в силах стереть, как и след королевского помазания. На самом деле сам акт посвящения в королевский сан сохранился с тех времен, когда короли были одновременно священниками и правителями; ритуал коронации произошел от ритуала посвящения в духовный сан. И то, что даровал Господь через причастие Своей церкви, не мог изменить никакой смертный, пусть даже даровал Он это Дерини.

Именно об этой истине напомнили всем выкрикнутые кем-то слова *«Sacerdos in aeternum»*, и толпа ошеломленно затихла. Кто их крикнул, Денис не знал — хотя в глубине души испытывал безрассудное сожаление, что это был не он сам, — и впоследствии никто не признался, и никто не выдал смельчака. Ибо все вспомнили вдруг, что Джориан де Курси, кем бы он ни был, стал священником навечно; и судить его теперь мог только Бог.

Но хотя насмешки прекратились и на площадь опустилась благоговейная тишина, приторный дым продолжал все так же клубиться над огнем, который уже пожирал столб, и ничто не в силах было смягчить ужас того, что здесь произошло: огненное жертвоприношение живого существа. Здравый смысл твердил Денису, что Джориана де Курси больше нет в этой неузнаваемой оболочке, которая корчится в огне с обугленными конечностями... что только жар пламени заставляет ее шевелиться, а вовсе не последние судороги агонии.

Но вид и запах горящей плоти пробуждали чувства, с которыми не могли совладать ни рассудок, ни логика, тем более

у юных людей. Рассудок не мог сдерживать бесконечно и физическую реакцию организма. Многие отворачивались и сгибались в три погибели, стараясь не упасть в обморок и тщетно борясь с тошнотой, и не один Денис ушел с площади пошатываясь, когда костер превратился наконец в кучку тлеющей золы и всем позволено было разойтись.

Зловоние висело над семинарией *Arx Fidei* еще несколько дней после того, как пепел Джориана бесцеремонно сбросили в протекавшую поблизости реку. Даже через неделю, когда Денис, получив известие о болезни брата, приехал в их фамильное поместье Тре-Арилан, ему все еще казалось, что он чует этот запах, впитавшийся в дорожную сутану.

— Пока мне нечего тебе сообщить, — спокойно сказал Джемил после того, как Денис коротко поздоровался с домочадцами и слугами и они вдвоем уединились в личном кабинете брата. — Я не расспрашиваю, что да как было, тебе скоро придется снова рассказывать об этом. Сегодня, Ден, я устрою тебе встречу с некоторыми весьма значительными людьми. Надеюсь, ты понимаешь, чем мы все рискуем... и чем уже рисковали для тебя.

Денис опустил голову, борясь со слезами, которые он сдерживал всю дорогу от *Arx Fidei*.

— А чем рисковал он, Джемил? — хрипло выговорил он. — Сдается мне, он заплатил самую высокую цену. И я не позволю, чтобы это пропало зря, даже если мне придется действовать одному и погибнуть.

— Я надеялся, что ты так скажешь, — Джемил встал и ласково потрепал Дениса по плечу. — И есть надежда, что на этот раз обойдется без смертельного исхода. Пойдем. Нас ждут.

Денис знал, что рядом с камином в кабинете Джемила есть потайной ход, и без колебаний последовал туда за братом, возжегши, как и старший Арилан, на ладони магический серебристый свет, чтобы освещать дорогу. Но о том, что в ритуальном кабинете, куда привел их коридор, есть Перемещающий Портал, он не знал и не ожидал просьбы, с которой обратился к нему брат.

— Мне велено провести тебя вслепую, — сказал Джемил. — На самом деле я вообще не имею права брать тебя туда, но слишком трудно перенести сюда один из предметов, которые нам нужны. Ты должен дать мне торжественную клятву, что никому не расскажешь о том, что увидишь и услышишь. И не задавай мне вопросов, когда вернемся — ни о месте, ни о людях, я не смогу ответить. Ты понял?

Денис сглотнул, задумавшись невольно, во что ввязывается.

— Понял, — сказал он.

— Тогда поклянись, — потребовал Джемил и протянул Денису руки ладонями вверх, не отрывая от него взгляда своих темно-синих глаз. — Ты должен поклясться всем самым дорогим для тебя, и мысли твои в это время должны быть полностью мне открыты.

Серьезность Джемила вызвала у Дениса благоговейный трепет. Он убрал свою защиту и, положив свои руки на руки брата, открыл для него разум, ощущая подрагивание под ногами, магию Портала, созданного их сородичами.

— Клянусь своим священным призванием, — тихо сказал он, — и памятью Джориана де Курси, о чьем призвании я также клянусь никогда не забывать, что никогда и никому не скажу ни слова о том, что увижу сегодня. Тайна сия будет сохранена мною столь же свято, как тайна исповеди. И коли я нарушу эту клятву, да не достигну я того, к чему стремлюсь и да погибну, так и не став священником. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Он оторвал руки от рук Джемила, перекрестился и поцеловал ноготь большого пальца, дабы скрепить договор. Никогда еще не приходилось ему давать клятву более серьезную и торжественную.

— Благодарю, — прошептал Джемил, обняв Дениса за плечи. — Я-то не сомневаюсь в тебе, но остальные тоже должны быть уверены. Теперь пойдем к ним. На несколько минут ты должен полностью доверить мне управление тобой.

Помедлив мгновение, Денис согласно кивнул, восстановил обычную связь с братом и глубоко вздохнул, полностью снимая защиту. Когда он перестал видеть в тусклом свете магического огня что бы то ни было, кроме глаз Джемила с сильно расширившимся зрачками, он ощутил прикосновение разума брата, почти желанное после стольких месяцев постоянного сдерживания себя. Веки его дрогнули и опустились, не успел Джемил еще коснуться правой рукой его лба; а потом, понял он, Джемил повел его через Портал, но куда, в какую сторону — сообразить не мог.

— Не открывай глаза, пока я не скажу, что все в порядке и можно смотреть, — пробормотал брат, беря его под руку.

Чужой контроль над разумом не позволял сориентироваться в пространстве, переход по которому занял несколько дюжин шагов, и Денис сознавал при этом, что если бы он даже мог ослушаться и открыть глаза, то все равно ничего не увидел бы. Он был слеп и беспомощен, пока Джемил его не отпустит, — но он находился в столь сосредоточенном состоянии, что это его не волновало. Прошла вечность, казалось, прежде чем Джемил

молча усадил его на стул с высокой спинкой, перед которым стоял массивный стол, но Денис по-прежнему был спокоен. И ничуть не удивился, когда Джемил поместил обе его руки на что-то вроде отполированного камня размером с голову человека, а сам встал рядом и легонько сжал сзади рукой его шею.

— Сейчас в наше объединенное сознание войдут еще два человека, Ден. Как только установится связь, ты должен вспомнить посвящение Джориана — все, что видел сам и что услышал и узнал потом от других. Мы начинаем.

Согласия Дениса никто не спросил, да оно и не требовалось, поскольку Джемил управлял сейчас его разумом, тем не менее он его дал, ощутив осторожное прикосновение чужих разумов и помогая всеми силами установить контакт. Контакт возник с легкостью, которая говорила о необыкновенной силе незнакомцев, превосходившей даже силу его брата, хотя Джемил был могущественный и полностью обученный Дерини. И сразу нахлынули воспоминания, взволновавшие его не меньше, чем реальные события, начиная с утра того дня, когда грянула беда, и горечь затопила его — но он не стал бы сдерживать своих чувств, даже если бы сам управлял сейчас своим сознанием.

Ему казалось, что он успешно выдержал испытание, даже когда от него потребовали вспомнить казнь Джориана; поток воспоминаний иссяк, но тут гости погрузились в такие глубины его разума, что он утратил всякое представление о происходящем. Затем сознание вернулось к нему, мгновенно, без постепенного перехода; он вдруг обнаружил, что сидит на стуле, а напротив — два человека, которых он прежде не видел. Стол теперь оказался от него справа, старинный, из слоновой кости, отделанной золотом, а Джемил сидел слева на подлокотнике стула и, улыбаясь, бережно массировал ему затекшие шейные мышцы.

«Чувствуешь какое-нибудь неудобство, кроме как в шее?» — мысленно шепнул брат.

Денис, которого интересовали сейчас только двое незнакомцев — то, что они сделали с ним, явно превосходило возможности Джемила, — коротко ответил: *«Нет»*. Младший из этих двоих был примерно того же возраста, что и Джемил; светлые глаза его светились деланным весельем, и, рассеянно отбросив прядь золотистых волос, упавшую на глаз, он тоже улыбнулся Денису. Туника на нем была ярко-синяя, в тон щиту, что красовался над его головой на спинке кресла — синее поле, шевроны, наконечники стрел, показавшиеся Денису смутно знакомыми.

Второй мужчина, на вид лет сорока, был рыжеволосый, с

седыми висками, худым угловатым лицом и очень серьезными темными глазами. Поверх дорогой туники на нем было одеяние ученого, а на пальцах правой руки виднелись чернильные пятна. Он наклонился и набросил шелковое пурпурное покрывало на лежавший на столе кристалл ширала, самый большой, какой только случалось видеть Денису.

— Хорош, правда? — спросил тот, что помоложе, приятным баритоном. — Я говорю о ширале, конечно. Сколько он стоит — трудно даже представить. Между прочим, меня зовут Стефан, — он улыбнулся, видя смущение Дениса. — Это Ларан, наш врач; а парень, что сидит рядом с тобой — Джемил. Думаю, его ты уже знаешь. А ты, разумеется, Арилан, не так ли? — он с лукавой ухмылкой посмотрел на Джемила. — Твой брат, Джемил, далеко пойдет, дальше тебя... если нам, конечно, удастся справиться с его посвящением.

Шутливый тон его несколько смущал Дениса. Он ни разу не слышал, чтобы кто-то из посторонних подтрунивал над его братом. Видно, они и впрямь близкие люди. В поисках поддержки он оглянулся на Джемила, и тут человек по имени Ларан сел на свободное кресло возле Стефана и, вынув из складок своего одеяния заткнутую пробкой флягу, протянул ее Денису.

— Вот то единственное, что стоит на вашем пути, молодой Арилан, — сказал Ларан. — Вы были правы, предположив, что в вино подмешивают мерашу.

Денис чуть не выронил флягу, поняв, что в руках у него вино с мерашей.

— Почти двести лет мы гадали, каким образом епископы препятствуют нам становиться священниками, — продолжал Ларан. — Теперь мы знаем. К несчастью, мераша просто идеальное средство для разоблачения Дерини. Не существует никаких противоядий — мы можем только умерить несколько тяжесть реакции. Для людей же смертельная для нас доза — это всего лишь успокоительное... та, что в этом образце, может вызвать некоторую сонливость, — он показал на флягу. — То есть, не происходит ничего такого, что нельзя было бы объяснить воздействием вина на пустой желудок, когда юноша уже и без того взвинчен ожиданием посвящения... и ничего такого, чтобы привлечь чье-то внимание к вину, которое епископ использует для первого причастия молодого священника.

— Но для Дерини... и, к несчастью, для вашего друга Джориана... — он вздохнул. — Вам не надо рассказывать, что с ним случилось.

Покачав головой, Денис поставил флягу на стол и с отвращением вытер руки об одежду.

— Это вино из личного запаса де Нора? — спросил он.

— Нет, — сказал Стефан. — Мы еще и не пытались подобраться к его свите. На этот риск мы пойдем, когда соберемся сделать то, что решили, чтобы помочь тебе. Но это вино — тоже из ризницы епископа, только другого. Мы обнаружили и еще двоих, — он скорчил гримасу. — Им специально поставляется вино из канцелярии архиепископа-примаса, и используется оно только для посвящения в сан. Излишне говорить, что в него всегда добавлена мераша. Так что нам не имеет смысла устраивать так, чтобы ты прошел посвящение в другой епархии.

— Да это и невозможно, поскольку я учусь в *Arx Fidei*, — пробормотал Денис, — и мне придется ответить на множество весьма опасных вопросов, особенно после истории с Джорианом. А нельзя ли как-то подменить вино?

Ларан кивнул.

— Мы об этом думаем. Уже нашли запасы чистого вина из тех же сортов винограда. Но это не решает всей проблемы.

— Почему?

Ларан пожал плечами.

— Ну, во-первых, не так-то просто совершить подмену и не попасться при этом. А во-вторых, существует опасность, что кто-то заметит разницу во вкусе. Сама мераша вкуса не имеет, но после нее остается характерное послевкусие, как мы все знаем... не слишком явное, но все-таки заметное.

— И вы боитесь, де Нор заметит, если его не будет, — догадался Джемил.

— Что ж, все знают, как он разборчив, — напомнил Ларан. — И это не только удобный предлог брать в поездки свое вино и посылать его другим епископам в знак благоволения... он часто проводит посвящение в сан и без труда распознает вкус своего вина. Чтобы он не обнаружил подмену, я должен найти вещество, которое дает такое же послевкусие, как мераша, действует, как легкое успокоительное, и не имеет никаких побочных эффектов ни для людей, ни для Дерини... возможно, даже некую комбинацию веществ.

Он тяжело вздохнул и продолжил:

— Возможно, нам придется взять чистое вино и надеяться, что де Нор ничего не заметит. Это рискованно, но лучше, чем альтернатива. Что сделает с вами мераша, мы знаем.

— Может быть, это не так уж и рискованно, — отважился вмешаться Денис. — Я готов поспорить, что для будничных служб он использует чистое вино. Зачем ему каждый день принимать успокоительное средство?

— Хм, вообще-то он мог привыкнуть к нему, — заметил Ларан, — но ваше предположение не лишено смысла. Зная, как де Нор относится к Дерини, и допуская, что он знает, чем отличается вино для посвящения...

Стефан, вздрогнув, резко повернулся к Ларану, и тот умолк на полуслове.

— Вы полагаете, что он может не знать о мераше, что кто-то другой отвечает за ее добавление? — тихо спросил Стефан.

Ларан нетерпеливо взмахнул рукой с испачканными в чернилах пальцами.

— Либо да, Стефан, либо нет. На самом деле это неважно. Две сотни лет уже прошло, и за это время сменилось немало архиепископов. Вспомните, однако, как это началось!

Неожиданно врач уступил место лектору, резкие черты его лица осветились вдохновением, и бесстрастный голос зазвучал взволнованно, словно Ларан стоял на кафедре перед студентами.

— Независимо от религиозных проблем добра и зла, запрещение Дерини получать духовный сан принесло большую пользу наследникам Рамосского Собора, — сказал он. — Вся духовная власть была сконцентрирована в руках людей, да и светская тоже — с точки зрения людей, положение вполне оправданное, поскольку все знали, что злоупотребления Дерини своей силой привели к реставрации Халдейнов и всему остальному. И, как это ни прискорбно, использование мераши для отсеивания Дерини из кандидатов в священники — это всего лишь логическое продолжение давнего запрета. А еще и замечательное средство, не позволяющее нашему народу обрести былую власть, ибо тем, кто не знает истины, воздействие мераши на Дерини кажется проявлением Божьего гнева, карой, поражающей грешника, посмевшего домогаться священного сана. Все, что им оставалось, это обеспечить ее регулярное применение.

— Забота, которую взвалили на епископов, — добавил Джемил.

— Да... во всяком случае, отчасти. Поскольку ни один епископ не может жить вечно, я думаю, имеет смысл предположить, что рамосские отцы организовали некое тайное сообщество, чьей целью было неустанно следить, чтобы служителями церкви становились только люди. Это мог быть небольшой религиозный орден, члены которого, к примеру, изготавливают вино. Это только предположение, конечно, но о нем стоит подумать.

Стефан фыркнул и сложил руки на груди.

— Я отказываюсь верить, что де Нор ничего не знает.

— Разумеется, он может прекрасно знать, что делает, —

согласился Ларан. — Но это не исключает существование за ним общества. Возможно, тайна передается каждому новому архиепископу каким-то уполномоченным лицом, а тот уже обязан обеспечить, чтобы его епископы использовали для посвящений только «специально освященное» вино и чтобы они знали, кого ищут. Как бы там ни было, а это срабатывает. Среди священников и епископов Дерини нет.

Денису это умозаключение показалось вполне логичным, но Стефана оно как будто рассердило. После долгой паузы Стефан ударил ребром ладони по подлокотнику кресла и раздраженно вздохнул. Ларан же сел на место, снова став спокойным и рассудительным медиком, и посмотрел на флягу с вином.

— Ну ладно, ладно, — сказал он дружелюбно. — Что бы я там ни говорил, пока изображал оратора перед вами — за что прошу прощения, — но молодой Арилан, скорее всего, прав, и де Нор вряд ли пользуется специальным вином каждый день. Его успокаивающее действие не всегда может быть кстати. И потому, возможно, он не так часто принимает мерашу, чтобы заметить подмену.

— И все же риск слишком велик, — Джемил встал с подлокотника и принялся беспокойно расхаживать по комнате. — Речь идет о жизни моего брата, — он остановился, заложив руки за пояс, и оглянулся на собеседников. — Думаю, мы не решимся заняться самим де Нором? А то можно было бы внушить ему, чтобы он подменил вино сам, а потом стереть у него память об этом.

— Нет, — сказал Стефан. — Если когда-нибудь обнаружится, что на де Нора было оказано магическое влияние, посвящение Дениса может стать недействительным.

— А если заняться кем-то из его свиты? — спросил Денис. — Вы говорили, что достали образцы вина через помощников других епископов. Разве это не магическое влияние?

— Магическое, — признал Ларан. — Но посвящать тебя будут не они.

— Есть еще одна мысль, — продолжал Денис, охваченный внезапным вдохновением. — Де Нор делает всего один глоток вина перед тем, как вынести его для причастия. А допивает вино и совершает омовения его капеллан. Можно повлиять на него. Он не имеет никакого отношения к моему посвящению.

Ларан как будто заколебался, но Стефан медленно кивнул.

— Мальчик говорит дело. Как зовут капеллана де Нора? Горони? Мы должны обмануть Горони, Ларан... не де Нора. И капеллану проще всех совершить подмену. Что требуется для того, чтобы он не различил вкуса вина?

— С вашей стороны или с моей? — Ларан как-то странно посмотрел на Стефана.

Стефан фыркнул, и на губах его мелькнула озорная улыбка, столь мимолетная, что Денис едва успел ее заметить.

— Это мы обдумаем, — загадочно сказал Стефан. — Между тем уже поздно, пора расходиться. Но, пожалуй, Денису следует узнать, что он должен будет пережить, если у нас ничего не выйдет, — он взялся за флягу. — Ларан, вы не принесете кубок и немного воды?

Денис с ужасом смотрел, как Стефан вынимает пробку, а Ларан встал и ненадолго вышел из комнаты. Но Денису было не до него.

Неужели они думают, что, после того, что случилось с Джорианом, он станет принимать мерашу? Во время обучения он принимал это снадобье, но тогда было совсем другое дело. Сейчас же ему предлагали вино, которое стало причиной смерти Джориана!

— Может случиться, что тебе придется его выпить, если что-то пойдет не так, — сказал Стефан, отвечая на его невысказанный вопрос. Он взял у Ларана принесенный кубок и осторожно налил в него вина. — Если ты будешь знать, чего ожидать, ты сможешь хоть как-то скрыть свою реакцию. А мы дадим тебе сегодня кое-что противодействующее. Так достаточно?

Он протянул кубок, наполненный на четверть темным, густым вином, и Денис с колотящимся сердцем представил себе, что это — потир де Нора.

— Надо добавить воды, — с трудом выговорил он.

Стефан невозмутимо взял у Ларана другой кубок, налил в него воды и собрался было плеснуть в вино, но вдруг передумал и передал кубок Денису.

— Лучше ты. Ты знаешь, сколько надо.

Денис принял кубок дрожащей рукой и долил в вино воды — слишком много.

— Добавьте еще вина, — услышал он как со стороны свой голос, когда Ларан забрал у него кубок и принялся искать в своей сумке пакет со снадобьем. — Я нечаянно перелил.

— Сколько добавил бы де Нор? — спросил Стефан и стал осторожно подливать вино, пока Денис его не остановил.

— Не знаю, — признался Денис. — Я ни разу не прислуживал ему во время мессы... ни ему, ни другому. Думаю, однако, он нарочно не доливает воды во время посвящения, ведь от вина зависит так много...

Стефан отставил флягу, и голос Дениса сорвался. Ему пришлось зажать руки между колен, чтобы они не дрожали.

— Боюсь, что на то похоже, — спокойно сказал Стефан, поднося ему кубок с отравленным питьем.

— Подумай, прежде чем выпить. Какой глоток ты делаешь обычно и насколько мало можешь отпить, чтобы не вызвать подозрения?

Денис прикрыл глаза, вспоминая большой, украшенный драгоценными камнями потир де Нора. Глоток должен быть приличный.

— Приготовься, — услышал он голос Стефана совсем рядом, и губ его коснулся край кубка. — Вспомни, о чем я спрашивал.

Стефан наклонил кубок, и Денис против воли поднял руку, чтобы его поддержать. Он еще не разу не причащался ни вином из Чаши, ни гостией — это было привилегией священников и епископов. Вино было пряное, сохранившее аромат винограда, и, когда Стефан убрал кубок и Денис проглотил вино, ему показалось, что никакого послевкусия мераши он не ощутил. Ларан, пока он пил, встал у него за спиной и положил ему на горло прохладную руку, следя за реакцией.

— Ну вот, — пробормотал Стефан, передавая кубок встревоженному Джемилу. — Я, признаюсь, не исследовал, какие глотки делают священники, причащаясь, но твой показался мне весьма солидным, — он сел в кресло, держась с виду беззаботно, но взгляд его не отрывался от лица Дениса. — Постарайся как можно дольше не показывать, что тебе плохо, — сказал он. — Если тебе таки придется выпить это вино на посвящении, ускользнуть тебе удастся не раньше чем через час, а то и больше. Но если нам хоть немного повезет, это не понадобится. Ты чувствуешь вкус мераши?

К этому времени Денис уже ощутил этот вкус, слабую горечь на языке. Он попытался описать его, понимая, что Ларану необходимо знать все нюансы ощущений, но коварное зелье уже начинало действовать на его разум, постепенно забираясь во все более дальние уголки сознания, и это пугало, хоть он и находился сейчас в безопасности среди друзей. Он продержался немного дольше, чем Джориан, но совсем не так долго, чтобы успела закончиться служба и следовавшая за ней праздничная трапеза. Сейчас он принял мераши меньше, чем давали во время обучения, но разница была лишь в том, что его не ударило как обухом по голове, а только парализовало. И он старался не думать, каково было Джориану, которому дали дважды выпить из потира — и потом еще раз, в ризнице, почти наверняка то же самое вино.

Голова болела, перед глазами все расплывалось, когда Ларан сжалился наконец над ним и дал другое питье, немного ослабившее действие мераши. Тем не менее он не помнил, как

Джемил провел его обратно через Портал и уложил в постель. Назавтра он проснулся в полдень, но ненадолго, ибо голова все еще болела, и встал лишь для того, чтобы помочиться и выпить еще успокоительного, которое Ларан передал с Джемилом. Полегчало ему только на следующее утро, когда отпуск его уже подошел к концу, но, прежде чем ехать обратно в *Arx Fidei*, он повидался еще раз с Лараном и Стефаном. Эти двое сами тайно явились в Тре-Арилан, и они встретились в ритуальном кабинете Джемила.

— Хотелось бы тебя утешить, но не могу, — сказал Стефан, когда Ларан полез в свою сумку и Денис уставился на врача с нехорошим предчувствием. — Есть один план, который должен сработать, как мы надеемся, но для тебя же безопасней ничего пока не знать.

Он взял у Джемила кубок и графин с водой и протянул кубок Ларану, а тот наполнил его до половины вином.

— Что это? — прошептал Денис. — Мне через час возвращаться в школу...

— Это — ответ Ларана на гнусное вино архиепископа де Нора, — сказал Стефан, передавая ему кубок. — Нужно, чтоб ты проверил его на вкус, потому что, если повезет, во время посвящения ты будешь пить это вино, а не архиепископское. Сам добавишь воду или мне это сделать?

— Я сам, — буркнул Денис, доливая необходимое количество. — Что в нем?

— О, немного того, немного сего, — сказал Ларан с улыбкой — Денис в первый раз увидел, как он улыбается. — Но, думаю, на людей оно должно действовать примерно как вино с мерашей. Ничего особенного вы не почувствуете.

Денис на это очень надеялся, поднося кубок к губам, Ларан же вошел в его разум, чтобы проверить реакцию. На вкус вино оказалось почти таким же, даже слабая горечь появилась на языке через несколько секунд... но в свои двадцать лет он еще не слишком хорошо разбирался в винах.

— А что будет, если Горони все-таки заметит разницу? — спросил он, подождав некоторое время, но так и не дождавшись эффекта. — Или если вы не сумеете подменить вино?

— Ты хочешь пойти на попятную? — ответил вопросом Стефан. — Время для этого еще есть, коли так... хотя, если кто-нибудь заподозрит, что ты ушел из школы, потому что ты Дерини, Джемилу и его семье придется покинуть Гвиннед.

Денис только глубоко вздохнул, зная, что выход Джемила из королевского совета сведет на нет все те преимущества, которых Дерини сумели добиться за последние десять лет.

— Если меня разоблачат, — тихо сказал он, — это все равно произойдет. Джемил, ты будешь присутствовать?

Джемил засмеялся.

— Разумеется, братишка. Как я могу это пропустить?

— Значит, твое присутствие — часть плана.

— И часть проблемы, и часть решения, кажется.

— Мы сделаем все, что можем, — мягко продолжал Стефан. — Видит Бог, никто не хочет, чтобы ты повторил участь Джориана. Но ты сам хочешь стать священником, и ты так нужен нам в этой роли... боюсь, у тебя просто нет выбора.

— Почему мне нельзя знать, что вы придумали? — спросил Денис. — Ведь от этого зависит моя жизнь. Я имею право...

— «Право» здесь не при чем. Все дело в опасности, которая нам грозит, если ничего не выйдет и тебя схватят. Насколько нам известно, Джориан никого не выдал... никто не говорит, что ты выдашь, но зачем тебе тревожиться еще и из-за этого? Если все получится, процесс посвящения пройдет без всяких неожиданностей. А если нет... что ж, об этом ты узнаешь первым.

Этого-то Денис и опасался, но не мог не признать, что подобные рассуждения вполне разумны. Он не может выдать того, чего не знает... а тончайшее чутье Дерини к ситуации само предупредит его, благополучно ли обстоят дела. В конце концов, там будет Джемил. Надо надеяться, брат продумает заранее, как ему исчезнуть в случае неудачи.

— Ну, что ж, — подавив зевок, сказал он. — Я — с вами, если вы со мной. До Сретенья я еще получу от вас весточку?

Ларан усмехнулся и, когда Денис зевнул снова, покачал головой.

— Может быть... но не жди особенно. Между прочим, как тебе нравится человеческая реакция?

— Что вы имеете в виду?

— Я же сказал, что этот напиток подействует на тебя, как мераша на людей. Чувствуешь сонливость?

Денис засмеялся, зевнул еще раз и встряхнул головой.

— Надеюсь, я не засну на лошади?

— Нет; Хуже, чем сейчас, не станет. А пока доедешь до аббатства, и это пройдет.

Однако Дениса Арилана меньше всего беспокоило, в каком виде он приедет в аббатство, когда он торопливо прощался с домочадцами и отправлялся в обратное путешествие в *Arx Fidei*. Он думал о том, как ему прожить оставшиеся до Сретенья три месяца — и хватит ли этих трех месяцев, чтобы выполнить то, что задумали его друзья.

* * *

Утром того дня, когда его должны были посвятить в сан, Денис Арилан, одеваясь в библиотеке при помощи Элгина де Торреса, выглядел вполне спокойным. Спокойствие это, правда, больше походило на оцепенение, поскольку он после своей ноябрьской поездки домой не получил ни одного известия от брата и его друзей-спасителей. Из-за этой поездки его лишили рождественского отпуска, видимо, потому, что близилось посвящение и надо было наверстать пропущенные занятия. Денис надеялся, что других причин не было, и изо всех сил старался не думать, что означает молчание его союзников.

Хорошо, если не случилось что-то, сорвавшее все планы... каковы бы эти планы ни были. Но вдруг его ожидает все-таки участь Джориана, отправившегося на смерть, так и не успев вкусить радости, которой он жаждал всю жизнь, в тот самый миг, когда он стал наконец священником?

Он машинально бормотал слова положенных молитв, пока Элгин помогал ему надевать облачение, но никак не мог перестать думать о Джориане. И подозревал, что и остальные четыре кандидата в священники, одевавшиеся рядом, один молчаливей другого, думают о том же. Мысли о судьбе Джориана преследовали всех семинаристов *Arx Fidei*, но только Денис знал, что злосчастного священника Дерини предали люди — не Бог. Чарльз Фитц-Майкл, главный соперник Дениса в борьбе за высшую академическую награду, осмелился даже однажды задать на уроке этики вопрос — что случилось бы с тем, кто не знал, что он Дерини, и попытался бы стать священником. Поразил бы того, кто согрешил по незнанию, наш справедливый, но любящий Господь?

У аббата Калберта не оказалось на этот вопрос готового ответа и в результате половина его учеников целую неделю пребывала в замешательстве, поскольку не знать о своем происхождении было вполне возможно — из-за двухсотлетнего преследования Дерини, что заставило многих из них скрываться и таить даже от детей и внуков, кем они были и какими способностями обладали. Практически, любой мог оказаться Дерини и не знать об этом!

Так они думали, во всяком случае. Денис-то считал, что тот, кто по крови Дерини, обязательно должен был заподозрить в себе эту кровь, особенно если это был кандидат в священники, которого обучали медитативным техникам и ментальной дисциплине — но это не меняло важности главного вопроса. Поразил бы любящий, но справедливый Господь грешника,

который не знает о своем грехе?

Обсуждая шепотом этот вопрос в перерывах между занятиями, по дороге в часовню и после отбоя, расходясь по спальням, однокашники Дениса пришли в конце концов к неприятному выводу, что в данном случае трудно согласовать справедливость Божию и Его любовь — кто может сказать, чему Он отдал бы предпочтение? Ведь церковь Господня запрещает Дерини духовный сан; следовательно, наказать дерзкого, который пренебрег запретом, только справедливо с Его стороны.

Но и обратный аргумент был не менее весом. Если любовь Бога столь же бесконечна, сколь и Его справедливость, накажет ли Он — может ли Он наказать — любящего сына, который ослушался скорее по неведению, чем из дерзости?

Рассуждения эти не помогали Денису, который знал, что делает, но юношей, что должны были сегодня пройти вместе с ним посвящение — Чарльза, Вениамина, Милваса и толстяка Аргостино Ланнеди, — они несколько утешали. Денис же мог только молиться, чтобы его представления о справедливости совпали с Божьими и чтобы ему и другим Дерини, желавшим служить этой справедливости, удалось одолеть препоны, установленные на их пути человеческими страхом и ненавистью.

Совершенно неожиданно он получил ответ на свою молитву, во всяком случае, частичный, в тот момент, когда в библиотеку вошел аббат Калберт, дабы, как обычно, произнести слова последнего напутствия молодым кандидатам. Он явился в сопровождении преподавателей и нескольких незнакомых священников. И один из священников оказался подозрительно похож на Стефана Дерини — только что слегка прихрамывал, и волосы у него были не светлые, а русые с проседью.

Денису хотелось присмотреться к нему повнимательней, когда младшие удалились и Калберт велел кандидатам подойти ближе, но он не осмелился. Не решился он и на ментальный контакт, потому что среди присутствующих могли быть люди, чувствительные к подобным вещам.

Калберт, казалось, говорил целый час, но Денис почти ничего не слышал из его речи. Наконец аббат закончил, жестом велел кандидатам выстроиться в ряд, и тут только незнакомый священник встретился глазами с Денисом и подтвердил, что он — Стефан.

«Здесь нынче много странных священников, — уловил Денис четкую мысль, когда Стефан, проходя мимо, коснулся его плеча, словно подгоняя к выходу. — *Архиепископ думает, что я из здешних, а Калберт думает, что я приехал с де Нором. Не волнуйся. Мы подменим вино».*

Он отошел к остальным, прежде чем Денис успел осознать услышанное.

«Мы подменим вино!» Значит, они его еще не подменили! А вдруг они не смогут этого сделать?

Под ложечкой засосало от страха, и он медленно двинулся с процессией вперед, слыша, как отчаянно стучит сердце, и боясь, что стук этот заглушит пение хора: *«Confitebor tibi, Domine, in toto corde meo»* — «хвалю Тебя, Господи, всем сердцем своим». При входе в церковь кто-то из младших вручил ему зажженную свечу, и, для того чтобы успокоиться, он сосредоточил все внимание на тепле и мерцании язычка пламени и на медовом запахе воска. Нельзя позволить своему страху предать себя.

Церковь оказалась еще более переполненной, чем в прошлый раз. Приезд архиепископа всегда притягивал публику, но нынче, подумал Денис, многие наверняка пришли сюда не из-за де Нора, а наслушавшись рассказов о том, что случилось в прошлое посвящение семинаристов *Arx Fidei*. Народ толпился в боковых приделах. Денису же хотелось знать, где Джемил.

Однако вскоре он догадался о роли, отведенной Джемилу. Ибо, когда процессия, в голове которой несли кресты, свечи и кадила, медленно двигалась вперед под хвалебный гимн хора, Денис заметил Малаши де Брюна и еще одного младшего, которые стояли наготове с небольшим, накрытым белой скатертью столом, чтобы вынести его в центральный придел, когда пройдут кандидаты. На столе лежал поднос с хлебом, которому предстояло быть освященным во время службы, и стояли графины с вином и водой.

Ну, конечно! После церемонии родственники новых священников по традиции выносили дары хлеба и вина для причастия. Джемил, разумеется, будет среди них. Денис понятия не имел, как брат собирается совершить подмену, но не сомневался, что это сделает Джемил.

От этой мысли ему полегчало — и стало еще легче, когда он и вправду увидел Джемила возле алтарной ограды, слева от придела. Жены и сына с ним не было, но Денис и не ожидал их увидеть — ведь если его разоблачат, опасность будет грозить каждому носящему имя Арилан. Джемил должен был отослать их в безопасное место еще до Рождества, чтобы они оставались там, пока все не решится.

Но может ли быть такое, что слева от Джемила стоит король Брион? Великий Боже, неужели сам король принимает в этом участие?

Это и вправду оказался Брион. Денис и остальные кандидаты выстроились в ряд у ступеней алтаря и опустились на колени,

благоговейно держа перед собой свечи. Джемил с королем, видимо, более близкие друзья, чем он себе представлял, думал Денис, ибо король оказал ему исключительную честь, посетив церемонию посвящения. Уже все знали, что приехал король. Видно, потому и собралось столько народу, а не из-за того, что люди надеялись увидеть еще одно разоблачение Дерини. Даже архиепископ, прежде чем занять свое место, приостановился и поклонился королю.

Следующие полчаса Денис провел как в тумане. Когда его вызвали, он ответил на ритуальные вопросы. Затем простерся ниц вместе со всеми, пока читалась молитва ко всем святым, которых, казалось, перечислили больше, чем когда бы то ни было. Наконец кандидаты вновь встали на колени, и первым возложил руки на голову каждого из них архиепископ, благословляя и посвящая в сан, а следом за ним — все остальные присутствовавшие священники. Денис позволил себе заглянуть в мысли этих священников в тот краткий миг, когда руки их покоились на его голове, и был одновременно растерян и приободрен тем, что сумел прочесть.

Кто-то из них был взволнован... кто неуверен... кто совершал этот акт механически... кто — рассеянно, чуть ли не со скукой... и все же большинство, помимо прочих чувств, испытывало искреннее желание передать апостольскую власть, как когда-то она была передана им самим при посвящении в сан, сохранить во всей целостности последовательность этой передачи от одного священника к другому, невзирая на уровень их честности и святости, как это происходило более пятидесяти лет. И эта магия — передача Божественных полномочий — одобрялась даже самыми реакционными из духовных лиц, как никто и никогда не возражал и против магии причастия, которое должно было состояться следом.

Стефан тоже подошел к нему... не настоящий священник, но отсутствие у него подлинной духовной власти ничуть не умаляло того, что делали остальные, и послание его, переданное, когда адепт Дерини возложил руки на голову Дениса, укрепило юношу в надежде.

«Все идет прекрасно, — сказал Стефан. — *Будь спокоен. И да благословит и защитит тебя Господь, молодой священник Дерини!»*

Слова его согревали душу Дениса весь остаток церемонии, и он даже отважился позволить себе полностью отдаться всей этой не-деринийской магии — помазанию рук елеем, дабы достойны были они держать причастие, и переодеванию в ризу и прочие облачения священника. И Бог не поразил его за дерзость... правда, Он и Джориана не поражал, пока тот не приступил к исполнению

своих новых обязанностей.

Когда и для Дениса приблизилось это время, он понял со всей отчетливостью, что главное испытание еще впереди. Ибо что, помимо вероломства архиепископа, определяет тот миг, когда гнев Божий может привести в исполнение Его приговор? Можно ли утверждать наверняка, что сама мераша не является орудием Божьего гнева? Господь обычно действует через смертных посредников. И зачем Ему творить явные чудеса, если под рукою есть более скромные и простые средства?

Служба продолжилась с того места, где ее прервали для посвящения. Хор запел жертвенный гимн, и Денис вместе со своими посвященными собратьями встал рядом с архиепископом, обратясь лицом к пастве и глядя, как Джемил и другие родственники выходят вперед с хлебом и вином. Джемил нес таки графин с вином — должное распределение даров состоялось, разумеется, под неназойливым и искусным воздействием Дерини, — но по лицу брата Денис так и не понял, удалось ли тому сделать подмену. И никакого ментального подтверждения он тоже не получил, когда Джемил передал ему графин и руки их соприкоснулись. Брат был окружен прочной защитой.

Денис заподозрил худшее. Почему Джемил не впустил его в свое сознание? Молясь о том, чтобы не держать сейчас в руках свою смерть, он поставил графин на поднос, который архиепископ принял от престарелой матери Вениамина, и старался не смотреть, как де Нор передает этот поднос отцу Горони, дабы тот отнес его в алтарь. Со сжавшимся сердцем он машинально отошел на полагавшееся ему для завершения церемонии место и, глядя на де Нора, благословлявшего хлеб, столь же машинально повторял за другими должную молитву.

«Suscipe, sancte Pater, omnipotens aeterne Deus, hanc immaculatam hostiam...» Святый Отче, Господи всемогущий и вечный, прими от недостойного слуги Твоего жертву сию, которую приношу Истинному Господину своему...

На очереди было вино. Де Нор с тягостной неспешностью подставил Горони свой большой, сверкавший драгоценными камнями потир и, когда тот налил в него вино, благословил воду и добавил ее всего несколько капель.

«Offerimus tibi, Domine, calicem salutaris...» Прими, Господи, чашу спасения...

Денис боялся, что для него это — отнюдь не чаша спасения, во всяком случае, в этом мире, но пути назад уже не было. Если вино не успели подменить, ему остается только надеяться на чудо. Он верил в чудеса, но никогда не думал, что они могут случиться с ним. Ведь не спасло же чудо Джориана, которого

Денис считал куда более достойным того.

Молодых священников обмахнули кадилом, окропили святой водой, и как в тумане начал Денис читать вместе со всеми положенные молитвы, в сердце своем молясь только об одном.

Господи мой Боже, предаюсь в руки Твои, — твердил он. — Спаси меня от тех, кто преследует меня, и сохрани... Если только смертью своей могу я послужить Тебе, тогда возьми мою жизнь, я отдам ее с той же радостью, с какою возлагаю на Твой алтарь этот хлеб и вино... но не послужу ли я Тебе лучше жизнью своей?..

Хор запел *«Sanctus»* — Святый Боже — так сладко, как Денис никогда еще не слышал, и сердце его невольно преисполнилось радости, и, когда архиепископ поднял гостию и Денис протянул к ней руки, он забыл обо всем, отдавшись мистическому поклонению и шепча от всего сердца освящающие слова.

«Hoc est einem corpus meum». Сие есть тело мое...

Раздался звон колокола, Денис низко, благоговейно поклонился вместе с архиепископом и своими товарищами. Вслед за тем архиепископ поднял потир, и Денис с бьющимся сердцем, в котором боролись страх и надежда, не смея смотреть на него, повторил за де Нором молитву.

«Simili modo postquam coenatum est, accipiens et hunc praeclarum Calicem in sanctas ac venerabiles manus suas». Также Он, пригубив из чаши, взял ее в Святые руки Свои...

— Помоги, Господи, дабы сохранилось благочестие в людях; дабы не умалилась вера среди сынов человеческих! — молился Денис.

«Hic est einem calix sanguinis mei...» Сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание...

В магическом действии, для которого не имело значения, человек он или Дерини, Денис был сейчас жертвоприношением, предлагая кровь своей жизни столь же искренне, как Христос предлагал Свою и как предлагал свою Джориан. И когда он дочитал молитвы и встал на колени, дабы получить причастие — сначала хлеб, потом вино, — в душе его воцарилось глубокое спокойствие. Гостия растаяла, как росинка, на языке; и лишь одна мысль промелькнула в уме, когда де Нор поднес к его губам потир.

В Твои руки, Господи, предаю душу свою. Да сбудется все по воле Твоей...

— *Sanguis Domini nostri Jesu Christi custodiat animam tuam in vitam aeternam,* — пробормотал де Нор. Да сохранит кровь Господа нашего Иисуса Христа душу твою на вечные времена...

Сказав «аминь», Денис отпил из чаши. Вино было сладким и

крепким, мягче, чем ему запомнилось, и сразу же от желудка покатилось по всему позвоночнику, по рукам и ногам слабое покалывание, которое усилилось затем и неожиданно взорвалось в затылке звездной, горячей вспышкой любви и света — и это была не мераша.

Ему показалось, что свет осиял сосуды, стоявшие на алтаре, дарохранительницу на жертвеннике, потир де Нора и что та же энергия растеклась по жилам всех находившихся рядом. И Вениамина с Милвасом, стоявших на коленях возле него, озарил этот свет; и в дароносице, которую де Нор торжественно вручил ему через несколько минут, пульсировало сияние, словно то билось сердце самой вселенной, сияние, которое видел только он и которое озаряло и его руки.

Ему казалось, что он плывет не касаясь земли, когда он встал и пошел навстречу брату и родне других новопосвященных, чтобы дать им причаститься. Нет, он не плыл, конечно, но чувствовал — ибо силы Дерини в нем не только не уменьшились, но явно окрепли, — что мог бы даже взлететь, если бы захотел. И когда он, ставший наконец священником, дал впервые своему брату Святое Причастие и увидел на его лице удивленное и благоговейное выражение, которое запомнил на всю жизнь, радость его достигла своего предела.

Денис немало изумился, когда король опустился на колени рядом с Джемилом и, отвернувшись от де Нора, который один и смел претендовать на такую честь, причастился из рук Дениса — то была неслыханная милость. Самый прекрасный день его жизни был отмечен еще и тем, что он дал причастие своему королю.

По мере того как он причащал других верующих, воодушевление его постепенно шло на убыль, и к концу богослужения Денис почувствовал некоторую слабость в членах, но это было, конечно, из-за усталости и ларанова снадобья, а не из-за разрушительного действия мераши. Спать хотелось сильнее, чем в прошлый раз, но неприятных ощущений не было. Он увидел, что Чарльз, стоявший чуть дальше у ограды, тоже сдерживает зевоту, да и Милвас и Аргостино с трудом преодолевали сонливость.

Усталость чувствовалась все сильнее, но Денис прочитал короткое заклинание, снимающее ее, и почувствовал себя лучше. Он вернулся к алтарю, отдал дароносицу и встал на колени вместе с остальными, пока де Нор и Горони собирали остатки даров на один поднос, чтобы убрать в дарохранительницу. Затем де Нор повернулся к своему складному аналою и преклонил колени, глядя, как Горони выполняет завершающее омовение, — наступил последний опасный момент. Если Горони почувствует,

что у вина другой вкус...

К счастью, переволновавшийся семинарист, который должен был налить Горони вина и воды, оказался столь неловок, что выронил графин с вином, и тот, упав на мраморный пол, разбился. Горони, разумеется, рассердился, но внимание его в этот момент отвлек король, который поднялся, собираясь удалиться со своей свитой, прежде чем к выходу устремится вся толпа, и капеллан только показал знаком, чтобы из ризницы принесли еще вина. Стефан, стоявший наготове, с суровым лицом вошел вместе с провинившимся семинаристом в ризницу, где, разумеется, соответствующим мысленным внушением стер у него всякую память о том, по чьему приказу произошел этот «несчастный случай».

— Как ты это сделал? — спросил Денис у брата, когда позднее, во время праздничной трапезы Джемил с необычно напряженным видом отозвал его на несколько секунд в сторону, и оба убедились, что их никто не слышит. — Когда вынес графин во время жертвенного гимна?

Джемил серьезно покачал головой.

— Я этого не сделал, Денис, — прошептал он. — Не сумел. У всех на виду... Я не знаю, как это вышло, но ты пил мерашу, и она не подействовала.

— Что?

В этот момент королю вздумалось подойти к Денису за благословением, и разговор прервался, но о признании брата Денис думал весь вечер, а ночью, оставшись один, пришел в пустую церковь и преклонил колена в благодарственной молитве.

Нет, церковь не была пустой. Об этом ему напомнила рубиновая лампада, горевшая перед дарохранительницей, — если он, конечно, вообще мог забыть об этом после того, что случилось. И, с робостью подняв глаза к Царю Небесному, распятому на кресте над алтарем, он подумал, что пережил нынче величайшее чудо из всех, какие только выпадали на долю человека, — и что жизнь свою он проведет в неустанном служении Тому, Кто пощадил его сегодня.

— О Господи, я — Дерини, но я и Твое дитя тоже, — сказал он Господу своему. — И хотя я и прежде не сомневался, но сейчас истинно верю, что по милости Твоей настало время снова сделать равными Твоих детей Дерини и сыновей человеческих... ибо Ты спас меня от гнева людей, которые кощунственно желали причастием Твоим погубить меня. И за это я благодарю Тебя.

Он перевел дыхание и присел на пятки, пытаясь унять дрожь в сложенных руках.

— Благодарю и за то, что мы, Дерини, возможно, не так уж

отличаемся от людей, Господи, — продолжал он немного смелее, глядя на ясный, осиянный Лик. — Даров, что Ты дал нам, люди не понимают и потому боятся — и многие из нас действительно злоупотребляли этими дарами в прошлом и будут, несомненно, злоупотреблять и впредь, — но ведь и люди поступают так, не только Дерини. Мы не просим особой милости, Господи, — только позволь нам быть судимыми нашими собратьями и Тобой по нашим личным достоинствам и недостаткам, а не по достоинствам и недостаткам всей нашей расы.

Он склонил голову и закрыл глаза.

— *Adsum, Domine* — вот я, Господи. Ты призвал меня в час моего рождения, и сегодня я при всех ответил на Твой призыв и обязался служить Тебе. Ты не покинул меня в час моей нужды. Ниспошли же мне мудрость и силу, Господи, исполнять волю Твою и делать все, что в моих силах, чтобы быть Твоим истинным священником и слугой и помогать всем Твоим Детям, и людям, и Дерини, с терпимостью, состраданием и любовью... Ты ведь для этого меня спас, правда?

Много раз впоследствии ему случалось вспоминать этот свой длинный, бестолковый монолог, обращенный к Господу, но он так и не мог сказать наверняка, было на самом деле или причудилось ему, что, когда он поднял полные слез глаза, Царь Небесный чуть заметно кивнул ему с креста.

Наследство

21 июня 1105 г.

Одним из важных событий, упомянутых в «Возрождении Дерини» и остальных книгах «Хроник», — хотя оно произошло примерно за пятнадцать лет до времени начала трилогии, — является убийство в магическом поединке Марлука, отца Кариссы, королем Брионом Халдейном. С точки зрения Халдейна, Марлук, разумеется, всего лишь получил по заслугам, поскольку осмелился бросить вызов законному королю Гвиннеда, претендуя на его трон и корону.

Вполне естественно, что сторонники Марлука считали иначе и что наследница его, когда выросла, продолжила борьбу, ибо отец и дочь принадлежали к старшей ветви Фестилийской династии, которая начала притязать на корону Гвиннеда сразу после Междуцарствия — забыв, что изначально Фестил отобрал трон у короля Халдейна.

Более двухсот лет потомки Марка Фестила, сына Имре, последнего короля Фестилийской династии, который прижил его от своей сестры Эриеллы, заявляли, что Синхил Халдейн и его преемники — узурпаторы, предпочитая не вспоминать также, особенно несколько поколений спустя, о постыдном происхождении Марка, отпрыска кровосмесительного союза брата и сестры.

В «Наследстве» показан отрывок этой давней истории, но уже глазами сторонников Фестила: о смерти Марлука рассказывает его одиннадцатилетняя дочь Карисса, и рассказ этот слушает, воспринимая в соответствии со своими перспективами и амбициями, Венцит Торентский, ее дальний родственник, который наследует ей в Фестилийской династии. Мне кажется, это интересное противопоставление мнению Халдейна — ведь официальная история пишется, как правило, по версиям победителей. Рискну предположить, что большинство исторических злейших негодяев — если не считать сумасшедших — обычно имели вполне разумные для них причины поступать так, как они поступали. Мало какой нормальный человек творит мерзости только ради того, чтобы быть мерзавцем.

И на взгляд своих сторонников Карисса была вовсе не злодейкой, но преданной дочерью своего отца, которая родилась и выросла в убеждении, что однажды ей придется продолжить его дело и вернуть трон потомкам Фестила. Ее кажущееся бессердечие в романе «Возрождение Дерини» отчасти является следствием ужаса, который она пережила, когда отец был убит у нее на глазах, но основная его причина в том, что она, по своему мнению,

просто делает то, что должна сделать во имя семейной чести. И остается только гадать, как все сложилось бы, выйди она замуж за своего родственника Венцита.

Венцит был для меня еще интересней, чем Карисса, и я получила новое представление о нем, следя за его реакцией на ее рассказ. Понятно, что в тридцать два года Венцит Торентский уже твердо знает, что ему надо, — в нем течет кровь двух королевских родов, Фурстана и Фестила, но он не является наследником короны Торента. Он — второй сын короля, и у его старшего брата есть сын. Когда-нибудь я напишу рассказ о том, как он стал королем...

В комнате было прохладно и светло, что нечасто бывает в замках — особенно в замках Верхней Кардосы, где ветер у круглый год свищет в скалах Рельянского хребта и даже летом приходится закрывать окна.

Здесь же окна были открыты, ибо человек в красно-коричневом одеянии, сидевший со свитком в луче солнечного света, был изрядным знатоком погодной магии. Пожелтевшие от времени пергаменты, лежавшие на рабочем столе, не тревожило ни единое дуновение, хотя снаружи меж зубцов стен ветер так и завывал, и под порывами его трепетали, громко хлопая, знамена с черным оленем и оранжевые вымпелы, объявлявшие о присутствии в замке Торентского двора.

Нечасто и королевский двор оказывался так далеко от столицы Торента, поскольку король был стар и выезжал все реже. Передвигаясь медленно и с частыми остановками, Нимур II с двумя сыновьями, внуком и небольшой свитой приехал сюда около недели назад в сопровождении головного отряда войска Толанского герцога.

Хоган Гвернак, прозванный Марлуком, собрался требовать признания своих законных прав как потомка Фестила — а это прямо касалось Нимура, ибо после дочери Хогана Кариссы права эти переходили к Дому Фурстана, и Нимур и его наследники могли претендовать на корону Гвиннеда.

Право это Фурстан обрел давно, вследствие женитьбы Марка, сына последнего короля Фестилийской династии на дочери Нимура I, и подкрепил его поколение назад, когда бабка Хогана вышла замуж за младшего фурстанского принца. А теперь еще и юная Карисса обручилась в Михайлов день с внуком короля — что не слишком нравилось человеку, сидевшему в башне, но с этим приходилось смириться. Поскольку наследниками отца были его брат и племянник, вряд ли принцу Венциту из Торента случится когда-нибудь править Торентом и, если Хоган победит,

Гвиннедом; но, с другой стороны, чем больше земель будет у Фурстана, тем больше станет и его доля, как единственного брата будущего короля. Генеалогия, позволявшая разобраться во всем этом, была очень сложна, разобраться в ней самой мог скорее специалист по геральдике, нежели принц, но Венцит тем не менее счел своим долгом изучить все тонкости. Ведь невозможно предсказать, кому какую роль предназначат Парки.

Разворачивая следующий пергамент, он думал о Хогане и о притязаниях Фестилийской династии. За Гвиннед спорили очень давно. Первым Верховным Королем Гвиннеда стал около пяти веков назад Огарин Халдейн, объединивший несколько воевавших группировок и мелких княжеств на центральной равнине Гвиннеда и вокруг нее. Он и его род владели постепенно разраставшимся королевством около двухсот лет, пока первый Фестил, младший брат тогдашнего короля Торента, не вошел в Гвиннед во главе войск Дерини и не захватил королевский трон.

Династия, основанная Фестилом I, продолжалась немногим более восьмидесяти лет — это время приверженцы Халдейнов называли Междуцарствием. Затем Имре, последний Фестилийский король, был изгнан человеком, называвшим себя последним Халдейном, которому помогал Кулдский граф-изменник, позднее ненадолго объявленный святым, и с тех пор Гвиннедом правил восстановленный род Халдейнов.

Нетерпеливо вздохнув, Венцит заглянул в свиток. В этот самый момент Хоган уже отстаивал свои права, и, чтобы не думать об этом, надо было как-то отвлечься. Коричневые чернила на пергаменте выцвели от времени, и слова почти невозможно было разобрать, но Венцит знал содержание наизусть. Это было одно из немногих сохранившихся писем его прародительницы Эриеллы к ее брату-любовнику Имре. Написанное архаичным языком, в витиеватом стиле двухсотлетней давности, оно содержало тем не менее самую суть притязаний Фестила и Фурстана на трон. Ибо плод инцеста, о котором говорилось в письме Эриеллы, был тем самым принцем Марком, который женился на дочери первого короля Нимура.

> «И потому с нашей стороны потребуется твердость, дражайший мой вассал и господин, и брат, что найдутся такие, которые станут осуждать плод нашей любви — объяснят появление его лишь моим распутством и откажутся признать дитя твоим сыном, и, следовательно, твоим наследником. Но даже ежели весь мир объявит сына нашего бастардом, следствием моей нескромности, все равно он остается Фестилом; и если никто из нас не

вступит в другой брак, он должен стать нашим наследником и вступить после нас на трон. И пусть думают, что хотят. Мы — Дерини; нам нет нужды в оправданиях!»

Венцит высокомерно улыбнулся, но, пробежав своими светлыми, почти бесцветными глазами конец письма, он, в общем-то, согласился со сказанным. Он и его семья тоже были Дерини, как Имре и Эриелла, обладатели магических способностей, недоступных обыкновенным людям — за исключением, увы, некоторых Халдейнов, хотя последний из них, Брион, особым умением как будто не отличался. Читая письмо, Венцит ощущал всю силу любви Эриеллы, пережившую почти два столетия. При последних, самых интимных ее словах, обращенных к брату, он показался самому себе чуть ли не соглядатаем, и в чреслах его отозвалось что-то подобное страсти Имре, когда он представил, как неистовая Эриелла подкрепляла свои обещания делом. Их взаимное чувство было, конечно же, величайшей любовью всех времен. О такой любви мечтал Венцит в те дни, когда сам думал жениться на Кариссе. И в который раз он попытался представить себе, как поступил бы отец, случись что-нибудь с его внуком Элдредом. Он, конечно, не желал мальчику зла, но перспективы открылись бы соблазнительные.

Он долго сидел, уставясь в окно и предаваясь тайным фантазиям, объектом которых была то живая Карисса, то умершая Эриелла, пока какое-то движение у главных ворот не привлекло его внимание и не привело в себя. В замок въезжал отряд под знаменем его кузена Хогана, но самого Хогана не было видно. Среди усталых, забрызганных грязью воинов ехала на сером коне, сгорбившись в седле, девочка в синем плаще.

Когда Венцит спустился в большой зал, она уже плакала в объятиях Элдреда, и чудесные волосы ее, растрепанные, слипшиеся на концах, рассыпались по спине ниже талии. Он испытал острый приступ зависти к этому неопытному юнцу с потными руками, который имел право обнимать и утешать ее, но быстро подавил свои чувства. Карисса Толанская обручена по выбору его отца. И, находясь среди Дерини, следует тщательно скрывать свое возмущение, особенно среди тех членов семьи, у кого может вызвать подозрения то, что он окружает себя защитой.

Брат его, Каролус, тоже был здесь, и король-отец, хотя старик плохо чувствовал себя нынче и тяжело опирался на руку своего спутника в ливрее. У ног короля стоял на коленях Хасан, тактик Хогана, телохранитель Хогана и его юной дочери, в черных одеждах, покрытых грязью и пылью, с лицом, прикрытым кефией,

позволявшей видеть только полные скорби глаза.

В зал входили один за другим хмурые воины и рыцари в полном вооружении, оруженосцы помогали им снимать оружие и доспехи, и Каролус отрывисто отдал слугам указания, где их разместить; потом он взял отца под руку и отвел в расположенный позади тронного возвышения кабинет. Там он усадил короля в кресло с высокой спинкой и знаком велел Хасану приблизиться. В кабинете собралось всего шесть человек: королевская семья, Карисса и мавр. Хасан вновь преклонил колени перед королем и принцем-наследником и открыл лицо.

— Итак, что произошло? — спросил Каролус.

Хасан опустил голову.

— Халдейн оказался сильнее, о мой принц. О чем еще говорить? Неверный превзошел моего хозяина с помощью краденой магии и отрубил ему голову. Мы не знали, что он обладает такой силой. Думали, Эль Марлук раздавит его, как блоху!

— Эль Марлука предал Дерини! — с горечью сказала Карисса сквозь слезы. — Узурпатору помогал полукровка Аларик Морган. Он защищал этого князька Халдейна своей магией. И мой отец пал жертвой предательства!

Венцит обменялся взглядом с братом, потом посмотрел на короля. Новость оглушила старика, тот застыл, словно с ним снова случился паралич; но хотя состарившееся тело отказывалось ему служить, рассудок у него по-прежнему оставался ясным.

— Ему помог Морган? — прошептал король. — Оруженосец Халдейна? Но он же еще совсем ребенок.

— Он старше меня, сир, — надменно ответила одиннадцатилетняя Карисса и выпрямилась с достоинством, отстранившись от Элдреда. Венцит ничего не сказал, но невольно почувствовал гордость за нее. Девушка из рода Фестила; но также и из рода Фурстана, и она могла бы принадлежать ему. Ее отец гордился бы ею.

— Откуда вы знаете, что узурпатору помог Морган? — король все еще сомневался.

Карисса расстегнула плащ, позволила ему упасть на пол, подошла к столу перед креслом короля. И налила в глиняную чашу почти до краев темное красное вино. Венцит замер было, потом подошел поближе, чтобы помочь, если понадобится. Он знал, что она собирается делать, и знал, что Элдред этого не понял и что Каролус только начал догадываться. Но король тоже понял и слабо кивнул, когда она подняла чашу обеими руками на высоту груди.

— Посмотрите на смерть моего отца моими глазами, сир, — сказала она чуть слышно, проводя рукою над чашей. — Если у меня хватит сил, вы все увидите сами и тогда рассудите, один ли действовал Брион Халдейн.

Затем она поставила чашу на стол и, придвинув стул, села, а остальные сгрудились вокруг. Теперь уже все, кроме Элдреда, поняли, что сейчас произойдет, — Венцит знал, что они тоже умеют делать это; только юный Элдред не умел, хотя был на четыре года старше Кариссы и на год — Аларика Моргана. Уж Морган-то умел наверняка!

Для предстоящего требовалась темнота, и он погасил жестом все факелы в настенных подставках, оставив гореть только свечи на столе. Карисса поблагодарила его напряженным кивком и задула все свечи, кроме одной. Затем она устремила взгляд на поверхность вина, и в комнате воцарилась тишина.

— Представьте местность в конце ущелья Легоддин, где мы встретились с войском Халдейна, — прошептала она, особым образом дыша на поверхность.

— Представьте войско моего отца — мы ждем Халдейна. Ощутите, как солнце пригревает лицо и руки, как ветер шевелит волосы. Представьте развернутые знамена, шелк и позолоту, услышьте, как хлопают они над головой. Почуйте запах пота и страха, запах воды, сосен и вытоптанной земли...

И пока она говорила, на поверхности вина начали появляться образы, сперва неясные, затем все более четкие, по мере того как зрители сами входили в транс под воздействием ее чар. Венцит отдался чарам полностью, вошел в ее память, смотрел ее глазами, ощущал ее страх и ее радость, глядя на разворачивавшуюся перед ними картину.

Толанские воины строились в ряд на лугу в ожидании врага, и солнечные отблески играли на их доспехах и оружии. Хоган, одетый во все белое, в кольчуге и в шлеме, подобный древнему божеству, сидел на гнедом коне возле Кариссы и пристально смотрел на выход из тенистого ущелья, откуда должен был появиться вскоре его заклятый враг. И когда все воины заняли свои места, он обратил к дочери золотистые глаза.

— Не бойся, дитя мое, — сказал он, перекладывая копье в левую руку, и ласково касаясь правой ее подбородка. — Это всего лишь попытка, одна из многих. Что бы ни случилось, в тебе течет моя кровь, кровь королей. И будут еще попытки.

Она покачала головой и, схватив его руку, прижала к своей щеке.

— Что мне кровь! Главное — это ты. Обещай, что вернешься.

Он улыбнулся.

— Ты должна думать о крови, дорогая моя девочка. Однажды ты станешь королевой. А я вернусь к тебе, ты же знаешь, если только смогу, — он на мгновение возложил руку на ее голову. — Если же не смогу, тогда с тобой пребудет благословение моего отца. Бог да сохранит и защитит тебя, дитя мое.

— Ты говоришь так, словно собираешься умереть, — прошептала она с полными слез глазами. — Ты не должен умирать. Не должен!

— Мы вынуждены принимать судьбу, которую посылают нам Парки, дитя мое, — ответил он, отодвигаясь и снова беря копье. — Я не собираюсь умирать, но если так будет угодно Богу, ты должна оставаться сильной и продолжать наше дело, и всегда помнить, кто ты есть.

К горлу ее подступили рыдания, но отец уже отвернулся и посмотрел на луг. Затем он пришпорил своего боевого коня и двинулся шагом вдоль строя воинов, а за ним летело по ветру знамя, на котором львиные когти и горностай Толана соседствовали со львами Халдейна.

И тут наконец явился враг — из ущелья на одинаковых серых конях выехали внезапно Брион, претендент на трон, и его брат. За ними на черном жеребце ехал Морган, с удивленным и немного испуганным лицом, а следом двигалось остальное войско Халдейна. Принц Нигель держал знамя со львом Гвиннеда, и тот же лев сверкал на груди Бриона. И, увидев его, Карисса больше ни на кого не обращала внимание, ибо этого человека со львом на груди ее отцу надлежало победить. Остальные же имели значение не больше, чем пыль на ветру.

Лишь немногие из воинов Халдейна успели выбраться из узкого ущелья, когда Хоган опустил копье, подавая сигнал к атаке. Рыцари поскакали к захваченному врасплох врагу, и земля задрожала под тяжестью копыт могучих толанских коней. Кто-то из вражеских воинов закричал:

— Халдейн! — и крик его подхватили другие, но их не было слышно за боевым кличем несущейся в атаку кавалерии Марлука.

Воины сошлись с лязгом, подобным громыханию грома, глухо затрещали копья, зазвенела сталь о сталь, послышались более зловещие и жуткие звуки, какие производит отточенный металл, разрубая плоть, кости и даже доспехи. В гуще схватки реяло яркое знамя Фестила — горностай на красном фоне и львиные когти рядом с золотыми львами Халдейна, — указывая, где находится Хоган. Два претендента на трон никак не могли пробиться друг к другу. Наконец Халдейн, развернув жеребца, расчистил вокруг себя свободное пространство, вскинул меч и прокричал имя ее отца:

— Гвернак!

Наконец она увидела отца. Он успел потерять шлем, а, может, сбросил его, и светлые волосы разлетались ореолом над головой. От них и от рук его как будто исходило сияние, но, возможно, так только казалось одиннадцатилетней девочке. Взмахнув мечом над головой, он поднял коня на дыбы и засмеялся, вызывая на бой человека, которого собирался убить.

— Халдейн мой! — крикнул он, пробиваясь к врагу и сразив по дороге одного из рыцарей Халдейна. — Стой и сражайся, узурпатор! Гвиннед мой по праву!

Когда они сошлись и воины расступились, освобождая место для схватки, видение Кариссы вновь затуманилось. Для ребенка все сражения схожи между собой, даже если за свою жизнь бьется любимый отец. Почти сразу пали кони соперников, сперва гнедой, потом серый, и она, отвернувшись, заплакала от жалости к несчастным верным животным; изображение прояснилось лишь тогда, когда два бойца отступили пошатываясь и оперлись, тяжело дыша, на свои мечи. Голоса их были слишком тихи, чтобы разобрать слова, но по жестам можно было догадаться о смысле разговора.

Казалось, что они беседуют почти что дружески, Хоган даже улыбнулся несколько раз, сверкнув белыми зубами, — видно, сказал Халдейну что-то неприятное. Раз он показал мечом в сторону своей дочери, и Венцит почувствовал, с какой гордостью девочка царственно выпрямилась в седле.

Сначала Халдейн, а затем Хоган начертили на земле концами мечей символы — ритуальный вызов был сделан и принят. Халдейн вспыхнул было, увидев, что начертил Хоган, но сдержался и гневно затер сапогом оскорбивший его магический знак. Хогана это как будто не удивило.

Зато Венцит удивился так, что едва не вышел из-под действия чар, ибо он понял, что хотел сделать Хоган. Любому маломальски обученному Дерини это заклинание известно, но Халдейн не должен был его знать; зато наверняка знал Морган и научил своего господина. Карисса права, этот полукровка — предатель!

Венцит увидел, как оба соперника разошлись в стороны, как они сотворили защитные круги, алый и голубой, — круги, о которых Халдейн тоже ничего не мог знать. И сражение возобновилось, но на этот раз оно происходило с помощью блистающих, как молнии, энергий, которые излучали их мечи.

Они сражались долго, но за этим поединком Карисса следила с куда большим интересом и пониманием, чем за обычной битвой. Соперники не двигались с места, хотя силы, которыми

они манипулировали, были огромны.

Затем в поединок были вовлечены силы, сокрывшие врагов от глаз всех зрителей, даже от глаз Кариссы, и Венцит ощутил охватившее ее в этот момент дурное предчувствие. Вскоре защитная дымка над кругом рассеялась, и оказалось, что один из бойцов уже стоит на коленях, подняв меч в отчаянной, но тщетной попытке защититься. Венцит с замиранием сердца понял, что это Хоган.

Над ним стоял Халдейн, готовый опустить свой меч, но долгое мгновение казалось, будто что-то удерживает его руку. Венцит горячо вознадеялся было, что Хоган еще может победить — сейчас он призовет какую-нибудь сверхъестественную силу из давно забытого источника и сметет с лица земли этого подлого захватчика Халдейна.

Но защита рухнула наконец, и Хоган выронил оружие. В полном изнеможении он упал вперед на руки, и меч победителя опустился. Карисса задохнулась, закрыла глаза, и чары распались, изображение растаяло. Из уст девочки вырвалось сдержанное рыдание, но когда Элдред, а за ним Каролус попытались ее утешить, она отстранилась, вытерла слезы и гордо вскинула голову, как королева, которой она и была.

— Не надо, — твердо сказала она. — Теперь я осталась одна, и мне надо учиться быть сильной. Он умер, но я не забуду, как он жил и как умер. Не забуду также, и кто виновен в его смерти. Я отомщу.

— Но, Карисса, — тихо сказал Элдред, — ведь Халдейны всегда владели силой, подобной нашей. Почему отец твой решил, что этот Халдейн не таков?

Король кашлянул, протер слезившиеся глаза и покачал головой.

— У нас была надежда, — сказал он. — Когда умер отец Бриона, сам Брион был еще мал. Мы полагали, что ему не успели передать силу. И поскольку за десять лет, что он был королем, он ни разу не показал, что обладает ею, мы решили, что секрет ее утерян. Кто мог подумать, что мальчишка Морган поступит так, как поступил?

Каролус, сцепив пальцы рук, кивнул.

— Мы недооценили его, — согласился он, — но больше этого не случится. Халдейн — узурпатор. Элдред и Карисса поженятся, и мы должны сделать все, чтобы в наследство им достались оба королевства. Мы будем следить за Халдейном и этим выскочкой, полукровкой Дерини.

Все дружно закивали, и король со старшим сыном принялись выспрашивать у Хасана подробности, но Венцит не участвовал в

этом, он вспоминал увиденную битву и последовавший затем разговор и намечал для себя, о чем поразмыслить на досуге. Сегодня он понял кое-что важное. Во-первых, Элдред — глупец. Унаследовав после Каролуса трон, он будет иметь столько же шансов удержать его, сколько было у Хогана победить Халдейна. Да и сам Каролус не обещал многого, просто прежде Венцит никогда не оценивал брата с такой точки зрения. Об этом предстояло еще хорошенько подумать, и не раз.

Но и Халдейн с Морганом заслуживали пристального внимания, особенно последний. Полукровка Дерини пока еще совсем мальчишка, но в будущем с ним, несомненно, придется считаться — и, возможно, именно через него удастся добраться со временем до Халдейна. Вдруг Парки распорядятся так, что Венцит сам станет орудием в руках судьбы, предназначенным погубить Моргана. Еще и не такое случалось на свете...

Посвящение Дерри в рыцари

Май 1115 г.

Шон лорд Дерри, оруженосец Моргана, уже много лет как стал одним из моих самых популярных персонажей, не являющихся Дерини. Он привлекает своей верностью, понятливостью, чуткостью — при том, что он самый обыкновенный человек. Меня часто спрашивают, как Морган и Дерри встретились и как Дерри стал служить Моргану. Об этом я и написала рассказ.

Что интересно, написание его далось мне с великим трудом. Сначала я решила сделать главным героем Моргана и никак не могла приступить к работе. С неделю я составляла хронологические и генеалогические схемы — все, что угодно, только бы не садиться и не работать на самом деле (зато я теперь, правда, знаю, каким образом Морган и Дункан происходят от Райса и Ивейн), — и наконец приступила и вымучила из себя за целый день около пяти страниц. Это было в пятницу. Работала я на компьютере; и в понедельник, когда я собралась продолжить работу, мне не удалось ввести этот файл в компьютер. Не удалось найти его; не удалось скопировать; я оказалась не у дел. Видимо, дискета сломалась.

Я сделала неудачную попытку восстановить ее — что почти никогда не получается, — в результате все сбросила и тогда начала рассказ заново, но уже с Дерри в качестве главного героя — лишь бы хоть что-то писать. И на этот раз Дерри ожил, и работа пошла.

Мне бы очень хотелось сказать, что потом я смогла все-таки добраться до первоначального файла — когда уже выстроила рассказ по-другому, — но этого не произошло. Я не столь самоуверенна, чтобы претендовать на вмешательство всякий раз вышних сил в мою работу. Хотя, как и Денис Арилан, полагаю, что Господь действует обычно через смертных посредников — а порой и через механические устройства, созданные смертными. Довольно с меня того, что первый вариант пропал, и это хорошо; мне пришлось пересмотреть свой замысел и выстроить повествование так, как его следовало строить изначально.

И, что бы ни послужило стимулом, результат позволяет узнать многое о Дерри и его семье. Почему, например, молодой, дворянин с хорошими перспективами решил вдруг стать оруженосцем герцога, вместо того чтобы остаться самому себе хозяином? Разумеется, свою роль сыграло немалое личное обаяние Аларика Моргана, тем не менее это не могло не удивить придворных Бриона, как замечает и сам этот

восемнадцатилетний, еще неопытный, только что посвященный в рыцари юноша, который видел своего короля всего несколько раз в жизни и никогда с ним не беседовал.

Мы еще раз встретимся здесь с Денисом Ариланом, после посвящения которого в сан прошло десять лет, и увидим, какую роль играет он теперь при дворе.

Восемнадцатилетний Шон лорд Дерри, которому оставалось менее двух недель до получения рыцарского звания из рук Бриона, короля Гвиннеда, нетерпеливо вздыхал, глядя, как конюшие проводят своих питомцев одного за другим по узкой огороженной дорожке к загонам Рилледской конной ярмарки. Предмет его страстного вожделения все не появлялся, да и что с того, если даже стартовая цена, на него заявленная, была Дерри абсолютно не по карману. Да, он был граф, но доставшиеся ему девять лет назад после смерти отца владения у восточного Пограничья были весьма скромны и практически разорены уплатой причитавшегося короне налога на наследство. Дядя Тревор, не более богатый, чем он сам, предложил по случаю посвящения своего единственного племянника в рыцари денежную помощь; но даже их совместных средств не хватило бы на этого жеребца.

— Вот этот гнедой неплох, — заметил дядя Тревор, показывая на спокойного коня с белыми чулками на передних ногах. — Масть — ладно, зато у него крепкая грудь и глаза добрые. Родословная в порядке, я смотрел. И еще один был хорош, темно-бурый. Запомни его. Думаю, какого-нибудь из них мы сможем выбрать.

Дерри пожал плечами, не отводя глаз от лошадей, которых выводили из дальнего загона.

— Да, они хороши, — признал он. — Но каштановый...

— Что ж, я тебя понимаю, — сочувственно сказал Тревор, когда на дорожке появился жеребец, о котором шла речь. — Этот конь, Шон, впору самому королю. Ты уж не расстраивайся, но его мы, наверно, позволить себе не сможем.

— Конечно, не сможем, — ответил Дерри. — Я знаю. Коли не он, так гнедой или бурый вполне сойдут, но, Господи, как бы я хотел этого красавца!

— Не ты один, — проворчал Тревор.

Дерри рассеянно кивнул, приник к изгороди, вытянув шею, чтобы лучше видеть, и, когда жеребца подвели поближе, закусил губу. Голубые глаза его так и впились в заигравшие под гладкой шкурой мускулы, когда конь грозно заржал, увидев других жеребцов, и встал на дыбы, пытаясь освободиться от державших

его конюхов.

— Иисусе сладчайший, да он просто великолепен! — выдохнул Дерри и, заметив укоризненный взгляд дяди, считавшего подобные слова чуть ли не богохульством, опустил голову. — Извините, дядя.

Конь, однако, и вправду был великолепен: темно-каштановой масти без единого белого пятнышка, чудесных р'кассанских кровей, о чем свидетельствовали его высокая холка, мощные челюсти и большие, умные глаза. Имея в конюшне такого жеребца и регулярно получая от него потомство, Дерри мог бы за пять лет улучшить породу лошадей Пограничья. И его материальным делам отнюдь не повредили бы вложения со стороны тамошних дворян и владельцев конюшен. А уж как было бы здорово въехать на таком коне в город Ремут, где его должны посвятить в рыцари! До этого дня оставалось чуть больше недели...

Он размечтался и в мыслях уже видел себя восседающим на каштановом жеребце, в сверкающих на солнце ярко-голубых рыцарских доспехах, когда случилось нечто неожиданное. Какой-то мальчонка поднырнул под ограждение, собираясь перебежать на другую сторону дорожки, споткнулся и упал — перед самым носом своенравного серого жеребца, которого вели следом за каштановым.

Беспокойного жеребца это напугало. Он вскинул голову, заржал, затем присел на задние ноги, сбив с ног своего вожатого, а потом, вытянув шею, схватил конюха зубами за плечо и принялся трясти его, как терьер крысу. И отпустил бедолагу только тогда, когда и каштановый жеребец, забеспокоившись, взвился на дыбы, с легкостью расшвырял конюших и с грозным ржанием повернулся к сопернику.

Дерри не мешкая перескочил через верхний поручень и услышал страшный, глухой звук — подкованное копыто ударило в грудь одного из конюхов; такая же участь едва не постигла его самого, когда он, поднырнув под серого, подхватил скорчившегося на земле мальчишку и откатился с ним в сторону. К тому времени, как он поднялся на ноги и передал кому-то ребенка через изгородь, между жеребцами шло уже настоящее сражение, и все конюхи с подручными торопились отвести подальше своих подопечных, пока и те не ввязались в бой. В облаке пыли, поднятой дерущимися лошадьми, Дерри не сразу разглядел, куда подевались их конюхи, но в конце концов увидел, что один неподвижно лежит возле изгороди, а другой свернулся в клубок в самой гуще сражения, прикрывая руками голову.

— Шон, не надо! — услышал он крик дяди, но было поздно — он уже снова бросился на помощь и подхватил волочившийся по

земле повод каштанового жеребца.

Повод-то он взял, но не успел сделать и шагу, как конь дернул головой, и Дерри, потеряв равновесие, оказался прямо на пути опускавшегося в этот момент копыта серого жеребца. Благодарение Богу, в челюсть ему ударило не копыто, а колено, — но искры все равно посыпались из глаз, и Дерри пошатнулся и чуть не упал. Второе копыто, чудом миновав голову, распороло ему плечо, и в этот момент какие-то двое мужчин в черном вцепились в недоуздок серого и оттащили его.

Конюх, которому угрожала наибольшая опасность, успел тем временем откатиться в сторону; Дерри, опомнившись, ухватил за ухо каштанового жеребца и пригнул ему голову, а мужчины в черном утихомирили серого.

— Тихо, мальчик! Тпру! Тпру! — приговаривал Дерри, и когда жеребец немного успокоился, отпустил его ухо.

Один из нежданных помощников снял с себя кожаную тунику и завязал ею серому глаза, чтобы тот не видел соперника, Дерри же, продолжая уговаривать и поглаживать каштанового по морде, заставил его отвернуться. Пока конь разворачивался, обнаружилось, что он хромает и что левая задняя нога у него в крови. Дерри передал повод двум конюхам, расхрабрившимся подойти, когда опасность миновала, и, не обращая внимания на боль во всем теле, занялся проверкой раненой ноги. Провел дрожащей рукой по взмыленному конскому боку, ощупывая рану, и ему стало не по себе.

— Скверный укус, — сказал приятный низкий голос у него за спиной. — Похоже, сухожилие повреждено. Какая жалость!

Коротко оглянувшись, Дерри увидел, что это один из мужчин в черном, укротивших серого, — тот, который завязал коню глаза своей туникой. На нем была блестящая кольчуга — под костюмом для верховой езды, но Дерри было не до этой странности, ибо он принялся двигать раненую ногу, поглаживая жеребца, чтобы смягчить боль, которую причиняло тому движение.

— По-моему, оно не до конца порвалось, — пробурчал он и, встав на колени, опустил копыто на землю. — Сшить его да наложить лубки, чтоб не рвалось дальше, и он еще побегает.

— Для битвы он все равно уже не будет годен, — заметил незнакомец. — Пожалуй, лучше уж добить его.

— Нет! — сказал Дерри. — Мой кузнец может сделать специальную подкову для поддержки ноги, пока она не заживет. Дядя Тревор, вы не поможете мне найти нужные инструменты? И еще нужен кто-нибудь, проследить, чтобы он не опирался на ногу. Почему бы не попробовать?

Человек в кольчуге жестом велел кому-то, кого Дерри не

видел, встать у морды жеребца и успокоить его, и тут через плечо юноши заглянул другой мужчина, в коричневом кожаном костюме.

— Сухожилие, да? Проклятье! Что ж, спасибо, сынок, за труды, но мой помощник сейчас его заберет. Маклин, надо его прирезать.

— Нет! Не надо! — вскрикнул Дерри. — Позвольте мне хотя бы попытаться, нога может зажить.

— Не стоит беспокоиться, сынок. Он все равно уже ни на что не будет годен.

— Да, как скаковой конь. Но его можно использовать для разведения. Для этого ему не нужна сильная нога, лишь бы не болела.

— Это не дело, сынок.

— Вы хозяин? — спросил Дерри.

— Да.

— Тогда я покупаю его! И... покупаю еще одного, здорового. Я приглядел тут двоих.

Хозяин задумчиво погладил подбородок.

— Которых это?

— Ну, один такой темно-бурый... очень сильный... и гнедой с необычными белыми чулками на передних ногах.

— А! Гнедой — мой, — сказал хозяин. — Я прошу за него двести марок золотом. Давайте триста и забирайте обоих.

— Джулиус! — вмешался незнакомец в кольчуге. — Это грабеж! Мертвый конь не стоит и двадцати, со шкурой и со всеми потрохами.

— Стоит, коли может еще поработать в конюшне, милорд, — сказал Джулиус.

— Но это еще под вопросом, — заметил незнакомец. — А ты собирался его добить. Отдай обоих за двести пятьдесят, и то наживешь на своей беде больше, чем заслужил.

— Ну...

— Соглашайся, Джулиус, — продолжал тот. — А я куплю черную кобылу за ту несуразную цену, которую ты просишь.

— И *ее жеребенка?*

— И жеребенка, — согласился незнакомец. — Но за него дам еще пятьдесят. Сделаю тебе такое одолжение!

— Что ж, отлично! Вы заключаете очень выгодную сделку, милорд.

Они ударили по рукам, и Дерри с трудом мог поверить своему счастью, поскольку назначенная цена была вполовину меньше, чем стоил этот жеребец... если, конечно, Дерри и впрямь сможет его вылечить.

Конюх принес ведро воды, и Дерри принялся осторожно промывать рану, дивясь, что жеребец не протестует. Могучий боевой конь в руках незнакомого лорда в кольчуге стоял кротко, как ягненок. У Дерри от удара в челюсть разболелась голова, по левой руке стекала кровь, смешиваясь с кровью жеребца, и чувствовал он себя все хуже, но не обращал на это внимание. Пока не придется встать на ноги, продержаться можно. Дядя Тревор принес ему небольшую сумку с иглами и нитью для швов, подошел и Ромар, кузнец из замка Дерри, и тоже принялся проверять рану.

— Я похвастался твоим умением, Ромар, — сказал Дерри, — но ведь это ты научил меня всему, что я знаю о лошадях. Мы *сможем* его спасти?

— Раз уж вы его купили, милорд, так всяко попытаемся, — ответил Ромар. — Только почему бы мне этим не заняться? Я зашью не хуже любого другого. А вам надо бы руку посмотреть. Вон, кровищи-то сколько.

— Он дело говорит, — сказал мужчина в кольчуге. Дерри поднялся на ноги, придерживаясь за жеребца, поскольку его пошатывало, и незнакомец подхватил его под руку. — Судя по тому, как выглядит рана, вам самому потребуется несколько швов. И на подбородке здоровенная шишка, — он коснулся распухшего подбородка вымазанными в крови пальцами. — Рандольф, вы не посмотрите юношу, когда закончите с конюхом?

Дерри успел разглядеть только светло-серые глаза незнакомца и копну коротко стриженных золотистых волос, как в глазах у него потемнело, и он потерял сознание.

* * *

Когда Дерри пришел в себя, челюсть ныла все так же, но к боли в руке прибавилась другая, колющая боль, и совсем рядом кто-то мурлыкал немелодично песенку без слов. Он открыл глаза и увидел мужчину приятной наружности, в черном одеянии, который, склонясь над окровавленными клочьями его левого рукава, вытягивал черную шелковую нить. Прочная голубая ткань куртки была разорвана от плеча до локтя, обнажив рану длиною в ладонь, и колющую боль производила игла, которой этот человек зашивал рану.

— Ну, здравствуй, — сказал он, улыбаясь. — Ожил, как я погляжу. Когда ты потерял сознание, я было испугался, что у тебя сотрясение мозга, но, пожалуй, это был просто шок. Немного покоя, и будешь молодцом.

— Долго я был в обмороке? — спросил Дерри.

— О, не очень. Я только начал шить. На самом деле, наверно, достаточно было промыть и перевязать руку, но зато так не останется шрама. Шрамов этих у вас, молодых, и без того хватает. Уж больно острые копыта у боевых коней... да и чертовски грязные, но я вроде бы как следует промыл рану. И скажи спасибо, что ты был в это время без сознания, поскольку, на мой взгляд, это похлеще, чем зашивание... хотя не думаю, что тебе и сейчас очень приятно. Я, кстати, — мастер Рандольф, и меня всему этому учили, так что не волнуйся. Мой господин не хотел, чтобы тобой занялся какой-нибудь лекарь-коновал из здешних.

Дерри, слушая этот монолог, старался изо всех сил не выказывать своего изумления, но тут все-таки вытаращил глаза. Человеку, назвавшему себя мастером Рандольфом, было на вид около тридцати, и слева на груди у него была вышита голова грифона — зеленая с золотом эмблема на черном фоне, обведенная золотой нитью. Чем-то она была знакома Дерри, но вспомнить он не смог, и, подняв голову, чтобы посмотреть на работу врача, поморщился от очередного укола иглы.

— Хорошо у вас получается, — пробормотал он, опуская голову обратно. — Я — Шон Дерри.

— Да, я знаю. Граф Дерри. Твой дядя сказал мне, — отвечал врач. — Он, между прочим, пошел рассчитываться с Джулиусом. Кузнец ваш занимается жеребцом. И, скажу я, либо ты заключил чрезвычайно выгодную сделку, либо приобрел втридорога немного конины и лошадиную шкуру.

— Знаю, — сказал Дерри, прикрывая глаза здоровой рукой. — Может быть, мне и не следовало так рисковать. Мы уже изрядно истратились на рыцарское снаряжение. А за гнедого на торгах, возможно, пришлось бы заплатить гораздо меньше. Так-то он хорош, но из-за этих белых ног цена понизилась бы.

— Ну, он тебе еще замечательно послужит, — сказал Рандольф. — А белые ноги... что ж, зато его ни с кем не спутаешь.

Дерри на этих словах полухохотнул-полувзвизгнул, ибо игла снова впилась в кожу, и поднял голову. Рана была зашита примерно на треть. Он пробормотал что-то извиняясь, отвернулся и вздрогнул, увидев рядом еще одного человека — того, в кольчуге. Дерри и не заметил, когда он успел подойти.

— Ну, молодой лорд Дерри, как дела? — спросил он, улыбаясь. — Добрый мастер Рандольф все еще пытает вас?

Глаза у него были серые, как туман или дождь, но казались пронизанными солнечным светом. Только теперь Дерри увидел, что незнакомец немногим старше его самого — ему было от силы лет двадцать. И Дерри мгновенно проникся к нему симпатией.

— Боюсь, что я по сравнению с вами в несколько невыгодном положении, сэр, — сказал он и улыбнулся в ответ. — Кажется, вы оба знаете, кто я, но я, боюсь, не знаю, кто вы.

— Хм, в данный момент это неважно, — проворчал незнакомец. — А вот залатать вас — это важно. Вы нынче — герой, знаете ли. Родители спасенного ребенка готовы причислить вас к лику святых. Как ваш подбородок? Больше на голове нет ушибов, Ран? — спросил он врача, перебирая тем временем кудрявые темные волосы Дерри в поисках других шишек.

Ни с того ни с сего юноша почувствовал вдруг непреодолимое желание зевнуть — и вздрогнул посреди зевка от очередного укола иглы мастера Рандольфа.

— Думайте о чем-нибудь другом, — мягко сказал незнакомец в кольчуге, и его невозможные серебряные глаза поймали и удерживали взгляд Дерри, пока руки ощупывали голову. — Закройте глаза, представьте, что вы где-то в другом месте. Отрешитесь от своих ощущений.

Дерри, зевнув во весь рот, послушался и обнаружил, что боль слабеет. На самом деле он даже задремал. И когда очнулся снова, молодого человека в кольчуге уже не было, а мастер Рандольф заканчивал перевязку. Рядом на табурете сидел дядя Тревор, глядя на него с тревогой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Так, словно меня в плечо и в челюсть лягнула лошадь, — ответил Дерри, осторожно приподнимаясь на локтях. — Куда подевался мой таинственный благодетель? Я хотел поблагодарить его. Кто он?

Мастер Рандольф уложил в сумку свои инструменты, закрыл ее и улыбнулся.

— Ушел по своим делам... а то, что ты благодарен, он и так знает, сынок, — Рандольф встал и повесил сумку на плечо. — Что же касается того, кто он, думаю, он сам сказал бы, если бы хотел. Но ты еще узнаешь это. Удачи тебе, молодой лорд Дерри, и вам, барон Вараг.

Дерри не успел ничего сказать, как он уже удалился. Крайне заинтригованный, юноша сел и посмотрел на дядю.

— А *вы* знаете, кто он? Похоже, высокородный лорд...

— Из самых высокородных, — спокойно сказал Тревор. — Что он с тобой делал?

— *Делал* со мной? Что вы имеете в виду?

— Он тебя касался? Ты помнишь, что он говорил?

— Ну да, он меня *касался*! Проверял, не ушибся ли я еще где... *кто* он, дядя?

Тревор недовольно фыркнул.

— Герцог Корвинский, Аларик Морган.

— Кор... Аларик *Морган*? Дерини? — выдохнул Дерри.

— Да.

— О, черт! — только и мог вымолвить Дерри.

Он снова лег и положил руку на лоб, вспоминая все, что произошло. — Так это был сам *Морган*.

Вообще-то ему полагалось испугаться, ибо он не раз слышал, что маги Дерини могут осквернить душу человека одним взглядом, не то что прикосновением; но почему-то он не испытывал ничего, кроме восхищения, вспоминая, как помог ему Морган с жеребцом и как он позаботился о нем, прислав мастера Рандольфа. Ему нравилось то, что он видел в этих светлых серебряных глазах, — да и прежде он не особенно верил рассказам священников о Дерини.

А запрещенная магия — что ж, если с помощью магии Морган помог Дерри избавиться от боли, то ничего худого в ней, похоже, не было. Не испытывать боли, когда над тобой работает врач — это же *благословение* для воина, а вовсе не проклятье. Правда, Морган может обладать и другой, не столь доброй силой...

Об этом он решил не думать. Не стоит судить никого на основании слухов — даже Дерини. Какими бы страшными силами не обладал Морган, Дерри пока что увидел в нем только сдержанность, сострадание и то, что называется *noblesse oblige*, достоинство, которое бывает только врожденным и не дается никаким титулом или званием. Он подумал, что, возможно, встретит герцога Дерини при дворе, когда приедет в Ремут на посвящение в рыцари. О Моргане, в конце концов, говорили, что он дружен с самим королем. И раз уж Дерри теперь знает, кто помог ему в Рилледе, там он и сумеет принести ему свою благодарность.

* * *

Следующая неделя оказалась весьма утомительной, ибо помимо последних лихорадочных приготовлений к поездке, отнимавших у Дерри все силы, его мучили раны — хотя он не сильно пострадал, но кости и мышцы ныли еще несколько дней, мешая двигаться, а голова болела всю неделю. Тревожась за его голову, дядя Тревор потребовал, чтобы Дерри отвезли в замок на конных носилках, и сам занимался временным устройством каштанового жеребца в Рилледе, дабы оставить его там под присмотром кузнеца Ромара. Мать Дерри, когда не бранила

своего единственного сына за то, что он растратил и без того скудные денежные средства на лошадь, от которой, возможно, не будет никакого толку, суетилась над ним немилосердно, пока не пришло наконец время отправляться в Ремут.

И потому, выехав в сопровождении матери, сестры с семьей и дяди Тревора, который должен был выступить в роли его поручителя, Дерри поначалу больше беспокойно размышлял о своих финансовых делах, нежели о возможной встрече с герцогом Дерини, Алариком Морганом. Сын Тревора, одиннадцатилетний Падриг, ехал с Дерри как паж и был очень возбужден тем, что впервые увидит столицу; в конце концов его энтузиазм отчасти поднял настроение и Дерри. Белоногий гнедой оказался спокойного нрава, имел ровный шаг и полностью оправдывал всю сумму, которую Дерри отдал за него и за покалеченного коня; в последнем письме от Ромара, пришедшем перед их отъездом, говорилось, что каштановый поправляется — и, может быть, материальные дела Дерри были совсем не так плохи, как казалось.

По прибытии в Ремут у Дерри также оказалось слишком много хлопот, чтобы думать о Моргане. Герцог ни разу не попался ему на глаза, пока Дерри и другие будущие рыцари готовились к церемонии, хотя, когда их спрашивали о поручителях, молодой сьер де Вали назвал имя Моргана. Дядя Тревор сопровождал Дерри на ритуальное омовение в ночь накануне посвящения и вручил своему подопечному одеяние черно-красно-белого цветов, после чего Дерри исповедался и приступил к всенощному бдению над своим оружием в базилике замка, но для подопечного Моргана обязанность эту выполнил кто-то другой.

И встретил Дерри Моргана только утром в день посвящения в рыцари, в большом зале, где тот спокойно ждал рядом с де Вали, чьим сюзереном являлся. Дерри увидел его лишь мельком, проходя мимо с Тревором и Падригом, но в памяти его мгновенно ожили все вопросы, что волновали его с момента встречи с этим человеком.

На взгляд Дерри, Морган совершенно не походил на могущественного и злого колдуна Дерини — на герцога он, правда, походил, но и то не очень, в сравнении с другими титулованными особами. На нем была корона, но она представляла собой простой золотой обруч вокруг лба. А его наряд...

Дерри и раньше слышал, что Морган предпочитает одеваться в черное — так он был одет и в Рилледе, но сегодня ожидал все-таки чего-то большего — даже роскошного, ведь посвящение в рыцари является торжественным событием для двора, а Морган

как-никак был поручителем сьера де Вали.

На герцоге же было одеяние из дорогого черного шелка, с высоким воротником, доходившее до самых каблуков с золотыми шпорами, простое и строгое, и строгость его лишь немного смягчала пущенная по воротнику, рукавам, подолу и вдоль разрезов кайма из золотого кружева, представлявшего собою переплетающиеся ветви с цветами. Белый рыцарский пояс тоже живо выделялся на черном фоне, но меч в черных ножнах совершенно терялся в складках длинного придворного одеяния, а его кожаная рукоять только угадывалась под левым рукавом. Больше оружия при Моргане как будто не было, но Дерри даже не позволил себе задуматься, какие еще средства защиты может иметь в своем распоряжении лорд Дерини. Вероятно, под придворным нарядом на Моргане была кольчуга, как и в Рилледе.

Когда Дерри вызвали и начался обряд посвящения в рыцари, о Моргане он и думать забыл. Сначала он, стоя на коленях, отвечал на ритуальные вопросы, затем дядя Тревор пристегивал ему меч и шпоры, и наконец он склонил голову перед королем Брионом. Клинок королевского освященного меча коснулся его плеч и головы, и Дерри вздрогнул, испытывая глубокое благоговение оттого, что находится наконец перед своим монархом, которого видел всего несколько раз в жизни, и то издалека. Вложив свои руки в руки короля, он произнес старинную клятву, обет верности, и это были первые слова, которыми он обменялся с Брионом Халдейном.

— Я, Шон Симус О'Флинн, граф Дерри, становлюсь вашим вассалом и отдаю вам душу и тело, и все, чем владею. Верой и правдой буду служить вам и защищать не на жизнь, а на смерть от любого врага, и да поможет мне Господь!

Он поцеловал руки королю, и тот поднял его с колен, и Дерри вспыхнул от гордости, слыша приветственные возгласы придворных, и королева Джехана подпоясала его белым кушаком, знаком рыцарского достоинства. А потом она поцеловала его в обе щеки, и он почтительно склонился над ее рукою, поклонился королю и восьмилетнему принцу Келсону, сидевшему по правую руку от отца, и присоединился к сияющему дяде Тревору, чтобы посмотреть, как посвящают других. Хоть он и был графом, но имел скромный достаток, и потому его посвятили одним из первых. Теперь он мог спокойно смотреть, как вышел, наконец, вперед герцог Аларик, дабы поручиться за сьера де Вали, имевшего всего лишь баронский титул.

Морган старался, как мог, не привлекать к себе внимание, пока его молодой вассал, стоя на коленях, испрашивал у короля милости, и сам встал на колени, опустив голову, чтобы

пристегнуть к каблукам де Вали золотые шпоры, но даже Дерри, довольно наивный еще юноша, почувствовал, как мгновенно возрос интерес придворных, когда началось именно это посвящение, — и направлен был этот интерес на поручителя. И меч, который передал Морган по знаку короля своему подопечному, тоже стал объектом пристального внимания, и вовсе не из-за своей богатой отделки, так что Дерри подумал даже, не ждут ли придворные, что оружие, переходя из рук в руки, неожиданно полыхнет огнем.

Меч не полыхнул. И Морган тоже. Герцог Дерини, как самый обыкновенный человек, скромно стоял на коленях рядом с де Вали, пока тот проходил посвящение, произносил свой обет и принимал из рук королевы белый кушак. А затем под приветственные крики придворных Морган исчез в толпе. И снова Дерри увидел его уже гораздо позже, после праздничного пира — герцог Дерини сидел в полном одиночестве в амбразуре окна в самом дальнем конце зала. Высокий воротник его черного одеяния был расстегнут у горла, корона лежала рядом с герцогом на подушечке, но золотые волосы его сами горели в солнечном свете короной. Морган подрезал стилетом ногти.

Дерри приостановился возле амбразуры, не решаясь его побеспокоить — и не понимая даже, что надо ему самому, — но Морган сразу заметил его и встал.

— А, молодой лорд Дерри, — сказал герцог, и стилет его исчез так быстро, что Дерри готов был принять это за магию. — Или мне следует говорить — сэр Шон, ибо вы уже стали рыцарем? — продолжал Морган, любезно кланяясь и протягивая Дерри обе руки. — В любом случае, примите мои горячие поздравления, сэр рыцарь. Вы вполне заслуживаете пожалованной вам сегодня чести.

Дерри вспыхнул и поклонился в ответ. Странно, подумал он, но, разговаривая с Дерини, он не чувствовал никакой особенной неловкости, лишь некоторую робость, ибо перед ним все-таки был герцог.

— Я не уверен в этом, ваша светлость, но тем не менее благодарю за добрые слова. Вы можете называть меня Дерри, если вам угодно, — осмелев добавил он. — Мне было всего девять лет, когда я стал графом, и со временем титул превратился почти что в имя.

— Да, бывает, — согласился Морган. — Я помню вашего отца. Вы ведь носите и его имя?

— Да, милорд. Его звали Симус Майкл О'Флинн. Я же — Шон Симус.

— Это я слышал, когда вы давали клятву, — Морган вскинул

голову и с неуверенной улыбкой продолжил: — В том походе, где ваш отец получил свои раны, я был королевским оруженосцем. И помню, как он храбро сражался. Позднее я узнал, что он умер от ран, и мне было очень жаль — и его, и вас. Мне тоже было всего девять лет, когда умер мой отец.

Дерри удивленно заморгал. Он и не думал, что Морган так много знает о нем.

— В таком случае... между нами есть что-то общее, ваша светлость... кроме любви к хорошим лошадям. Можно... можно ли мне присесть? — выпалил он.

Морган поднял тонкую светлую бровь и небрежно скрестил руки на груди.

— Вы не боитесь, что кто-нибудь случайно увидит вас со мной? Вы ведь знаете, кто я.

— Не боюсь, милорд.

Светлые серебряные глаза Моргана смерили его взглядом с головы до ног и обратно, но Дерри не дрогнул. И когда Морган отвернулся и сел, изящным жестом показав на вторую скамью в амбразуре, Дерри ощутил почти физическое облегчение.

— В таком случае присоединяйтесь, пожалуйста, — негромко сказал Морган, — и расскажите, как поживает жеребец, которого мы спасли от живодерни.

Не без некоторого трепета Дерри повиновался, вошел в амбразуру и опустился на скамью напротив герцога Дерини.

— Жеребец поживает неплохо, милорд, — сказал он. — Я так и думал, что вам это будет интересно; потому и искал вас. Я хотел также поблагодарить вас за то, что вы помогли мне купить его. Кузнец мой сделал специальную подкову, чтобы нога оставалась неподвижной, пока заживает рана, и, как я уже сказал, дело идет на лад — конь только стал беспокойным немного, поскольку уже неделю не выходит из стойла.

— И станет, конечно, еще беспокойнее, пока придет пора его выпустить, — заметил Морган. — Но все же это лучше, чем убивать животное. Мне в любом случае жаль. Я думал купить его для короля. Его величество вообще-то предпочитает серых, но этот красавец был вполне достоин моего господина.

Дерри кивнул, помня, как сам оценил этого жеребца.

— Да, ваша светлость. Но если он выздоровеет, может быть, король все же пожелает иметь от него приплод? Я надеюсь, что к весне он достаточно оправится.

Морган усмехнулся и комично поднял бровь.

— Рискну предположить, что короля весьма заинтересует такая перспектива, — сказал он. — Но вы должны мне обещать, что запросите цену, соответствующую толщине королевского

кошелька.

— Назначать цену королю? — разинул рот Дерри.

— Ну, если вы хотите прослыть подлинным знатоком лошадей, вы должны свои знания и опыт оценивать достойным образом, — ответил Морган. — Кроме того, вряд ли вы станете отрицать, что вашей казне не помешает дополнительный доход.

— Но король...

— Дерри, сделал ли король что-нибудь для того, чтобы вы стали владельцем этого жеребца?

— Нет, сэр.

— В таком случае все в порядке, — Морган лукаво усмехнулся. — С другой стороны, если бы услугами вашего жеребца захотел воспользоваться я, а не король, и мне понадобились бы некоторые, э-э-э, уступки...

Он выразительно пожал плечами, лицо его приняло простодушное выражение, явно противоречившее его обычному уверенному и проницательному виду, и Дерри вдруг сообразил, что Морган его проверяет.

— Думаю, я понял вас, ваша светлость, — сказал он осторожно. — Но не кажется ли вам, что ради сохранения своей репутации знатока я не должен сбавлять цены даже для знатока-коллеги?

Морган снова пожал плечами, более небрежно, но в серых глазах его вспыхнули веселые искорки, которые полностью искупили пережитое Дерри мгновение беспокойства.

— Хорошо сказано, мой юный друг, — кивнул Морган. — Мы еще научим вас заключать выгодные сделки. Между прочим, как показал себя белоногий гнедой? По всем статьям, если не считать этих выдающихся ног, он обещал многое.

Дерри улыбнулся, с легкостью принимая этот шутливый тон.

— Удачная покупка, сэр: отлично бегает под седлом. Надеюсь, потомство его не унаследует столь причудливую расцветку, а так — жаловаться мне не на что.

— Как и мне.

Морган вновь обратил взгляд светло-серых глаз прямо на Дерри, и юноша вдруг почувствовал себя объектом пристального изучения — и не только внешнего. Он даже затаил дыхание. Захоти он отвести взгляд — вряд ли ему это удалось бы, но он и не хотел. Вместо того чтобы испугаться, он чувствовал только все усиливавшееся любопытство. Морган молчал, и Дерри не выдержал наконец.

— Вы... читаете мои мысли, милорд? — прошептал он.

Морган улыбнулся и сморгнул, но неподвижного взгляда от него не оторвал.

— Нет. Вы хотите, чтобы я это сделал?

Дерри с трудом сглотнул и попытался отвести на мгновение взгляд, чтобы проверить, способен ли он на это, но в результате только слабо покачал головой.

— Почему? — мягко спросил Морган. — Вы боитесь?

— Нет.

— Это хорошо.

Тут Морган наконец медленно отвел взгляд, прервав контакт, и Дерри снова смог вздохнуть.

Он действительно не боялся. Он испытывал почтение к Моргану — как испытывал бы его ко всякому умному человеку, который к тому же герцог и друг короля, — и магия, по его мнению, была тут ни при чем. Может быть, Дерри был неопытен, но Морган казался ему человеком чести, хоть он и был Дерини, кого должны остерегаться и избегать все богобоязненные люди.

И все-таки Дерри мучило любопытство, пробовал ли Морган на нем свои силы, когда они встретились впервые. У него не было времени задуматься раньше, но сейчас ему казалось странным, что он заснул, когда мастер Рандольф зашивал его рану.

— А прежде вы читали мои мысли? — спросил он робко, когда Морган снова повернулся к нему.

Морган вопросительно вскинул голову.

— Когда?

— В Рилледе, пока ваш мастер Рандольф зашивал мою руку.

— А, — Морган коротко улыбнулся. — Нет. Я... ну... правда, я помог вам снять боль.

— *Помогли* — каким образом? — не отставал Дерри. — Вы использовали свою силу?

Морган на мгновение опустил глаза, затем снова встретился с Дерри взглядом, но взгляд этот больше не давил на юношу.

— Да. Зачем было заставлять вас мучиться, если я мог облегчить ваши страдания? Я надеялся... что вы ничего не заметите.

— Я и не заметил бы, если б мы не поговорили с вами сейчас, — ответил Дерри. — Почему священники утверждают, будто то, что вы делаете, является злом?

Морган сплел пальцы и вывернул руки ладонями наружу так, что хрустнули суставы, не желая, видимо, в этот момент смотреть на Дерри.

— По неведению, — сказал герцог, опустив руки на колени и глядя в окно. — Они находятся в плену давнишних предубеждений, давнишних обид, в чем виновны отдельные испорченные личности. О наших способностях церковь не всегда судила так.

Дерри задумался на мгновение, потом покачал головой.

— Что ж, для меня это все ничего не значит, ваша светлость. Не понимаю, почему люди не могут просто жить и давать жить другим.

— Если бы это было так просто.

— Да. Ну, ладно, — Дерри вздохнул и оглянулся на зал, думая, что пора ему, наверное, возвращаться к дяде, хотя уходить на самом деле не хотелось.

— Я не обижусь, если вы уйдете, — спокойно сказал Морган, снова изучая его своими невозможными серыми глазами. — О нет, я не читаю ваших мыслей. Простая логика подсказывает, что настало время подумать, не заметили ли еще вашего отсутствия и того, с кем вы беседуете.

— И логика права, — признался Дерри, смущенно пожимая плечами. — Вы часто это делаете?

— Что делаю?

— Догадываетесь, о чем думают люди, как смог бы любой смертный, а потом предоставляете им считать это магией?

Когда Морган удивленно вскинул брови, Дерри почувствовал, что идет по верному пути. И отбросив всякую осторожность, продолжил:

— Ведь вы так и *поступали*, ваша светлость? Я слышал и раньше, но пока сам не увидел сегодня вас, в этом черном одеянии, словно вы нарочно создаете вокруг себя этакую слегка зловещую атмосферу...

Морган внезапно разразился смехом. Он хлопнул себя рукой по колену и, покачав головой, весело и несколько удивленно посмотрел на Дерри.

— Вы, сэр, гораздо более понятливы, чем я думал. Может, мне и следовало прочесть ваши мысли... но, клянусь, все, что я делал с вами — это снял боль в тот раз и сегодня проверил, говорите ли вы правду, а это все равно что ничего. Где вы набрались такой мудрости?

Дерри изумился, не понимая, что он сказал такого, чтобы вызвать столь бурную реакцию.

— Милорд? — прошептал он.

— Ничего, ничего, — сказал Морган, все еще посмеиваясь, и махнул рукой. — Я вам, однако, скажу кое-что, Шон лорд Дерри, молодой рыцарь. Вы мне нравитесь. Честность, подобная вашей, редко встречается на свете, особенно по отношению к таким людям, как я, — и я имею в виду даже не свои необычные способности. Подозреваю, что теперь, когда вы стали рыцарем, вы обнаружите, что графы, как и герцоги, не всегда могут быть уверены в том, что люди поступают с ними честно.

— Ну, я-то весьма незначительный граф, ваша светлость, — слабо возразил Дерри.

— Тем вероятнее, что вы и есть тот человек, которого я ищу, — сказал Морган словно сам себе. — Скажите, не покажется ли вам интересным предложение поступить ко мне на службу в качестве моего оруженосца?

— Я... *ваш* оруженосец? — с трудом выговорил Дерри.

— Отлично, если я, конечно, не понял вас совершенно превратно, и вы *не хотите* работать на меня. Не сомневаюсь, вы умны достаточно, чтобы понять — должность оруженосца герцога, если этот герцог я, нельзя назвать особо престижной; но мне очень важно иметь рядом человека, которому я могу доверять. И на мой взгляд, вы — такой человек.

— Но вы меня совсем не знаете, ваша светлость.

Морган улыбнулся.

— Почему вы думаете, что я не проверил вас основательно до того, как мы завели этот разговор?

— Проверили? — очень тихо сказал Дерри.

— Проверил.

— Но... это же я подошел к вам! Как вы могли знать...

— Конечно же, *я не знал*, — ответил Морган. — Не знал, что вы ко мне подойдете. И уж точно не знал, что вы окажетесь так... понятливы... кажется, я употребил это слово?

— Да, сэр.

— Вот и хорошо. Вас привлекает мое предложение? Я сейчас не спрашиваю, согласны вы или нет, — но угодно ли вам поразмыслить над ним? Прибыли мало, работы много; но, полагаю, во мне вы найдете справедливого и честного господина. И скучно вам никогда не будет.

В этом Дерри был уверен — а еще был уверен, без всяких размышлений, что хочет получить эту должность. Подняв голову, он устремил открытый взгляд прямо в притягательные серебряные глаза Моргана, застенчиво улыбнулся и протянул герцогу Дерини правую руку.

— Вот вам мой ответ и моя рука, милорд, — сказал он тихо. — Мне незачем долго думать. Если вы берете меня — я ваш слуга.

Усмехнувшись, Морган пожал ему руку и задержал ее в своей.

— Вы уверены? Я довольно требователен, знаете ли. И не могу обещать, что буду всегда в состоянии объяснить вам свои требования; обещаю лишь, что действовать буду только честно, и во имя Света, а не во имя Тьмы.

— Чего еще может желать человек, милорд? — выдохнул Дерри.

— Как вы относитесь к церкви? — спросил Морган, выпуская

его руку. — Священники меня не любят, как вам известно. Потому меня и не было в базилике нынче ночью, хотя молодой Арно очень хотел видеть меня там. К счастью, у меня снисходительный епископ и весьма уступчивый духовник, и при дворе за мной приглядывает капеллан короля, но среди священнослужителей многие не остановились бы ни перед чем, дай им только повод отлучить меня от церкви. Хорошо, например, что здесь сегодня нет нового Валоретского епископа. Эдмонд Лорис меня совсем не любит. Он мог бы проклясть и вас заодно.

Дерри пожал плечами.

— Сдается мне, я бы оказался в неплохой компании, милорд.

— С чьей точки зрения посмотреть, — проворчал Морган. — Положительная же сторона в том, что вы обретете защиту короля для себя и своей семьи — после моей защиты, конечно. Пожалуй, можно смело сказать, что его величество доброжелательно посмотрит на графство Дерри и его вассалов.

— В таком случае, чего я должен бояться, милорд?

Морган счастливо вздохнул.

— Да ничего, я полагаю. Господи, я и не мечтал, что так легко уговорю вас. Пока вы не передумали — пойдем, попросим королевского благословения? Наша взаимная клятва должен быть засвидетельствована.

— Королем? — охнул Дерри, вытаращив глаза.

— Ну, разумеется, королем! — проворчал Морган, вскакивая, хватая свою корону и подталкивая Дерри к выходу из амбразуры. — Подержите-ка это. Клянусь всеми святыми, вы больше трепещете перед ним, чем передо мной!

— Но ведь он — *король*, милорд! — прошептал Дерри. Корона Моргана словно обожгла ему руки. — До сегодняшнего дня я и видел-то его всего несколько раз... и никогда мы с ним не разговаривали.

Морган только покачал головой и, усмехнувшись, повел Дерри через зал к тронному помосту. Точно так же, как во время посвящения в рыцари сьера де Вали, герцог Дерини не делал ничего, чтобы привлечь внимание к себе или к своему спутнику, но достаточно было и одного его присутствия. Дерри отлично сознавал, что на них все смотрят и умолкают, когда они проходят мимо. Он ощутил... не то чтобы открытую враждебность придворных к Моргану, ибо никто не осмелился бы выказать ее по отношению к другу короля и в присутствии короля, скорее, то была боязливая настороженность, и на него, Дерри, сейчас смотрели так же, как на Моргана. Все видели, что он несет корону Моргана, и, проходя мимо дяди Тревора, беседовавшего с кем-то из баронов-соседей, Дерри нарочно отвернулся — но краем глаза

заметил все-таки потрясенное выражение дядиного лица.

Пока они добирались до тронного помоста, где Брион, возле ног которого примостился маленький принц Келсон, сидел с каким-то молодым священником, слушая игру на лютне королевы Джеханы, Дерри почти забыл о своем трепете перед королем — но затрепетал с новой силой, когда они с Морганом остановились у подножия помоста и поклонились в знак приветствия. Брион на время пира снял корону и положил ее рядом, но и без нее никто не усомнился бы в том, что перед ним властитель Гвиннеда.

— Ну, Аларик, как погляжу, ты продолжил знакомство с одним из наших новых рыцарей, — запросто сказал король, отставив кубок с элем. — С сэром Шоном О'Флинн, графом Дерри, не так ли?

Дерри снова поклонился, и король усмехнулся.

— Бьюсь об заклад, вы думали, что я не отличил вас от всех остальных рыцарей, которых посвятил сегодня, и не запомнил?

Дерри замялся, не зная, как ответить на поддразнивание короля.

— Сир, перед вами он онемел, — улыбаясь, пришел ему на выручку Морган. — Отметьте себе на будущее, что со своими молодыми рыцарями вы должны разговаривать почаще, не только во время принесения клятвы верности. Вот меня он, кажется, не боится.

— О, неужто не боитесь, молодой Дерри? — сказал король, обращая на Дерри притворно серьезный взгляд серых халдейнских глаз. — И зачем же явились ко мне мой герцог Дерини и мой новый рыцарь, с какой-такой каверзой?

— Никакой каверзы, сир, — набравшись храбрости Бог знает откуда, выпалил наконец Дерри. — Его светлость желает... — он посмотрел на Моргана в поисках поддержки, и тот кивнул. — Его светлость желает, чтобы я поступил к нему на службу, сир. И я прошу одобрения вашего величества и прошу засвидетельствовать нашу клятву, ибо принимаю его предложение от всего сердца.

Брион кивнул с легкой улыбкой, почти незаметной в его коротко подстриженной черной бороде, а королева Джехана с холодным спокойствием отложила лютню и встала.

— Извините, милорд, — пробормотала она. — Я вспомнила об одном важном деле. Доброго дня вам, отец Арилан.

Келсон, когда мать ушла, тревожно посмотрел на отца, но Бриона поведение его королевы как будто вовсе не удивило. Как и священника.

— Вы должны простить королеву, молодой Дерри, — мягко сказал Арилан. — Боюсь, ее величество не разделяет привязанности господина нашего короля к герцогу Дерини.

— Погодите, Денис, — вмешался король. — У мальчика может сложиться неверное впечатление...

— Пусть знает, с чем ему придется столкнуться, сир, если он собирается служить Дерини, — сказал священник. — Такой терпимостью, как вы, ваше величество, отличаются немногие.

Брион фыркнул, опустил руку на плечо сына, затем поглядел на Моргана, выражение лица которого ни разу не изменилось за это время.

— Что-то мне, Аларик, не кажется, что все мои молодые рыцари такие уж немые, как ты меня убеждаешь, — сказал он беспечно. — Вот Дерри разговаривает очень даже бойко. Знал бы я раньше, что он столь храбр, так взял бы его к себе на службу.

— О, но ведь это все равно что вы берете его на службу, сир, — заметил Морган, — поскольку, служа мне, он служит вам.

Брион усмехнулся и покачал головой, признавая поражение.

— Ладно уж! Меня не проведешь. Денис, не подадите мне корону?

Морган надел свою корону, когда священник встал, чтобы выполнить просьбу, и они вместе с Дерри преклонили колени, а Брион посмотрел на Дерри заговорщически.

— Сблизившись с Морганом, вы захотите сойтись поближе и с отцом Ариланом, — сказал Брион, когда священник передал ему корону и снова сел. — Он — один из немногих священников, кто не читает проповедей, почему не следует общаться с Дерини. Он духовник мой и принца Келсона, и я его весьма рекомендую.

Дерри метнул на Арилана быстрый взгляд, но священник только пожал плечами и, улыбнувшись, показал глазами на корону, которую Брион уже протягивал им, дабы они обменялись клятвами. Морган возложил на нее правую руку, и Дерри быстро последовал его примеру и с благоговением коснулся короны Гвиннеда.

— Шон Симус О'Флинн, лорд Дерри, — сказал Брион, — клянешься ли ты передо мной, как свидетелем, и перед Богом, что будешь верно служить Аларику Энтони Моргану, герцогу Корвинскому, во всех делах, что не затронут долга твоего перед королем и чести нашего королевства, и да поможет тебе Господь?

— Я торжественно клянусь в этом, мой господин, и да поможет мне Господь! — пылко отвечал Дерри.

Брион перевел взгляд на улыбавшегося Моргана.

— А ты, Аларик Энтони Морган, герцог Корвинский, клянешься ли передо мной, как свидетелем, и перед Богом, что будешь честным и справедливым господином этому рыцарю, Шону Симусу О'Флинну, графу Дерри, во всех делах, что не затронут долга твоего перед королем и чести нашего королевства,

и да поможет тебе Господь?

— Честью своей и всеми силами, которыми владею, клянусь в этом, мой лорд и мой король, и да поможет мне Бог, — сказал Морган твердо. — И если я нарушу эту клятву, пусть в час нужды силы мои оставят меня. Да будет так.

Брион улыбнулся и передал корону Арилану.

— Что ж, да будет так, — повторил он. — Желаю вам обоим поладить, — добавил он и жестом велел им подняться. — Теперь скажи мне, Аларик, ты разговаривал с Нигелем о тех лучниках? О чем он *думал*, когда позволил им пользоваться бремагнийскими луками? Правда, ты не должен был позволить, чтобы Джехана слышала, как плохо я отзываюсь о ее родине. Хотя все знают, что самые лучшие лучники — р'кассанцы! Дерри, вы не поищете лорда Родри? Денис вам поможет. Он должен быть где-то в зале. Я не понимаю, что случилось с музыкантами, которых он обещал к сегодняшнему вечеру.

— Я с вами, — принц Келсон вскочил на ноги, когда Арилан поднялся, чтобы пойти с Дерри.

Так, в сопровождении принца и священника, начал Шон лорд Дерри свое служение Короне Гвиннеда и Аларику Моргану.

Суд

Весна 1118 г.

Из всего, что я написала о Дерини, рассказ «Суд» был одной из самых трудных для меня работ. Он родился не в ответ на вопрос, которым задались я или мои персонажи о Дерини; он появился на свет в результате сведения в единое целое отдельных заданных мне элементов. Поясняю.

Зимой 1984-го года я вступила в небольшое, вновь созданное объединение писателей-фантастов на западе Соединенных Штатов. Как порой случается, мы не рассчитали своих расходов и оказались в финансовом затруднении. И, чтобы раздобыть денег, наш комитет попросил всех участников объединения пожертвовать что-нибудь для распродажи на аукционе: экземпляр своей книги с автографом, например, или рукопись, или использованную автором шариковую ручку — все, что могло бы привлечь поклонников, желавших помочь деньгами нашему достойному начинанию. Я, поразмыслив, предложила со своей стороны следующее: я напишу сценку в одну страничку, в которой будут участвовать удачливый покупатель и выбранный им персонаж Дерини, на тему, которую также выберет покупатель.

Я не представляла до тех пор, какой популярностью пользуется мир Дерини; и никто не представлял. Моя сценка была заявлена последней, и поклонники словно с цепи сорвались. Когда цена дошла до трехзначной цифры и люди стали объединяться, складывая свои ресурсы, я увеличила объем до двух страниц, на случай, если выиграют двое или больше, и на выбор предоставила двух персонажей Дерини. Теперь я уже и не вспомню в точности, какой была окончательная цена — она равнялась примерно весьма приличному гонорару за средней длины рассказ, напечатанный в журнале волшебной или научной фантастики, но самое забавное было то, что два джентльмена, которые ее купили, не читали ни одной книги о Дерини! Один из них, нервный молодой человек со светлыми усами и с мистически многозначным именем Сталкер, захотел стать в сценке королевским лесничим и, выбирая партнера Дерини, отдал предпочтение прелестной леди, желательно менестрелю. Второй покупатель, по имени Феррис, оказался кузнецом, мастером по мечам, членом множества организаций, продающих оружие и доспехи, участником SCA (Society for Creative Anachronism) и любителем древней Скандинавии. Он хотел, чтобы в сценке были отражены его профессия и увлечения. Но оба они согласились предоставить на мое усмотрение выбор сюжета и персонажей Дерини.

Я взяла их адреса, сделала для себя описание внешности и пообещала прислать сценку, как только она будет готова. Думала я долго, не один месяц, — пока внезапно не сложился сюжет.

Я не собиралась делать из сценки целый рассказ, но увлеклась. (Начиная писать, я даже думала на самом деле, что смогу использовать ее как мой вклад в антологию для Андре Нортон — но сюжет вскоре стал развиваться неподходящим для этого образом.) Прежде всего выяснилось, что Феррис был кузнецом из Айстенфаллы, северной окраины Торента, и приехал он в город Килтуин в Корвинских владениях Моргана торговать оружием. Килтуин, расположенный в низовьях реки Фатан на Корвинском берегу, — портовый город под управлением Ральфа Толливера, епископа Моргана; и Толливер правит твердой рукой — в Килтуине царят закон и порядок.

Но Феррис — чужой в этом городе, он плохо говорит на здешнем языке; в результате его обвиняют...

Но — прочтете рассказ и узнаете, что с ним случилось. Сталкер, увы, остался без своей девушки-менестреля Дерини, но королевским лесничим он стал; Феррис же получил гораздо больше, чем рассчитывал.

В сознание Ферриса привела боль — в правое ухо ему словно воткнули раскаленную иглу, а потом ударили несколько раз по ребрам, и что-то твердое, липкое и горячее прошлось по пальцам его правой руки.

— Иисусе, да из нее кровь хлещет, ровно свинью зарезали! — проворчал кто-то. — Смотри, как бы он до тебя ножом не дотянулся!

— Уже *не дотянется*! — ответил другой голос, и вслед за этими словами последовал еще один удар по ребрам. — Не уйдет, ублюдок!

Затем послышались еще голоса — грубые, настойчивые, обсуждавшие что-то на языке, который Феррис и в ясном-то сознании понимал с трудом; но намерения говоривших были понятны и без слов. Только инстинкт самосохранения заставил его предпринять попытку вырваться от своих мучителей, но, нанеся наугад удар ножом, он ни в кого не попал. Тогда двое из них прижали ему руки, еще двое принялись избивать кулаками и ногами. Он едва не потерял сознание снова, когда один особенно сильный удар пришелся в солнечное сплетение, и скорчился от боли.

О, Всеотец, где же он? И почему эти люди пытаются его убить? Последнее, что он помнил, это как вышел из таверны «Зеленый рыцарь», где отмечал удачную торговлю и изрядно

набрался. Ведь он продал все, даже свой собственный меч.

Выйдя, он услышал крик, шум драки, потом топот бегущих ног и...

— Эй, все сюда! Что тут происходит? — раздался новый голос, явно принадлежавший представителю власти, по мостовой зазвенели подкованные сапоги, вспыхнул свет фонаря, и мучители Ферриса, прекратив избиение, в страхе попятились.

— Проклятье, стража! — буркнул один из них.

— Отнимите у него нож! — сказал другой, и кто-то вырвал из онемевших пальцев Ферриса оружие. — Эй, стража! Заберите этого человека! Он убил девушку!

Ферриса подхватили, вздернули на ноги, и лишь тогда он увидел распростертое рядом на мостовой девичье тело — вокруг по булыжнику расползалось темное пятно, оказавшееся в свете фонаря ярко-алым. Кровь пропитала все тонкое льняное платье девушки и все еще лилась из ужасных ран на груди и на горле.

— Держите его крепче, чтоб не удрал!

Но он и не пытался бежать. Он и на ногах-то еле мог устоять после таких побоев. Бегло оглядев себя, Феррис обнаружил, что его одежда тоже в крови, и похоже было, что кровь эта — не его собственная. Ею были забрызганы вся его куртка из буйволовой кожи и, как чувствовал Феррис, лицо и руки, поскольку кровь уже запеклась в волосках рук и в бороде.

— Послушайте, я ничего не делал! — с трудом выговорил он, когда командир стражи с фонарем подошел ближе, на ходу отдавая приказания своим подчиненным. Но стражник тут же бросился обратно, пытаясь помешать еще одному человеку, пришедшему с ними, увидеть тело.

— О Господи, это же Лиллас!

— Не смотри на нее.

— Он убил ее! Этот подонок ее убил!

— Я ее даже *не видел* никогда!

— Тихо, ты!

Феррис получил удар коленом, в пах и скорчился от боли, но молчать не мог, ибо ему необходимо было оправдаться.

— Это не я! Клянусь всеми богами! — крикнул он. — Эти люди напали на меня. Я никого не убивал!

— Всеми богами клянешься, вот как? — тот, кто держал Ферриса, выкрутил ему и без того болевшую руку и заставил опуститься на колени. — Этот ублюдок еще и язычник! — он ударил Ферриса по лицу. — Черта с два он ее не убивал!

— Да, тут уж не ошибешься! — вступил другой. — Всю как есть изрезал. Господи, вы только *посмотрите*, сколько крови!

Мужчина, пришедший со стражей, не слушал ничего,

вырываясь из рук сержанта, чтобы взглянуть на тело девушки; но когда он увидел ее наконец, то застыл на мгновение, а потом повернулся к Феррису, и мучительное недоверие и потрясение на его лице сменились холодной ненавистью.

— Сталкер, не надо! — предостерегающе сказал сержант с фонарем, хватая его за рукав. — Не делай глупостей!

Тот, кого назвали Сталкером, стряхнул его руку и выпрямился, глядя на Ферриса так, словно желая испепелить его взглядом, и лицо его в свете фонаря казалось совершенно белым. Он был одет не в мундир городской стражи, красно-коричневый с золотом, а в кожаный камзол, высокие сапоги до бедер и зеленую охотничью шляпу с пером белой цапли — форму королевского лесничего. Лет ему было примерно, как Феррису, не более тридцати, — но лицо его отличалось какой-то не имеющей возраста, почти андрогинной красотой, присущей статуям Древних, которые Феррис видел однажды в храме Айстенфаллы. На какое-то мгновение ему показалось, что человек по имени Сталкер и есть один из Древних — и Феррис испугался до глубины души, хотя знал, что ни в чем не виноват.

— Сомнений нет, лесничий, — воспользовавшись возникшей паузой, сказал один из тех, что держали Ферриса. — Мы захватили его с ножом в руке.

— Верно, — добавил другой. — Когда мы прибежали, она уже вот так и лежала. Мы ничего не могли сделать.

Они говорили слишком быстро, и Феррис почти ничего не понимал из их речи, но ему и не нужно было понимать каждое слово, чтобы знать, какая опасность ему грозит. Несколько раз он попытался заявить о своей невиновности, но пока подбирал слова, говорить что-либо становилось уже поздно — к тому же голова у него отчаянно кружилась от выпитого и от побоев.

Ловко подстроено: в преступлении местных жителей обвинить чужого в городе человека. Особенно когда чужак этот к тому же из другой страны, плохо знает язык и, будучи пойман практически на месте преступления, почти наверняка не сумеет оправдаться.

— Ладно, думаю, нечего нам тут больше торчать, — сказал наконец командир стражи, подходя к лесничему. — И без того все ясно.

— Да, сэр, — вступил в разговор другой стражник.

— Вот и еще яблочко созрело для деревянной яблоньки, верно, ребята?

Они засмеялись; а Феррис онемел, поскольку эти слова понял прекрасно. Он видел за городскими воротами Гниющие на виселицах тела. На мгновение ему показалось даже, что они

собираются тут же и повесить его, без всякого суда.

Да и поможет ли суд? Килтуином правил Корвинский епископ, который отправлял в его пределах как Высокое, так и Низкое правосудие, — к Высокому же правосудию в этом буйном портовом городе, почти на границе с вражеским Торентом, наверняка обращались часто. Высокое правосудие означало право присуждения смертной казни, и в списке преступлений, караемых смертью, убийство стояло на втором месте после государственной измены.

Ферриса же могли обвинить не только в убийстве. Епископ Ральф Толливер был, по слухам, справедливым и честным судьей, но ведь он — христианский епископ; а Феррис, относясь с почтением к религии, принятой в Гвиннеде, исповедовал другую веру. Какую же — как раз и может выясниться во время суда, который будет вершить такой человек, как Толливер.

Не так давно даже в собственном отечестве Ферриса люди, следовавшие по пути Всеотца, подвергались столь же жестоким преследованиям, как маги Дерини, которых, как он слыхал, ждет после смерти христианский вариант Семи Преисподних — а их Феррис боялся. Он слышал также, что Корвинский герцог, мирской господин Толливера — наполовину Дерини, но правда ли это, не знал. Сам он никогда с Дерини не сталкивался.

— Уведите его, сержант, пока я не сделал ничего такого, о чем потом пожалею, — сказал наконец лесничий, отводя глаза от Ферриса и неподвижного тела на мостовой, и сдержанные слова эти явно дались ему с великим трудом. — Только епископ может решить, какой плод созрел для виселицы. Его преосвященство следит за тем, чтобы правосудие соблюдалось.

Сержант облегченно вздохнул и подозвал своих подчиненных.

— Вот и хорошо. Свяжите-ка его покрепче, ребята. Он, похоже, буян еще тот. Эй, как тебя звать? — спросил он, пока стражники связывали Феррису руки за спиной.

Это Феррис понял хорошо. В первый раз они удосужились о чем-то его спросить. Если бы еще удалось заставить их выслушать ответ!

— Меня зовут Феррис, — он вздрогнул, почувствовав, как туго стянул ремень запястья и как второй захлестнул петлей шею наподобие поводка. — Я кую мечи. Я не убивал девушку.

— Конечно, не убивал, — сказал сержант. — Все вы так говорите. Ведите, ребята. Утром епископ будет его судить.

* * *

К удивлению Ферриса, его больше не били. Темница в подвале епископского дома оказалась довольно чистой, и завтрашнего суда ожидало в ней лишь несколько других бедолаг, так что Феррису досталась отдельная камера — правда, возможности смыть с себя кровь девушки, которую он не убивал, ему не дали.

Остаток ночи он провел, мучаясь от боли в помятых ребрах и в голове — голова болела страшно из-за похмелья и здоровенной шишки под ухом. Боль мешала думать здраво, и, лежа на соломе, он чувствовал только, как чешутся руки — хотя бы один клинок ему сюда из того множества, что он выковал за свою жизнь, чтобы сразиться за свободу или хотя бы умереть достойно, от своей руки, а не от руки палача. Ибо слишком мало надежды, что его слово будет хоть что-то значить против слова четырех разбойников, которые его обвиняют. Очень может быть, что они сами и убили девушку и переложили вину на него, воспользовавшись его уязвимым положением — чужой в городе, к тому же пьяный. О Боги, надежды не было вовсе!

Дальше дела пошли еще хуже. Стражники, явившиеся за ним вскоре после рассвета, знали свое дело, и даже пытаться бежать у него не было ни малейшей возможности. Ему сковали руки впереди — оковы были тонкой работы, какой он сам гордился бы, и запирались на ключ, освободиться от них было невозможно. Потом через отведенные назад локти ему пропустили на уровне пояса прочный деревянный брусок.

К оковам он был готов, но никак не ожидал кляпа, который ему вставили меж зубов чуть ли не в горло и привязали к голове кожаным ремнем. Он ощутил непроизвольный позыв к рвоте, пока закрепляли кляп, и обнаружил, что при попытке заговорить начинает давиться. Феррис с трудом перевел дух.

— Будешь молчать, так ничего страшного, — сказал один из стражников, заметив потрясенное выражение его лица. Стражник был другой, не из тех, кто забирал его ночью. — Тебе дадут возможность высказаться. Свидетели говорят, ты несдержан на язык. А его преосвященство не любит, когда его перебивают.

Перебьешь их, как же, горько думал Феррис, пока его вели, придерживая за концы бруска, вверх по каменной лестнице в дом епископа. Попроси они, и он дал бы слово молчать, но разве им есть до этого дело? Для всех его вина уже доказана. Осталось только получить подтверждение со стороны епископа. И когда его повели через зал к возвышению, где стояло кресло епископа Толливера, Феррис впился глазами в человека, который держал в своих руках его жизнь и смерть.

Епископ выглядел моложе, чем ожидал Феррис, лет на сорок,

и был крепок и совсем не похож на разжиревшего священника. В темно-русой его шевелюре с тонзурой почти не было седины, чисто выбритое лицо покрывал здоровый загар, как у человека, который проводит много времени на свежем воздухе. И талия его вряд ли прибавила хоть несколько пальцев в ширину со времен юности.

Из-под пурпурной сутаны выглядывали глянцевые сапоги со шпорами, с плеч ниспадала пурпурная мантия, символ должности, в которой он походил на принца. Рукой, украшенной епископским аметистом, он подал знак чиновнику перечитать протокол только что закончившегося разбирательства, и, увидев его быстрый и изящный жест, Феррис подумал, что рука эта, должно быть, с одинаковой легкостью владеет и распятием, и мечом.

Короткий взгляд, который бросил Толливер на Ферриса, был суровым, оценивающим взглядом воина, и кузнец представил его на мгновение с одним из своих лучших клинков в руках — но тут глаза епископа обратились к четверым хорошо одетым мужчинам, сидевшим напротив скамьи подсудимых. И Феррис вздрогнул так, что едва не подавился кляпом, ибо понял, что это его обвинители — люди, несомненно, состоятельные и занимающие в городе высокое положение!

Он был так потрясен этим открытием, которое сводило на нет все надежды, что почти не обращал внимание на то, что происходило далее. У него еще хватило самообладания, чтобы поклониться, когда стражники, салютуя, остановились перед епископом — и этот поступок удивил многих в зале, в том числе и лесничего, который сидел справа от епископа среди судейских чиновников, — но, садясь на скамью подсудимых, Феррис испытал такое унижение, какого надеялся никогда не пережить в своей жизни. Пусть они его хоть дьяволом чужеземным считают, но, боги, он ведь честный человек!

Стражники встали рядом и взялись за концы пропущенного под локтями бруска, словно боялись, что он попытается удрать. Между скамьей подсудимых и епископом сидели три стражника из ночного дозора. В зале находились и другие люди, но имели ли они какое-то отношение к суду или были просто любопытными зрителями, Феррис не знал. В дальнем конце зала на задрапированном черной тканью катафалке стоял гроб под черным же покрывалом. Лиллис... кажется, лесничий так ее назвал.

Феррис пытался слушать, что говорят обвинители, но, плохо зная язык и пребывая в полном расстройстве чувств, смутно понимал только, что они упорно свидетельствуют против него —

и что убедительность этого свидетельства усугубляется их высоким общественным положением. Они же по очереди добавляли все новые подробности, превращая его в настоящего злодея.

В деле случился неожиданный поворот, когда выступила с показаниями одна из двух монахинь в черных одеяниях, которые готовили к погребению тело девушки. Из ее тихой, застенчивой речи Феррис понял только, что девушка была родом из хорошей семьи, обучалась в монастыре и была обручена с тем самым королевским лесничим, что сидел в зале, — насколько мог судить Феррис, все это было весьма похвально, но едва ли имело отношение к тому, убил он ее или нет.

Однако при дальнейших расспросах отношение это скоро выяснилось. Ибо монахиня внезапно расплакалась и бессвязно, но пылко пробормотала что-то, из чего Феррис понял лишь одно слово: «изнасилование».

— Я убью его! — вскричал лесничий, бросаясь через зал к Феррису, а четыре обвинителя вскочили и разразились ругательствами.

Феррис не мог поверить тому, что услышал, пока лесничий не вцепился ему в горло. Когда стражники сумели наконец разжать руки, душившие его, и оттащили ругавшегося и плачущего лесничего, у кузнеца уже потемнело в глазах. Затем стражники, ухватясь за брус под локтями, подняли Ферриса на ноги и поправили кляп, чтобы он мог отдышаться, но самому ему было уже все равно, может ли он дышать. Новое обвинение было еще оскорбительнее первого — и окончательно лишало его надежды на оправдание.

Но не успел епископ сделать выговор нарушителям спокойствия, а судейские — навести порядок в зале, когда на пороге появились вдруг два новых человека, и все присутствовавшие мгновенно умолкли, и суета прекратилась. Вновь прибывшие двинулись вперед, и люди по обе стороны центрального прохода встали, приветствуя их, — женщины неловко и застенчиво приседали, мужчины подносили руку ко лбу.

Феррису, конечно, никто не потрудился сказать, кто это такие. Один, в ярко-синем плаще, был, вероятно, оруженосец — юноша не старше девятнадцати, гибкий и ловкий, со свежим лицом, веселыми голубыми глазами и гривой непокорных русых кудрей. А второй...

Судебное разбирательство приостановилось явно из-за *него*, хотя он был ненамного старше своего оруженосца. И по одежде его невозможно было догадаться о причинах столь почтительного

отношения. Запыленный дорожный костюм из черной кожи ничего не говорил ни о титуле, ни о должности незнакомца, чье появление так всех взволновало, и меч на его поясе, насколько мог разглядеть Феррис со скамьи подсудимых, был довольно обыкновенным, хотя человек этот, несомненно, привык всегда иметь оружие под рукой.

Да и физически он не казался особенно мощным или грозным, правда, в нем чувствовалась некая сила, которая могла проистекать от сознания своей власти. Немного выше среднего роста, он был худощав и изящен, как всякий, кто часто занимается физическими упражнениями — фехтованием, например, — но в чертах его лица не было заметно той жесткости, что присуща обычно наемникам и профессиональным воинам. Напротив, черты его говорили о знатном происхождении: у него были красивое, гладко выбритое лицо, серые глаза, твердая челюсть и шапка коротко подстриженных золотистых волос, прямых и тонких.

Так что же заставляло людей приветствовать его столь уважительно и даже боязливо, как подметил Феррис? Вряд ли просто властные повадки или даже высокий ранг. Сам епископ встал, когда этот человек подошел к возвышению и начал подниматься по ступеням, в то время как спутник его сначала остановился и поклонился священнику. Священник же поклонился гостю и лишь потом подставил ему для поцелуя свой перстень.

— Добро пожаловать, ваша светлость, — сказал он, жестом веля одному из судейских принести еще стул. — Какими судьбами вы оказались в Килтуине? Я думал, вы в Ремуте.

Незнакомец вручил епископу пергаментный сверток и коротко оглянулся на зал.

— Я и был там. Но дела призвали меня в Корот, и его величество попросил по дороге доставить вам эти документы. Вы меня удивили, Ральф. И часто во время суда у вас творятся такие безобразия?

Толливер только скорчил гримасу и улыбнулся, затем быстро просмотрел документы и передал их чиновнику, который принес и поставил справа от него еще один стул.

— Сейчас вы все поймете. Дело достаточно возмутительное. Не хотите ли присутствовать при разбирательстве?

— Пожалуй. Но только как зритель, — гость отклонил предложение Толливера занять его место и опустился на принесенный стул, сложив на коленях руки в кожаных перчатках, сжимавшие хлыст для верховой езды. — Что сделал этот человек?

Когда он обратил свой взгляд на Ферриса, стоявшего в

оцепенении возле скамьи подсудимых, тому показалось на мгновение, что человек этот заглянул ему в самую душу. Он не мог пошевельнуться, пока серые глаза изучали его, и только после того, как незнакомец повернулся к епископу, дабы услышать изложение сути дела, Феррис умоляюще посмотрел на ближнего из своих охранников.

— Это герцог, — пробормотал тот, поняв, что интересует пленника. — Вот теперь ты точно пропал.

И Феррис, посмотрев на человека в черном, испытал еще больший страх, чем прежде, — ибо если Корвинский епископ считался неумолимым судьей, то герцог Корвинский был, по слухам, неумолим вдвойне. К тому же Аларик Морган, герцог Корвинский, был Дерини и знался с такими страшными силами, что и не снились простым смертным!

— Понятно, — тихо сказал епископу Морган. — А кляп зачем?

Толливер пожал плечами.

— Свидетели говорят, что он буйный и не дал бы никому слова сказать, — ответил он, показывая на сидевших в переднем ряду четырех обвинителей, которые с момента появления Моргана выглядели уже не такими уверенными в себе. — Это обычная предосторожность, кляп вынут, когда дадут ему слово.

— Хм. А мне показалось, что буянил тут скорее лесничий, а не подсудимый, — шутливо ответил Морган, кивнув в сторону смущенного Сталкера, уже сидевшего на своем месте.

— Да. Но убитая девушка была его невестой, ваша светлость, — сказал Толливер. — И как раз перед вашим приходом сестра, которая готовила тело к погребению, показала, что девушку изнасиловали, прежде чем убить.

— А...

Лицо Моргана окаменело, и, когда презрительный взгляд герцога снова упал на Ферриса, тот невольно вжался в спинку скамьи — хотя и не был повинен ни в одном из этих преступлений.

Но какое дело им всем до его невиновности? Даже если ему дадут возможность высказаться, все равно никто не поверит. Они поверят тем, кто его обвиняет. И тут он с изумлением услышал, как Морган задает епископу следующий вопрос:

— А его вы уже выслушали?

— Нет, ваша светлость. Мы успели только выслушать показания очевидцев.

— Очень хорошо, — Морган махнул рукой стражникам Ферриса. — Снимите с него эту уздечку и подведите сюда.

— А как же... скамья подсудимых? — ошарашенно спросил

кто-то из судейских, когда стражники приступили к исполнению приказа.

— Ну, коли хотите, несите его вместе со скамьей, — ответил Морган, дернув уголком рта. — По мне, так хоть руки ему развяжите — неужели я с ним не справлюсь?

Ферриса эти слова невольно позабавили, несмотря на скрытую в них угрозу. Он подумал даже, что при других обстоятельствах этот человек мог бы ему понравиться... да и нельзя винить Моргана за то, что он враждебно относится к злодею, повинному в стольких преступлениях. Возможно ли, что дело будет в конце концов рассмотрено по справедливости? О епископе и Моргане говорили, что они справедливые и неподкупные люди, но останутся ли они такими, когда дело касается чужака?

Кляп у него вынули, и Феррис подвигал челюстью, привыкая к свободе от мундштука и ремней, и постарался не показать своего страха, когда стражники подвели его к судейскому возвышению. Они не успели еще поставить его на колени, как он сам преклонил их возле нижней из ведущих на помост ступеней и низко, почтительно поклонился Моргану и епископу.

— Позвольте мне сказать, благородные господа, — взмолился он. — Я... плохо знаю ваш язык... но я невиновен. Я клянусь вам в этом!

Епископ, не ожидая ничего другого, только терпеливо вздохнул, но Морган прищурил глаза и задумчиво посмотрел на Ферриса.

— Это не твой родной язык? — спросил он.

Феррис покачал головой.

— Нет, господин. Я приехал из Айстенфаллы. Я кую мечи. Я... понимаю достаточно, чтобы торговать оружием, только... только если говорят медленно.

Епископ заерзал на стуле, собираясь что-то сказать, но Морган отмахнулся от него.

— Понятно. Что ж, вряд ли тут кто-нибудь говорит на твоем языке, так что попробуем как-то объясниться. Ты понимаешь, почему ты здесь?

Феррис кивнул, удивляясь тому, что герцог, кажется, желал его выслушать, и испытывая к нему благодарность за это.

— Они говорят, будто бы я убил женщину, господин...

— И изнасиловал ее, — вставил епископ.

— Нет, господин!

— Они только *так* говорят? — спросил Морган.

— Да. Но я не делал этого, господин!

— Святые сестры говорят иное, Аларик, — раздраженно

заметил епископ, — и схвачен он был с окровавленным кинжалом в руке. На его одежде — ее кровь. Четыре свидетеля, пользующиеся прекрасной репутацией, утверждают, что видели, как он это сделал.

— Правда? — Морган с небрежной грацией поднялся на ноги. — Это очень интересно, потому что, по моему мнению, он говорит правду.

После этих слов по залу пробежал удивленный и боязливый ропот, и самое большое удивление выразилось на лице епископа, а Морган тем временем сошел с возвышения и остановился перед стоявшим на коленях Феррисом.

— Мне не сказали твоего имени, — он передал хлыст своему оруженосцу и быстро сдернул с рук черные кожаные перчатки. — Как тебя зовут?

Феррис не мог оторвать взгляда от глаз Моргана.

— Ф... Феррис, господин, — кое-как выдавил он.

— Феррис, — повторил Морган. — А ты знаешь, кто я?

— Вы... вы герцог Корвинский, господин.

— Что еще ты знаешь обо мне? — продолжал Морган.

— Что вы... вы человек чести, господин.

— А еще?..

— Ваш суд всегда бывает справедливым.

— А еще?..

Феррис замялся.

— Говори. Что еще ты знаешь? — настаивал Морган.

— Что вы... вы Д-Дерини, господин, — выдавил Феррис, по-прежнему не в силах отвести взгляда.

— И это правда, — сказал Морган, метнув быстрый взгляд на четырех свидетелей, которые смотрели на них как зачарованные, широко открыв глаза. — А кто такие в твоем представлении Дерини? — тихо спросил он.

— Те... кто занимается черной магией, — к собственному ужасу выговорил Феррис.

Морган скорчил гримасу и тяжело вздохнул.

— Магией-то — да. Только цвет ее можно трактовать как угодно. Я владею некоторыми особыми силами, Феррис, но стараюсь пользоваться ими лишь во имя правосудия.

Заметив на лице Ферриса недоумение — сказанное Морганом выходило за пределы его словарного запаса, — герцог остановился и терпеливо улыбнулся ему.

— Ты понял хоть половину из того, что я сказал?

Феррис слабо покачал головой.

— Я хочу сказать, что могу определить, когда человек лжет — это тебе понятно?

— Я не лгу, господин! — с отчаянием прошептал Феррис. — Я не убивал эту женщину! И не насиловал ее!

— Я знаю, что ты этого не делал, — ответил Морган. Феррис разинул рот, от внезапного облегчения к глазам его подступили слезы, и тут Морган вдруг добавил: — Но, возможно, ты скажешь нам, кто это сделал.

— Но... я не знаю, господин! — воспротестовал Феррис.

— Вспомни тот вечер, — приказал Морган, взялся обеими руками за голову Ферриса, поместив большие пальцы на виски, и взгляд его при этом словно сковал кузнеца по рукам и ногам.

Феррис испугался, что глаза эти затянут его в себя. Он не видел уже ничего, кроме них. Прикосновение Моргана погрузило его в какое-то сладостное безволие, вниз от макушки заструилось по телу щекочущее, головокружительное ощущение, от которого колени его сделались ватными.

Он еще слышал, как засуетились стражники, державшие его за брус под локтями, когда он начал опускаться на пятки, не в силах противиться тому, что с ним происходило; но затем глаза его закрылись, и все исчезло — Морган, стражники, зал, — он был уже не здесь. Кругом царила ночная тьма, он шел пошатываясь по переулку в надежде, что тот приведет его на постоялый двор, где он остановился, и думал, что, пожалуй, не следовало так много пить.

Потом... крики — испуганные, полные отчаяния и муки. Он побежал на крик... услышал чьи-то шаги в темноте. Перед глазами мелькнула неподвижная фигурка на земле, в светлой одежде... темные силуэты людей, бросившихся при его приближении врассыпную... и тут кто-то с силой ударил его сзади по голове, и все погрузилось во тьму.

А потом... потом его били, голова кружилась от побоев и хмеля, он был весь в крови и пытался уворачиваться. Подоспела стража, и те, кто схватил его, заявили, что он — убийца, и он не мог найти слов, чтобы объяснить, что ни в чем не виноват.

— Отпустите его, — услышал он вдруг голос и внезапно снова оказался в зале суда, и почувствовал, что ничьи руки уже не сжимают его виски. — Он не убивал. Но я, кажется, знаю, кто это сделал.

Он открыл глаза как раз в тот момент, когда Морган повернулся и посмотрел на четырех свидетелей, которые сидели на скамье слева от них. И свидетели нервно вскочили на ноги, растеряв вдруг всю свою самоуверенность. Они затрепетали еще сильней, когда епископ велел встать позади них полудюжине стражников.

Все совершилось очень быстро, и удивление и благоговение

Ферриса все возрастали. Пока стражники развязывали ему руки и помогали подняться на ноги, Морган подошел к свидетелям и задал каждому по очереди три одинаковых вопроса:

— Ты убил эту девушку? Ты насиловал ее? Вы сговорились между собой обвинить кузнеца?

Лорд Дерини не прикасался к ним; он только удерживал каждого в неподвижности своим холодным, неотразимым серебряным взглядом и требовал правды. И хотя на первый вопрос ответил «да» лишь один из них, на второй и третий утвердительно ответили все четверо. И когда Морган не торопясь вернулся на возвышение и стражники принялись вязать бывших обвинителей, те ошеломленно заозирались по сторонам.

— Надеюсь, вы не считаете, епископ, что я переступил черту, — услышал Феррис голос Моргана, снова усевшегося на стул справа от Толливера. — Есть ли у вас какие-то сомнения в том, что справедливость восстановлена?

Толливер медленно покачал головой.

— Благодарение Господу, что вы явились именно в этот момент, Аларик, — тихо ответил он. — Мы могли повесить невинного человека.

— Да, он невинен, — сказал Морган, поглядев на Ферриса, который рассеянно растирал запястья, не сводя с лорда Дерини благоговейного взгляда. — Ты свободен, кузнец. Люди, которые ложно обвинили тебя, будут повешены — за это и за остальные свои преступления, — четверо виновных испуганно вскрикнули, услышав его слова, но он не обратил на них внимания. — Я хотел бы только как-то вознаградить тебя за перенесенные страдания.

У Ферриса от изумления отвисла челюсть, и он засомневался даже, что правильно понял. Ведь герцог даровал ему жизнь, когда он думал уже, что не увидит следующего дня. Это он, а не Морган, должен предлагать вознаграждение; он посмотрел на клинок Моргана — слишком короткий, чтобы дотянуться до противника, и, похоже, плохо сбалансированный, — и подумал, что знает, чем можно угодить своему благодетелю.

— Вы ничего не должны мне, господин, ибо дали мне главное — справедливость, — сказал Феррис, опускаясь на одно колено и прижимая в знак почтения правый кулак к сердцу, по обычаю своего народа. — Но можно ли мне... попросить у вас милости?

— Какой же? — спросил Морган.

— Я... я бы хотел поговорить с вами наедине, господин, если можно.

Морган жестом пригласил его на возвышение, и Феррис, поднявшись по ступеням, поклонился коротко епископу, а потом спросил у Моргана взглядом, нельзя ли им отойти чуть подальше.

Морган кивнул, встал и повел его прочь с возвышения, небрежно держа руку на рукояти меча, который так оскорблял взгляд кузнеца.

— Благодарю вас, господин, — тихо сказал Феррис, сдерживая улыбку, ибо заметил, что юный оруженосец Моргана встал на страже неподалеку от амбразуры окна, где они остановились. — Я... не знаю слов на вашем языке, чтобы рассказать о моей благодарности. Я не понимаю, как вы это сделали... и что вы сделали. Я смотрел на лицо епископа и видел, что он не хотел, чтобы вы делали это, потому что он боится вашей силы, хотя уважает вас... но я собирался сказать вам... я больше не буду бояться того, что говорят о Дерини.

— Вот как? — ответил Морган с кривой усмешкой. — Тогда ты будешь редкой пташкой среди тех, кто боится.

— Вы используете свое умение ради истины, — упрямо сказал Феррис. — А мой народ ценит стремление к истине. Всеотец...

— Ничего не говори больше, — на губах Моргана появилась печальная улыбка. — Я с самого начала заподозрил, что ты поклоняешься Всеотцу. Думаю, и твой народ и мой страдают из-за того, что непохожи на других. Это все, что ты хотел мне сказать?

— Нет... господин, — выдохнул Феррис. — Вы не покажете мне свой меч?

— Меч?

— Да, господин. Я — кузнец, мастер мечей, как я уже говорил. Ваш клинок кажется мне слишком коротким для вашей руки. Вы можете показать, как вы им работаете?

Морган, подняв светлую бровь, отступил на шаг и вытащил оружие из ножен, одновременно показав жестом оруженосцу, что никакой опасности нет. Затем под критическим взглядом Ферриса сделал несколько выпадов, отсалютовал росчерком и перебросил ему меч рукоятью вперед.

— Ну что, кузнец, хорош клинок или не очень?

— Фехтовальщик хорош, господин, — пробурчал Феррис, взвешивая оружие на руке, — но он был бы еще лучше, имей он добрый клинок.

Не обращая внимание на удивленный взгляд герцога, Феррис подошел поближе к окну и, положив клинок на предплечье, принялся поворачивать его то так, то этак, высматривая неровности и другие дефекты, которых не оказалось. Затем согнул его и, попросив Моргана отодвинуться, показал несколько своих выпадов, предназначенных для проверки балансировки. Закончив, он подбросил меч, поймал под перекрестьем рукояти и протянул Моргану.

— Ну что?

— Да, это хороший клинок, господин, но не для вас, — весело сказал Феррис. — Оставьте его для своего сына. Я могу сделать лучше.

— Неужто *можешь*? — Морган недоверчиво поднял бровь, засовывая оружие в ножны к явному облегчению наблюдавшего за ними оруженосца. — И чем я расплачусь за твой клинок, мастер-кузнец?

— Местом для работы, — не задумываясь сказал Феррис. — Сталью, из которой его выковать. Вашим временем — надо будет подогнать оружие под вашу руку. Вы заслуживаете очень хорошего клинка, господин. Это самое малое, что я могу для вас сделать. И если вам понравится моя работа, может быть... вы возьмете меня к себе на службу? — расхрабрившись, спросил он.

Морган смотрел ему в глаза так долго, что мог за это время, как подумал Феррис, прочитать все его мысли, но это его не тревожило. Ему нравился этот человек. Наверное, Морган нравился бы ему, даже если бы и *не спас* ему жизнь. Более того, Феррис питал к нему уважение. И был бы просто счастлив служить Корвинскому герцогу.

— Ты ведь знаешь, что Дерини могут читать мысли? — спросил вдруг Морган еле слышно. — И это, конечно, должно тебя пугать.

— Мне нечего скрывать от вас, господин, — медленно сказал Феррис, подчеркивая каждое слово. — Вы будете честным и справедливым хозяином, будете ценить мою работу. Чего мне еще желать?

— И все-таки... — пробормотал Морган.

Феррис забеспокоился, почуяв неладное.

— Что — все-таки, господин?

— Все-таки ты немного *боишься*, — осторожно сказал Морган, — и это, конечно, можно понять, — он устало вздохнул и отвернулся к окну. — Ты думаешь, что я сейчас читаю твои мысли и стану читать их и впредь. Я не виню тебя за это.

— Простите меня, господин, — прошептал Феррис, не сомневаясь, что потерял всякую надежду служить когда-нибудь герцогу Дерини.

— Но ты имеешь право думать, — сказал Морган. — И заслуживаешь ответа на вопрос, который ты не задал. Я не читал сейчас твоих мыслей и, стань ты моим слугой, никогда бы их не читал без очень важных причин — и то я сделал бы так только с твоего согласия, не считая совсем уж крайних ситуаций, — он криво улыбнулся Феррису. — В любом случае для этого я должен к тебе прикоснуться.

— Как тогда? — Феррис поежился, припоминая странное ощущение своего безволия в тот момент, когда Морган приказал ему вспомнить.

— Да. Это было бы легче сделать, если бы ты помогал мне со своей стороны.

— Но к тем четверым вы не прикасались, — заметил Феррис.

— Я не собирался читать их мысли. Я видел Истину. А это разные вещи.

— О, — Феррис сглотнул слюну, пытаясь усвоить то, что говорит Морган.

— Не знаю, зачем я рассказываю тебе это, — пробормотал Морган. — К чему оповещать совершенно незнакомого человека о своих слабых местах? — он искоса глянул на Ферриса. — Наверное, мне все-таки хочется взять тебя на службу... а в таком случае только справедливо, чтобы ты знал, во что ввязываешься. Может быть, это еще и потому, что когда я читал твои мысли, я узнал твою честность и твою прямоту...

— Я *буду* верен вам, господин! — в отчаянии сказал Феррис. — Клянусь всеми богами!

Улыбнувшись, Морган посмотрел на рукоять своего меча, потом перевел взгляд на Ферриса.

— Клянусь всеми богами, я буду тебе благодарен за это. Но сейчас не время ни тебе, ни мне принимать столь важные решения. Я только что избавил тебя от совершенно незаслуженной смерти. И вполне естественно, что ты испытываешь признательность. В ответ ты предложил мне выковать хороший меч. Я согласен. Так почему бы тебе не поехать нынче же со мной и моим оруженосцем в Корот, где я найду тебе место для работы? Вот сделаешь меч, тогда и решим, что будет дальше.

— Согласен, господин, — сказал Феррис, и они с Морганом двинулись из оконной амбразуры навстречу оруженосцу. — Только я уже знаю, каким будет *мое* решение.

Приложение 1

Сокращения

СЧВН = «С чего все начиналось...»
ПЦ = «Песне Целителя»
П = «Призвание»
Б = «Бетана»
ПА = «Посвящение Арилана»
Н = «Наследство»
ПДР = «Посвящение Дерри в рыцари»
С = «Суд»
* = Персонаж или местность, встречающиеся в романах о Дерини.

Указатель персонажей

Аргостино, отец — молодой лланнедец, посвященный в сан вместе с *Денисом Ариланом* в 1105 году. (ПА)

Арилан, отец Денис — Дерини, посвященный в сан весной 1105 года в семинарии *Arx Fidei*, в возрасте 21 года. К 1115 году был духовником короля *Бриона*. (ПА; ПДР)*

Арилан, сэр Джемил — старший брат *Дениса*; возраст — 25 лет в 1104-5 годах; близкий друг и наперсник короля *Бриона*; член Совета Камбера. (ПА)

Арнульф, отец — старый семейный капеллан в замке *Д'Эйриал* в 977 году. (П)

Баррет де Лейни — молодой лорд Дерини, который предложил себя в качестве выкупа за осужденных на костер детей Дерини; был ослеплен, прежде чем его спас *Даррел*; позднее — член Совета Камбера. (Б)*

Бетана — старуха, которая держит овец близ *Кулди*; жена *Даррела*. (Б)*

Брион Халдейн, король — король *Гвиннеда*, 1095-1120 гг.; отец *Келсона* и брат *Нигеля*. (ПА; Н; ПДР)*

Вараг, барон — см. *Тревор Одо*.

Вениамин, отец — семинарист в *Arx Fidei*, посвященный в сан вместе с *Денисом Ариланом* в 1105 году. (ПА)

Венцит, принц — второй сын *Нимура II*, короля Торента; Дерини и брат принца *Каролуса*; возраст — 32 года в 1105 г. (Н)*

Горони, отец Лоуренс — капеллан архиепископа *де Нора* в 1104-5 гг. (ПА)*

Дарби, отец Александр — священник церкви святого Марка возле семинарии *Arx Fidei* в 1104 г. Его трактат о Дерини, написанный еще во время его обучения в *Грекоте*, был рекомендован к чтению всем стремящимся к духовному сану. Учился на врача. (ПА)

Даррел — муж *Бетаны*; учитель математики в *Грекоте*, скрывающийся Дерини; погиб, спасая *Баррета де Лейни*. (Б)*

Де Курси, Джориан — см. *Джориан де Курси*.

Де Нор, архиепископ Оливер — архиепископ *Валоретский* и примас всего *Гвиннеда* в 1104-5 гг., посвятил в сан *Дениса Арилана*; известен тем, что, будучи разъезжающим епископом, участвовал в казнях Дерини на юге страны. (ПА)

Дерри, лорд (сэр Шон Симус О'Флинн) — граф Пограничья, посвященный в рыцари королем *Брионом* весной 1115 г.; оруженосец *Аларика Моргана*. (ПДР; С)*

Де Вали, Арно, сьер — молодой вассал *Моргана*, посвященный в рыцари вместе с *Дерри* в 1115 г. (ПДР)*

Диверил, лорд — сенешаль герцога *Джареда* в 1100 г. (Б)*

Джебедия Алькарский, сэр — граф Дерини, маршал *Гвиннеда* и Великий Магистр Ордена святого Михаила в 914 г. (ПЦ)*

Джехана, королева — супруга короля *Бриона* и мать принца *Келсона*; Дерини, но не знала об этом до коронации *Келсона*. (ПРД)*

Джилберт, мастер — врач *Д'Эйриалов*. (П)

Джилре Д'Эйриал, сэр — двадцатилетний наследник барона *Д'Эйриала*, который хочет стать священником; сводный старший брат *Капруса Д'Эйриала*. (П)

Джоселин, леди — графиня Камберская; Дерини; мать *Катана*, *Джорема* и *Ивейн*. (СЧВН)*

Джорем Мак-Рори — сын *Камбера*; Дерини; возраст 10 лет в 888 г.; позднее — священник и рыцарь святого Михаила. (СЧВН; ПЦ)*

Джориан де Курси, отец — молодой Дерини, посвященный в сан в возрасте 21 года в 1104 году; разоблачен и казнен по приговору епископа. (ПА)

Джулиус — торговец лошадьми на Рилледской конной ярмарке в 1115 г. (ПДР)

Ивейн Мак-Рори — дочь *Камбера*; Дерини; шесть лет в 888 г.; позднее — жена *Райса Турина*. (СЧВН; ПЦ)*

Имре Фестил, король — последний король *Гвиннеда* из Фестилийской династии, правившей во время Междуцарствия Дерини; прижил незаконного сына от своей сестры *Эриеллы*. (Н)*

Калберт, отец — энергичный молодой аббат семинарии *Arx*

Fidei в 1104-5 гг. (ПА)

Келлен, Элистер — см. *Элистер Келлен*.

Камбер Мак-Рори — Дерини, граф Кулдский; отец *Катана*, *Джорема*, *Ивейн*. (СЧВН; ПЦ)*

Капрус Д'Эйриал, лорд — младший сын сэра *Радульфа*, барона *Д'Эйриала*, семнадцатилетний в 977 году, и сводный брат наследника, сэра *Джилре Д'Эйриала*. (П)

Каролус, кронпринц — старший сын *Нимура II* и отец принца *Элдреда*; Дерини; брат *Венцита*; возраст — 35 лет в 1105 г. (Н)

Катан Мак-Рори — старший сын *Камбера*; Дерини; 15 лет в 888 г. (СЧВН)*

Карисса, леди — единственная дочь *Хогана Гвернака*, *Марлука*; Дерини; возраст — 11 лет в 1105 г. (Н)*

Келсон Халдейн, принц — наследник короля Бриона, 8 лет в 1115 г. (ПДР)*

Ларан ап Пардис — врач и ученый Дерини, возраст — 46 лет в 1104 году, союзник *Джемила* и *Дениса Ариланов* и член Совета Камбера. (ПА)*

Лиллас — невеста *Сталкера*, королевского лесничего; изнасилована и убита в Килтуине в 1117 г. (С)

Лоркан, сэр — сенешаль *Д'Эйриалов* в 977 году. (П)

Лорис, архиепископ Эдмонд — вновь назначенный архиепископ *Валорета* в 1115 году; не любит *Моргана*. (ПДР)*

Лоуэлл, отец — капеллан аббата в *Arx Fidei* в 1104-5 гг. (ПА)

Маклин — конюх *Джулиуса* на Рилледской конной ярмарке в 1115 г. (ПДР)

Макон — врач герцога *Джареда* в 1100 г. (Б)

Марк Фестил, принц — сын *Имре* и его сестры *Эриеллы*, предок *Кариссы*. (Н)*

Марлук — *Хоган Гвернак*, Дерини; отец *Кариссы*; потомок рода Фестилов, претендующий на трон *Гвиннеда*; убит королем *Брионом* 21 июня 1105 года в возрасте 45 лет. (Н)*

Мак-Рори — см. *Камбер*; *Катан*; *Ивейн*; *Джоселин*; *Джорем*.

Малаши де Брюн — младший семинарист в *Arx Fidei* в 1105 г. (ПА)

Милвас, отец — молодой священник, рукоположенный в сан вместе с *Денисом Ариланом* в 1105 г. (ПА)

Морган, сэр Аларик — герцог *Корвинский*, Дерини. (Б; ПА; ПДР; С)*

Нигель Халдейн, принц — младший брат короля *Бриона*. (Н; ПДР)*

Нимур II, король — король *Торента*, Дерини; 1080-1106 гг.; отец принцев *Каролуса* и *Венцита*. (Н)

Огарин Халдейн, король — первый верховный король

Гвиннеда. (Н)*

Одо — см. *Падриг*; *Тревор*.

Ориолт, отец — молодой священник, возведенный в сан в *Arx Fidei* вместе с *Джорианом де Курси* в 1104, в возрасте 21 года. (ПА)

О'Флинн, сэр Симус Майкл — граф *Дерри*; отец *Шона* лорда *Дерри*; умер в 1108 году от ран, полученных во время похода в *Меару* с королем *Брионом* в 1107 г. (ПДР)

О'Флинн, Шон Симус, граф Дерри — см. *Дерри*.

Падриг Одо — одиннадцатилетний кузен *Дерри*; сын *Тревора Одо*, барона *Варага*. (ПДР)

Радульф Д'Эйриал, сэр — барон *Д'Эйриал*; умерший отец *Джилре* и *Капруса*. (П)

Рандольф, мастер — врач *Моргана* (ПДР)*

Родри, лорд — королевский камергер в *Ремуте* в 1115 г. (ПДР)*

Райс Турин — приемный сын *Камбера*, Дерини; возраст — 11 лет в 888 году; позднее муж *Ивейн Мак-Рори* и Целитель. (СЧВН; ПЦ)*

Ромар — кузнец *Дерри*. (ПДР)

Риордан, отец — наставник младших классов в семинарии *Arx Fidei* в 1104-5 гг. (ПА)

Сирилд, отец — королевский Целитель в 888 г., возраст около 50 лет. (СЧВН)

Симон — отшельник-Целитель в разрушенном *монастыре Св. Неота* в 977 г. (П)*

Сталкер — королевский лесничий из *Килтуина*, портового города у границы с *Торентом*, в 1118 г. (С)

Стефан Корам — Дерини, союзник *Джемила* и *Дениса Ариланов* и член Совета Камбера; лет 20-ти в 1104-5 гг. (ПА)*

Тарлетон — капитан стражи, который договаривается с *Барретом де Лейни* об освобождении детей Дерини. (Б)

Турин — см. *Райс*; *Тиег Джорем*.

Тиег Джорем Турин — новорожденный сын *Райса* и *Ивейн*; будущий Целитель. (ПЦ)*

Толливер, епископ Ральф — епископ *Корвинский* в 1118 г.; управляет городом *Килтуином* по праву, данному *Морганом*. (С)*

Тревор Одо, барон Вараг — дядя *Дерри* (брат матери) и его поручитель при посвящении в рыцари в 1115 г.; отец *Падрига*. (ПДР)

Утер Халдейн, король — король *Гвиннеда*, 948-980 гг. (П)*

Феррис — кузнец мечей из Айстенфаллы; делает меч для *Моргана* в 1118-19 гг. (С)

Фестил I — младший сын королевского Торентского дома, положивший в 822 году начало Междуцарствию Дерини и

основавший королевский Фестилийский Дом, который царствовал 82 года. (Н)*

Халдейн — см. *Огарин*; *Брион*; *Келсон*; *Нигель*; *Утер*.*

Хасан — мавр-тактик *Хогана Гвернака*, Дерини, и телохранитель его и *Кариссы*. (Н)

Хоган Гвернак — см. *Марлук*.

Чарльз Фитц-Майкл, отец — молодой священник, возведенный в сан вместе с *Денисом Арилано*м в 1105 г. (ПА)

Элгин де Торрес — младший семинарист в *Arx Fidei* в 1105 г. (ПА)

Элдред, принц — внук *Нимура II* Торентского и племянник *Венцита*; Дерини; возраст — 15 лет в июне 1105 года. (Н)

Элистер Келлен, епископ — Дерини, *Гвиннедский* канцлер и епископ *Грекотский* в 914 году; альтер-эго *Камбера Мак-Рори*. (ПЦ)*

Эрдик, отец — капеллан семьи *Д'Эйриалов* в 960-х гг. (П)

Эриелла, принцесса — сестра и возлюбленная *Имре*, последнего короля *Гвиннеда* из династии Фестилов; Дерини. (Н)*

Приложение 2
Географические названия

Аббатство Св. Лиама — место, где находится школа ордена Св. Михаила, близ *Валорета*. (СЧВН)*

Аббатство Св. Неота — пристанище ордена Св. Гавриила, где обучались Целители; в Лендорских горах на юге *Гвиннеда*. (ПЦ; П)*

Arx Fidei, семинария — в окрестностях *Валорета*, в ней учились *Джориан де Курси* и *Денис Арилан* до посвящения в сан. (ПА)

Бремагна — королевство на востоке; родина *Джеханы*. (ПДР)*

Валорет — столица *Гвиннеда* во времена правления Фестилийской династии; там пребывает архиепископ-примас *Гвиннеда* (ПА)*

Грекота — город, где находятся знаменитые университет и семинария. (Б; ПА)*

Гвиннед — центральное и самое могущественное из одиннадцати королевств, под управлением Дома *Халдейнов*.*

Замок Дерри — поместье *О'Флиннов* из *Дерри*, небольшого графства в Пограничье, между *Кардосой* и Рингартом. (ПДР)

Кардоса — город-крепость в *Рельянских горах* на границе *Гвиннеда* с *Торентом*. (Н)*

Килтуин — портовый город у границы *Гвиннеда* с *Торентом*, под управлением епископа *Корвинского*. (С)

Корвин — герцогство *Моргана*. (ПДР; С)*

Кулди — графство *Камбера*, на северо-западе *Гвиннеда*. (ПЦ)*

Меара — протекторат на западе *Гвиннеда*, где отец *Дерри* получил раны, от которых позднее умер. (ПДР)*

Растан — город в Рильянских предгорьях, где *Брион* должен был встретиться с *Марлуком*. (Н)*

Рельянские горы — вдоль границы *Гвиннеда* и *Торента*. (ПДР)*

Ремут — столица *Гвиннеда*, резиденция *Халдейнов*. (ПА; ПДР)*

Риллед — поселение, известное конными ярмарками, на севере *Корвина*, возле границы с *Торентом*. (ПДР)*

Р'Касси — королевство на востоке, славящееся своими лошадьми и лучниками. (ПДР)*

Тре-Арилан — родовая усадьба *Ариланов* близ *Ремута*. (ПА)

Церковь Св. Марка — приходская церковь близ *Валорета*.

(ПА)*

Шиил — поместье *Райса* и *Ивейн* близ *Валорета*. (ПЦ)*

Эйриал — владения сэра *Радульфа Д'Эйриала*, барона; в прошлом часть владений ордена Св. Михаила. (П)*

Приложение 3
Частичная история Одиннадцати королевств

822 г. — Фестил, Дерини, младший сын Торентского короля, вторгся со своим войском в Гвиннед и вырезал всю королевскую семью за исключением двухлетнего принца *Эйдана Халдейна*; перенес столицу в *Валорет* и правил семнадцать лет.

839–851 гг. — Царствование короля Фестила II. Ок. 850 года: конец жизни св. Торина Дхасского.

846 г. — Рождение *Камбера Кайрила Мак-Рори*, третьего сына графа Кулдского.

851–885 гг. — Царствование короля Фестила III.

860 г. — рождение принца *Синхила Халдейна*.

875 г. — Рождение *Эриеллы* из Фестилийской династии.

881 г. — Рождение *Имре* из Фестилийской династии.

885–900 гг. — Царствование короля Блейна из Фестилийской династии.

888 г. — Осень: «С чего все начиналось...».

900–904 гг. — Царствование короля *Имре* из Фестилийской династии.

903–904 гг. — *«Камбер Кулдский»*. Принц *Эйдан Халдейн* умер в *Валорете*, но выясняется, что внук его жив. Дети *Камбера* отыскивают принца *Синхила Халдейна* в монастыре; он возглавляет Реставрацию; женится на леди Меган де Камерон.

904 г. — 1-2 декабря: Реставрация. *Имре* свергнут *Синхилом Халдейном* и умирает. 25 декабря: в возрасте 44 лет коронован король *Синхил*.

907 гг. — *«Святой Камбер»*. 31 января: у *Эриеллы* в *Торенте* рождается *Марк*. 25 июня: *Эриелла* предпринимает безуспешную попытку уничтожить Реставрацию. *Элистер Келлен* погибает от руки *Эриеллы*, но *Камбер*, который официально «умирает» в этот день, принимает его внешний вид.

906 г. — Весна-лето: *Синхил* принимает присягу от Сигера Истмаркского и отправляется на север, чтобы подавить восстание в Келдоре. 14 ноября: канонизирован святой *Камбер*.

917–918 гг. — *«Камбер-еретик»*

917–921 гг. — Царствование короля Алроя Халдейна.

917 г. — 2 февраля: *Синхил* умирает, наследником становится его двенадцатилетний сын Алрой. Регенты молодого короля переносят двор в *Ремут*, старую столицу. После убийства архиепископа Джеффри (Дерини) *Камбер-«Элистер»* решает

заменить его, но регенты препятствуют его избранию; орден Св. Михаила разогнан. Декабрь: *Райс* убит; Рамосский Собор начинает заседания, продолжающиеся и весной, отменяет канонизацию *Камбера* и ограничивает права Дерини в *Гвиннеде*; замок Трурилл разграблен.

918 г. — *Джебедия* убит; *Камбер* предан забвению.

921–922 гг. — Царствование короля Джавана Халдейна.

922–928 гг. — Царствование короля Райса-Майкла Халдейна.

928–948 гг. — царствование короля Оуэна Халдейна.

948 гг. — *Марк*, сын *Имре* и *Эриеллы*, делает попытку отобрать трон. В этом столетии Рольф Макферсон, лорд Дерини, восстает против Совета Камбера.

948–980 гг. — царствование короля *Утера Халдейна*.

977 г. — 24 декабря: *«Призвание»*.

980–983 гг. — Царствование короля Нигеля Халдейна.

983–985 гг. — Царствование короля Яспера Халдейна. Дарчад Мор выставляет вооруженную пехоту против войск Яспера Халдейна, действуя в интересах принца Марка-Имре, пра-правнука *Имре* из Фестилийской династии.

985–994 гг. — Царствование короля Клеима Халдейна.

994–1025 гг. — Царствование короля Уриена Халдейна.

1025 г. — массовое выступление против Гвиннеда со стороны Имре II (972–1025 гг.), в результате которого род Фестила по мужской линии через четыре поколения пресекается.

1025–1074 гг. — Царствование короля Малкольма Халдейна. Он женится на принцессе Розиан Меарской, старшей дочери и единственной наследнице Джолиона, последнего принца Меарского, который примкнул к Имре II. В результате этого брака *Меара* должна была получить право наследования Дому Халдейнов, но вдова Джолиона, принцесса Уракка, похитила своих двух младших дочерей, одна из которых (Анналинда) была близнецом Розиан, и возглавила партию, объявившую Анналинду старшей дочерью и законной наследницей.

1027 г. — король Малкольм возглавляет поход в *Меару*, дабы прекратить раскол.

1045 г. — король Малкольм возглавляет второй поход в *Меару*.

1060 г. — король Малкольм снова идет в *Меару*, преследуя сына Анналинды Джадела.

1068–1070 гг. — *Баррет де Лейни* ослеплен, спасая детей Дерини. Примерно тогда же Льюис ап Норфал, печально прославленный Дерини, отрицает власть Совета Камбера.

1074–1095 гг. — Царствование короля Донала Блейна Халдейна.

1076 г. — Король Донал идет очередным походом на *Меару*, преследуя принца Джедаила.

1080 г. — Король Донал женится на Ричелдис Лланнедской.

1081 г. — Рождение принца *Бриона Халдейна*. 1087 г. рождение принца *Нигеля Халдейна*.

1089 г. — Король Донал снова идет походом на *Меару*.

1091 г. — 29 сентября: рождение *Аларика Моргана*.

1092 г. — 2 февраля: рождение *Дункана Моргана*.

1100 г. — Лето: *«Бетана»*. 24 сентября: сэр Кеннет Морган умирает; вскоре девятилетнего *Моргана* посылают ко двору в качестве пажа. Декабрь: *Морган* впервые встречает короля *Бриона*, на Рождество.

1104 г. — 6 января: Брион женится на *Джехане* из *Бремагны*. 1 августа: *Джориан де Курси*, Дерини, проходит посвящение в сан, но его разоблачают. *«Посвящение Арилана»*. 12 ноября: казнь *Джориана*.

1105 г. — 2 февраля: *Денис Арилан*, Дерини, благополучно рукоположен в сан священника. Весна-лето: *Марлук*, наследник Фестилийской династии, бросает вызов королю *Бриону* и погибает. 21 июня: *«Наследство»*. Июль-февраль: *Джехана* проводит зиму в аббатстве Св. Эгилия.

1106 г. — 14 ноября: рождение принца *Келсона Халдейна*. Его титул принца *Меарского* становится причиной нового восстания в *Меаре*.

1107 г. — Весна: *Брион* подавляет это восстание, но Кэйтрин Меарская, дочь принца Джолиона, спасается бегством. Ее муж и сын убиты. Сикард Мак-Ардри женится на Кэйтрин. *Дункан Мак-Лайн* тайно обручается с Маризой, дочерью Каулая, старшего брата Сикарда, после чего брат ее погибает во время ссоры от руки подданного Мак-Лайна. Не желая кровной мести, обе семьи разлучаются, но Мариза беременна.

1108 г. — 3 января: Мариза родила сына, Дугала и умерла от послеродовой горячки; мать ее, Адриана, растит мальчика под видом брата-двойняшки своей дочери, родившейся в одно время с ним. Весна: *Дункан* узнает, что Мариза умерла от лихорадки, и собирается стать священником, как ему всегда хотелось.

1110 г. — *Аларик Морган* посвящен в рыцари.

1112 г. — *Денис Арилан* переезжает в Ремут, дабы помочь *Дункану* пройти посвящение в сан.

1113 г. — Пасха: *Дункана* при тайной помощи Арилана посвящают в сан в кафедральном соборе *Ремута*; он получает назначение в Кулдский приход, недалеко от своей семьи.

1114 г. — *Дункана* посылают в университет Грекоты на два года для дальнейшего обучения.

1114–1115 гг. — Зима: герцогиня Вера, мать *Дункана*, умирает, и для *Моргана* с *Дунканом* закрывается тем самым единственный источник тайных знаний Дерини. *Денис Арилан* становится духовником короля Бриона.

1115 г. — Май: *Шон лорд Дерри* посвящен в рыцари в *Ремуте* и становится оруженосцем *Моргана*.

1116 г. — Весна: *Денис Арилан* привозит *Дункана* в *Ремут* в качестве своего секретаря и помощника. Лето: *Дункан* становится наставником принца *Келсона*, которому скоро десять лет.

1117 г. — В результате успешного наставничества *Дункана* назначают духовником принца.

1118 г. — *Денис Арилан*, в возрасте 35 лет, становится вторым епископом *Ремута* под патронажем архиепископа Корригана и избран членом тайного совета *Бриона*. *«Суд»*.

1120 г. — Июнь: *Брион* подписывает новый договор о границах с *Венцитом Торентским*. Сентябрь: *Морган* едет в *Кардосу* проследить за выполнением договора. Ноябрь: *«Возрождение Дерини»*. 1 ноября: *Брион* погибает, отравленный *Кариссой*. 4 ноября: похороны *Бриона*. 14 ноября: день рождения *Келсона*; *Морган* возвращается в *Ремут*. 15 ноября: *Келсон* побеждает *Кариссу* и коронован в *Ремуте*.

1121 г. — *«Шахматная партия Дерини»* и *«Властитель Дерини»*. Стычка с Лорисом и епископами; поход против *Венцита Торентского*, заканчивающийся поражением *Венцита* в Линдрутской долине.

1121–1122 гг. — Зима: упрочение двора *Келсона* в *Ремуте*. *Морган* проводит почти всю зиму, разъезжая между *Ремутом* и *Коротом*, то давая советы *Келсону*, то занимаясь своими владениями в *Корвине*. *Дункан* разъезжает между *Ремутом*, Кассаном и Кирни, приводя в порядок дела своего отца и вступая во владение своим наследством, но душой возвращается к своему духовному призванию. Барон Джодрел, блестящий молодой лорд Кирни, становится его преданным приверженцем и едет с ним ко двору, где Келсон сразу же проникается к барону симпатией и назначает его в свой тайный совет.

1122 г. — Январь: *Ремутский* совет официально осуждает Лориса (находившегося в заключении с предыдущего лета), лишает всех званий и отправляет в пожизненную ссылку в аббатство Св. Иви в Рендалле. (Корриган умирает от сердечного приступа до вынесения приговора). Браден из *Грекоты* назначен примасом и архиепископом Валоретским вместо Лориса; Кардиель становится архиепископом *Ремутским*; *Арилану* отдают Дхассу. Происходит перераспределение епархий между епископами.

1122 г. — 1 мая: *Морган* женится на Риченде в Марли, обряд совершает *Дункан* в присутствии *Келсона*. Затем *Морган* увозит на лето жену и пасынка в *Корвин*. Лето: из Марли *Келсон* отправляется на север и путешествует по Келдишским землям, оценивая боевую готовность ввиду враждебности *Торента*. Встречает брата своей тети Мерауд, Сэйра де Трегерна, молодого графа Рэндалльского, и привозит его ко двору в качестве еще одного советника. *Дункан* проводит почти все лето, объезжая свои земли и налаживая управление ими в свое отсутствие. В конце лета расходится слух, что сторонники прежнего меарского королевского рода беспокоятся за независимость *Меары*, ибо недовольны тем, что частью Старой Меары правит сейчас священник-герцог Дерини.

1122–1123 гг. — Зима: *Келсон* укрепляет свою власть, строит планы отправиться следующим летом в Кассан, Кирни и *Меару* и укротить недовольных сепаратистов, показавшись им во всем своем королевском величии. Суды в течение всей зимы. *Морган* несколько раз ездит в *Корвин*, поскольку Риченда ожидает их первого ребенка.

1123 г. — 31 января: Риченда рожает *Моргану* дочь, Бриони Бронвин Морган. Весна: молодой король Алрой Торентский, через несколько месяцев после того, как ему исполнилось четырнадцать, погибает, упав на охоте с лошади. Сразу же распространяются слухи, что несчастный случай подстроен *Келсоном*, который убоялся силы достигшего совершеннолетия короля *Торента*. Королем становится девятилетний Лиам, их мать Мораг по-прежнему регентша, и многие лорды *Торента* соперничают из-за ее руки. Лето: *Келсон*, проезжая через *Меару*, Кассан и Кирни с *Дунканом*, как планировалось, видит, что ситуация в *Меаре* ухудшается. *Морган* почти все лето проводит в *Корвине*, чтобы убедиться, что со стороны *Торента* им ничто не угрожает, но, после того как умирает их союзник, епископ Карстен Меарский и важная епархия в *Меаре* остается без управления, он присоединяется в Кулди к *Келсону*. Конец ноября: Совет епископов собирается в Кулди, чтобы избрать нового меарского прелата, но сначала избирает несколько разъезжающих епископов, среди них *Дункана* (второго епископа *Ремутского*, заместителя Кардиеля).

1123–24 гг. — Ноябрь-февраль: *«Сын епископа».*

1124 г. — Май-июль: *«Милость Келсона».*

1125 г. — Март-апрель: *«Тень Камбера».*

Приложение 4
Литературные первоисточники Дерини

Как началась серия

Чаще всего мои читатели (если не считать вопроса: «Когда выйдет следующая книга?») задают вопрос: «Как у вас возникла эта идея?» Обычно я отвечаю, что она мне приснилась...

Сновидение преображается в мир, который многие читатели воспринимают как реальный, но существующий в каком-то другом измерении, посредством сложного процесса. Для тех, кому интересен этот процесс, я и хочу показать этапы развития сна в то, что мы знаем сейчас как «Хроники Дерини».

И хотя нижеследующий материал нельзя считать каноническим (в том смысле, в каком являются каноническими романы и рассказы этого сборника — они основаны на «официальном», или «устоявшемся» варианте истории Дерини), без него никакие книги о Дерини вообще не появились бы на свет.

Сон, который породил Дерини

11 октября 1964 года мне приснился очень яркий сон, и, проснувшись, я записала его на двух карточках 3x5 дюймов.

Место действия: приемный кабинет в замке. Молодая вдова-императрица (25 лет) принимает верного генерала своего мужа (40 лет) и его оруженосца (20 лет). На ней — белое ниспадающее одеяние с черным платом и простая изумрудная диадема. Ее маленький сын спит в соседней комнате. Генерал открывает секрет силы покойного императора, сокрытой в причудливой изумрудно-золотой броши, — муж не успел передать ей ключ к тайне, ибо был убит Голубой колдуньей, которая и правит теперь. Генерал мудрый и могущественный человек; он показывает императрице, как добраться до этой силы, — император передал ключ ему; нужно вонзить иглу застежки в руку — через десять секунд начинается передача силы и длится пять минут. Передача проходит успешно; императрица испытывает силу — все в порядке. После того как она получает силу и срок ее траура заканчивается, не исключена возможность любви между нею и генералом.

«Лорды Сорандора»
Первоначальный вариант «Возрождения Дерини».

В течение года после этого сна я написала повесть под названием «Лорды Сорандора». Многое я изменила. Королевство приобрело название — «Сорандор», в следующих же книгах оно стало называться Гвиннедом. Малыш стал четырнадцатилетним принцем Келсоном. Героиня, из которого впоследствии появилась Джехана (здесь Сэниль), соответственно стала старше и значимость ее как персонажа поубавилась; исчезла также романтическая привязанность к Моргану. И хотя Дерини как таковые здесь еще не появились, магия несомненно уже сделалась ведущим фактором.

Определилась также основная форма этого мира — и в романе «Возрождение Дерини» можно узнать кое-какие отрывки из «Лордов Сорандора».

Кэтрин Курц, октябрь 1965 года.

1

Сэниль Сорандорская, стоя перед зеркалом, поправила на своих рыжих волосах траурную вуаль, как делала это каждое утро вот уже целый месяц. Опершись белыми руками о туалетный столик, она долго всматривалась в зеленые глаза, отвечавшие ей из зеркала пристальным взглядом, затем возложила на голову скромный, украшенный гагатом обруч.

— Ваше величество, — тихо обратилась к ней служанка, — вас хочет видеть генерал, сэр Аларик Морган. Ответить ему, что ваше величество не принимает?

— Морган? Нет... я, пожалуй, должна с ним повидаться. Где он?

— В саду, миледи.

— Хорошо. Я приму его на террасе.

Сэниль вышла в озаренные солнцем покои, села в небольшое,

обитое черной тканью кресло и расправила складки своего траурного бархатного платья. Ее тут же окружили несколько фрейлин, а сидевший в уголке молодой музыкант принялся перебирать струны сладкозвучной лютни.

Дверь, ведущая в сад, открылась, и на террасу вошел высокий мужчина в черном кожаном костюме, чьи доспехи и меч тускло блестели в рассеянном солнечном свете. Он почтительно наклонил золотоволосую голову и легко опустился на колени у ног королевы, прижав к сердцу руку в перчатке. Сэниль знаком велела ему встать.

— Слушаю вас, сэр Аларик.

— Простите, миледи. Мне следовало приехать раньше, но солдаты встревожены новым положением вещей и глубоко переживают утрату Бриона. Нам всем его очень не хватает.

— Да, это так, — она выжидающе смотрела на него.

— Миледи, я должен поговорить с вами наедине; это крайне важно.

— Сэр Аларик, но я... Хорошо, — она кивком отпустила фрейлин, затем указала на кресло рядом. — Я выслушаю вас, сэр Аларик, во имя той привязанности, которую питал к вам мой муж. Брион часто говорил о вас... рассуждая об управлении и всем таком прочем, — она устремила через комнату невидящий взор. — Возможно, если бы он рассказывал мне больше о своих делах, я была бы готова к тому, что случилось, — сказала она, с горечью поглядев на свои сложенные руки. — Но я узнала о постоянно угрожавшей ему опасности, лишь когда его не стало.

И, подняв взгляд, она с оживлением продолжила:

— Но вы ведь приехали не для того, чтобы послушать мои рассказы о Брионе, генерал?

— Нет, — ответил Морган, покачав головой. Затем резко встал и принялся расхаживать по комнате, нервно стискивая руки.

— Миледи, — начал он, — перед тем как отправиться в свой последний бой и пасть от руки Голубой колдуньи, ваш муж рассказал мне во всех подробностях о божественной силе, что передавалась в его королевском роду из рук в руки много лет подряд. Он наверняка и с вами затрагивал порой эту тему, но вы, скорей всего, пропускали такие разговоры мимо ушей, считая эту силу пустым суеверием, оправданием своего рода права на королевскую власть. Во многих случаях так оно и бывает, но только не с Брионом.

Он медленно повернулся к королеве.

— Миледи, узнай Брион вовремя о замыслах Голубой колдуньи — он мог бы спастись... он мог даже при счастливом

стечении обстоятельств убить ее. Увы, Брион ее недооценивал... хуже того, он недооценил ее влияние на своих подданных.

От горьких воспоминаний лицо его исказила гримаса, и он буквально выплюнул:

— Его предал друг!

Он стукнул кулаком по ладони, но тут же взял себя в руки, вспомнив, где находится. И, повернувшись к королеве, продолжил с напряженной улыбкой:

— Вы помните оруженосца Бриона, Колина из Фианы? Бедняга Колин! — он вздохнул. — Колдунья очаровала его. И заставила влюбленного парнишку отравить королевское вино. Она сказала, что этой дозы недостаточно, чтобы убить короля. Он всего лишь уснет.

Колин сделал, что ему было велено, и на следующее утро колдунья убила Бриона при помощи магического приема, которого он не ожидал... от этого питья он ослабел и не смог разгадать ее намерений. И когда Колин понял, что натворил, он закололся своим мечом, будучи слишком гордым, чтобы умереть смертью предателя, и слишком несчастным, чтобы жить дальше.

Морган устало опустился в кресло, уронил голову на руки.

— И теперь Голубая объявила перемирие, — хмуро усмехнулся он, — в знак ее уважения к почившему злейшему врагу.

Наступившую тишину нарушили глухие рыдания Сэниль.

— Простите, миледи. Я не хотел бередить ваши раны, но подумал, что вы должны знать, — он посмотрел под ноги. — Как поживает принц Келсон? — спросил он, чтобы сменить тему.

— Хорошо, — ответила Сэниль, силясь вновь обрести спокойствие. — Завтра состоится коронация, как вам известно, — она умоляюще посмотрела на него. — Я надеялась, что для того вы и приехали: увидеть его коронованным.

— Да, миледи, — ответил он. — Только коронованным, как истинный король... каким был его отец.

— Нет! — испуганно прошептала она. — Сила Бриона, если он и вправду обладал ею, умерла вместе с ним. Келсон должен править, как простой смертный! — и она обратила к нему широко распахнутые глаза.

— Келсон не может править, как простой смертный, миледи. Колдунья убьет его, как убила его отца; вы же понимаете это.

— Сила Бриона ею не спасла. И не станет же она убивать беззащитного мальчика!

— Вы и сами понимаете, что станет, миледи, — ответил Морган. — Но по воле Божьей Келсону не придется бороться с Голубой колдуньей, будучи безоружным. У меня есть ключ к силе

Бриона... и она должна перейти к Келсону.

— Нет! — прошипела она, привстав с кресла. — Я не позволю вам это сделать. Келсон еще совсем ребенок.

— Не будьте глупы, миледи, — сказал он, хватая ее за плечи и силой усаживая обратно. — Подумайте как следует. Завтра Келсону исполняется четырнадцать лет, и он по закону может быть коронован. И пощадит ли Голубая колдунья, убившая его отца... — он сделал паузу и подчеркнул, — пощадит ли она сына этого отца только потому, что он слишком молод? Она рвется к власти, миледи. Позволит ли она какому-то простому смертному стоять у нее на пути?

— Нет, — хрипло прошептала она, понурившись.

Морган отпустил ее и сделал шаг назад.

— В таком случае вы позволите мне поговорить с ним?

— Да, — покорно согласилась она, — только не дольше часа.

Однако, когда она проводила его глазами до дверей в сад, на лице ее появилось негодующее выражение.

2

— Что вы сказали моей матери?

Морган, шурша черным шелковым плащом, повернулся на голос, неожиданно раздавшийся за спиной.

— Келсон, — он увидел мальчика, и напряжение на его лице сменилось довольной улыбкой. — Как вы узнали, что я здесь?

Мальчик легко спрыгнул с нескольких ступеней садовой беседки и быстро подошел к молодому генералу.

— Я увидел, как вы вышли от моей матери, и пошел за вами. Я сделал что-нибудь не так? — спросил он, и в серых глазах его мелькнуло опасение при виде удивления друга.

— Нет, нет, мой принц, — ответил Морган, похлопав мальчика по плечу. — Я на самом деле приехал повидаться с вами, а не с вашей матерью. И должен признаться, что сейчас она испытывает ко мне не слишком большую симпатию, — продолжал он. — Я напомнил ей, что вы — король.

Келсон озорно фыркнул.

— Для нее я по-прежнему «ее малыш». Она, кажется, просто не понимает, что завтра я стану королем, — взгляд его сделался задумчивым. — И что, по ее мнению, может еще делать сын Бриона, если не править? Скажите мне вот что, Морган. Вы хорошо знали моего отца. Как по-вашему, смогу ли я когда-нибудь занять его место? Только говорите правду, потому что я пойму, если вы будете мне льстить.

Морган, сложив перед собой руки, задумчиво обошел вокруг юноши, отметил про себя хрупкость его полудетского тела, помня, однако, силу и кошачью грацию его движений. Глядя на Келсона, он словно снова видел Бриона, его открытый взгляд его серые глаза, густую копну блестящих черных волос, царственную посадку головы и ту непринужденность, с которой носил он синее королевское одеяние. Это был Брион Смеющиеся Глаза, Брион Сверкающий Меч, Великодушный Брион, который учил его, мальчишку, фехтовать и ездить верхом; пышный двор которого ошеломлял этого мальчишку своим великолепием; Брион, который просил своего друга поклясться жизнью, что тот будет защищать его сына, если он умрет слишком рано; Брион, который перед своей смертью вручил ключ к своей божественной силе тому человеку, что стоял сейчас перед его сыном.

Морган стряхнул задумчивость и жестом пригласил мальчика сесть.

— Вы — вылитый Брион, мой принц, — сказал молодой генерал, тоже сев на ступеньку. — И он хорошо подготовил вас для той ноши, что ляжет завтра на ваши плечи. Он наверняка предполагал, что вам придется взойти на трон в юном возрасте... пожалуй, он даже ожидал этого, ибо дал вам самое замечательное воспитание, какое только мог.

Он посадил вас в седло чуть ли не с того самого дня, как вы научились сидеть. Ваши учителя фехтования были лучшими из всех, и когда они научили вас тому, что умели, он взялся учить вас сам, и вскоре вы уже побеждали своих наставников. Вы изучали военную историю, стратегию, языки, математику... даже немного астрономию и алхимию.

Ваше воспитание имело также и практическую сторону. Ибо в том, что юному, непоседливому порой наследному принцу дозволялось вопреки правилам сидеть рядом с отцом в зале совета, была своя мудрость. Вы приобретали сызмальства, даже не подозревая об этом, зачатки безупречной риторики и логики, которыми Брион славился не меньше, чем своим умением владеть мечом и своей доблестью. Вы учились давать советы и принимать советы — с разумной скромностью. В результате вы стали понимать, что мудрый король никогда не говорит в гневе и не судит, пока не узнает всех обстоятельств.

Морган помолчал немного, затем задумчиво продолжил:

— Я думаю, что в каком-то смысле вы, мой принц, станете даже лучшим королем, чем Брион. Вы чувствительны, разбираетесь в живописи, литературе и музыке, чего ему не было дано в полной мере, хотя, по моему мнению, это не мешало ему быть прекрасным королем. О, он слушал философов столь же

внимательно, как и воинов, но я не уверен, что он действительно понимал их. Вы же понимаете.

Келсон повернул голову и встретился с генералом глазами.

— Вы забыли кое-что, Морган, — сказал он тихо. — Я не обладаю силой моего отца, а без нее все это ничего не стоит, — он нетерпеливо вскочил. — Отец не сказал вам, как мне остаться королем? И что насчет его убийцы? Могу ли я, смертный, противостоять Голубой Колдунье с пустыми руками? Морган, — с мольбою обратился он к другу своего отца, — что мне делать?

— Вы подошли к самой сути, мой принц, — улыбнулся Морган. — Давайте уйдем отсюда. Мы здесь уже слишком долго. Ваша мать не должна нас прервать посреди этого разговора.

И, взяв юного принца за руку, он повел было его подальше от покоев королевы.

Как раз в этот момент в сад суетливо выбежала полная, запыхавшаяся фрейлина.

— Ваше высочество, — пронзительно закричала она, забыв приветствовать принца реверансом. — Мы вас повсюду ищем. Ваша мать, королева, весьма встревожена, вы же знаете, она не любит, когда вы гуляете в одиночестве. Ведь это так опасно... — она запнулась и умолкла, увидев, что принц находится отнюдь не в одиночестве.

— Вы слышали, Морган? — сказал Келсон, поворачиваясь к своему другу. — Это так опасно! Леди Боллистон, — продолжил он сухо, — не будете ли вы так любезны сообщить моей матери, что я гуляю по саду в полной безопасности с генералом Морганом?

Леди Боллистон узнала Моргана, охнула, прикрыла пухлой ручкой рот, и глаза у нее округлились. Она торопливо присела в реверансе и сказала запинаясь:

— Я не узнала вашу светлость.

— И это вполне объяснимо, леди Боллистон, — кивнул он, — поскольку я давно здесь не бывал. Надеюсь, однако, что впредь вы будете проявлять к своему королю несколько больше уважения, — он дружелюбно улыбнулся. — Ваш выход не был образцом приличий.

Леди Боллистон против воли улыбнулась тоже, подумав про себя, что генерал покойного короля, возможно, вовсе не такое чудовище, каким его описывает королева, и пролепетала свои извинения.

— Но ваша мать желает вас немедленно видеть, ваше высочество, — добавила она.

— По поводу приезда генерала Моргана? — осведомился Келсон. Она не ответила, и он кивнул. — Я так и думал. Что ж,

скажите госпоже королеве, что я уже совещаюсь с сэром Аларикомм и хочу, чтобы меня не беспокоили. Не забудьте добавить, что я в полной безопасности, — закончил он сухо.

— Хорошо, ваше высочество, — она еще раз присела и отправилась обратно на террасу. Когда она скрылась из виду, Морган и принц расхохотались.

— Вы знаете, мой принц, по-моему, ваша матушка решила все-таки не допустить нашей встречи, — сказал Морган, опустив юноше на плечо руку в черной перчатке. — Лучше уйти отсюда, пока она не вышла сама нас искать.

Келсон согласно кивнул, и они быстро пошли прочь.

3

Отец Дункан Мак-Лайн, подняв случайно взгляд от чаши, которую он наполнял святой водой, заметил шедших по двору двух молодых людей. Чтобы лучше видеть, он прикрыл рукою глаза от яркого полуденного солнца. Тот, что помладше, в бархатном плаще, золотое шитье которого так и сверкало в солнечных лучах, — принц Келсон. А старший — глаза молодого священника вспыхнули удивлением и радостью — это же Аларик!

Он поставил на пол пустую бутыль, разгладил помятую сутану и поспешно вышел в галерею.

— Аларик! — он крепко пожал другу руку. — Какой приятный сюрприз! И Келсон, — он обнял юного принца за плечи. — Я просто не верю своим глазам. Сразу два моих самых любимых человека, — сказал он, заводя их в прохладную тень портика. — Однако по лицу Аларика я вижу, Келсон, что это не просто светский визит, не так ли?

— Ты весьма чуток, Дункан, — улыбнулся молодой генерал. — Мне не удавалось тебя перехитрить, даже когда мы были еще детьми. Можем ли мы с Келсоном завладеть тобой и твоим кабинетом примерно на час, чтобы посоветоваться?

Дункан криво усмехнулся, но кивнул.

— Разумеется, ты не мог приехать иначе как по делу, Аларик, — сказал он, подхватывая пустую бутыль и ведя гостей в неф. — Наверное, мне следовало бы стать твоим исповедником... тогда хоть раз в году я уж точно бы тебя видел. Правда, если подумать, это не особенно удачная мысль — слишком хорошо я тебя знаю.

Они остановились в трансепте и поклонились перед алтарем.

— Ладно тебе, Дункан, — посмеиваясь сказал Морган, когда вслед за тем они вошли вместе со священником в боковую дверь. — Я вижусь с тобой куда как чаще; кроме того, от моего замка до

столицы пятьдесят миль.

— Нет, Аларик, можешь не оправдываться. Или обещай навещать меня почаще или забудь о моем кабинете... и поищи другое место для обсуждения своих дел.

Он тщательно прикрыл за собой дверь и подошел к маленькому круглому столу в центре комнаты.

— Хорошо, Дункан, — засмеялся Морган, усаживаясь по его жесту вместе с Келсоном за стол. — Даю слово.

Он отцепил от своего пояса маленький кожаный кисет и начал возиться с его завязками.

— Не найдется ли у тебя что подстелить, Дункан? — спросил он, справившись с ними.

Священник еще не успел ответить, как Келсон выдернул из рукава белый шелковый платок и расстелил перед генералом.

— Это подойдет, Морган?

— Вполне, мой принц, — ответил тот, вынимая из кисета и бережно опуская на шелк что-то золотое и сверкающее. — Узнаете, Келсон?

Келсон тихонько вздохнул, широко раскрыв свои серые глаза в благоговейном удивлении.

— Это Огненный перстень, печать силы моего отца.

— Можно взглянуть? — взволнованно спросил Дункан.

Морган кивнул.

Священник поднял за концы шелковый платок, повертел его туда-сюда, приглядываясь к перстню. В алых отблесках драгоценных камней гладкий металлический ободок его излучал теплое сияние. Затем Дункан опустил платок на стол и расправил смявшийся шелк.

— Что ж, это хорошо, — выдохнул он, и в глазах его появилась надежда. — А еще?

Вместо ответа Морган снова полез в кожаный кисет и вынул из него тяжелую эмалевую брошь величиной с кулак. По краю ее шел гравированный золотом орнамент, а на малиновом поле сиял золотой лев на задних лапах.

— Что это?.. — начал Келсон, недоуменно сдвинув брови.

— Ключ, мой принц, — тихо сказал Морган. — Ключ к силе вашего отца.

Он подал брошь Дункану, который быстро осмотрел ее и передал Келсону.

— Брион рассказал мне обо всем, когда я видел его живым в последний раз. Он предчувствовал грозившую ему опасность, ибо заставил меня поклясться, что, в случае, если он погибнет, я передам брошь и кольцо вам, Келсон. К броши прилагаются еще стихи.

— Какие, Аларик? — спросил священник, нетерпеливо наклоняясь к нему. — Ты знаешь их?

— Да. Но из них мало что понятно. Слушайте.

Он начал декламировать, и лицо его приняло отсутствующее выражение:

Ты ищешь силы — будет так, но возрастет она
В канун дня коронации и перейдет сполна
К тебе, коль будет человек святой служить поводырем
И ты колени преклонишь с защитником вдвоем.
Но правой суждено руке перенести страданье:
В нее вонзятся Зубы Льва — для храбрых испытанье.
Когда же ты его пройдешь, претерпевая муку,
Вольется сила чрез кольцо, надетое на руку.

— Да, — сказал Дункан, откидываясь снова на спинку стула и поднимая бровь. — И что же нам с этим делать?

— Погодите, святой отец, — возбужденно начал Келсон. — Первая часть понятна достаточно: «...возрастет она в канун дня коронации и перейдет сполна...» — и означает это, что все должно произойти нынче вечером. «Святой человек», который послужит поводырем — это вы, отец, а «защитник», с которым я должен преклонить вдвоем колена... — он посмотрел на Моргана.

— Верно, мой принц, — кивнул тот. — Наши с Дунканом роли указаны, но вот ваша?.. Третью строфу я пока вообще не понимаю, но в четвертой явно содержится намек на ритуал коронации, когда архиепископ наденет перстень на вашу руку... правую руку! Как же я сразу не догадался?

— Да, конечно, — подтвердил Келсон. — Отец обычно о таких вещах говорил, пользуясь геральдическими терминами. Это на него похоже.

Келсон поднял брошь и вытянул левую руку.

— «Но правой суждено руке перенести страданье: в нее вонзятся Зубы Льва — для храбрых испытанье».

Он посмотрел на брошь, потом на друзей с забавно-удивленным выражением лица.

— Не понимаю, Морган. У льва нет зубов. Как же?..

— Погодите, — Дункан вскочил на ноги, потянулся за брошью. — Дайте-ка посмотреть.

Он внимательно изучил драгоценность, затем перевернул ее и коснулся застежки.

— Конечно же, — пробормотал он, и взгляд его сделался отсутствующим. — Всегда должно существовать какое-то препятствие, необходимость проявить мужество.

Морган медленно встал, не сводя глаз с Дункана.

— Зубы льва — это застежка? — спросил он тихо.

Взгляд Дункана прояснился.

— Да.

Келсон, перегнувшись через стол, провел пальцем по трехдюймовой тонкой золотой игле. И нервно сглотнул.

— Зубы Льва должны вонзиться в мою руку?

Дункан бесстрастно кивнул.

— Это... будет очень больно, да? — спросил Келсон еле слышно.

Дункан снова кивнул.

— Но другого способа нет, так ведь?

— Нет, мой принц, — ответил священник, лицо которого казалось особенно бледным на фоне его темного одеяния.

Келсон опустил глаза.

— Что ж, значит, это надо сделать. Вы приготовите все необходимое, отец?

— Да, мой принц, — ответил тот. — Вы с Алариком должны прийти сюда снова не позже, чем через час после повечерия.

И он низко поклонился.

Келсон тоже склонил голову в знак благодарности.

— Тогда я ухожу, отец. За оставшееся время я должен понять, что значит быть настоящим королем.

Он повернулся на каблуках и вышел с таким видом, словно на плечи его уже легла вся тяжесть королевского сана. Морган заторопился следом.

— Да поможет вам Господь, мой принц, — тихо сказал священник и благословил уходивших.

4

Морган молча шел по двору за своим юным господином, понимая, что мальчику необходимо побыть наедине со своими мыслями. Келсон тоже молчал, пока они не дошли до дверей, ведущих в королевские покои.

— Морган, — спросил он вдруг, — вы уверены, что мы собираемся сделать именно то, что надо?

— Ну, — задумчиво отвечал Морган, — даже если это не так и магия Бриона потеряна для нас навсегда, мы хотя бы попытаемся что-то сделать. Ведь это право каждого — попытаться, не так ли, мой принц?

— Вы, конечно, правы, Морган, — сказал тот. — Но что, если я не готов?

— Вы куда более готовы, чем вам кажется, — ответил Морган, протягивая руку к двери.

Но не успел он коснуться ручки, как тяжелая дубовая дверь медленно отворилась, и за нею на пороге они увидели испуганную и гневную королеву в сопровождении свиты.

— Где ты был, Келсон? — спросила она.

— С генералом Морганом, матушка. Разве вам не передали?

Сэниль перевела взгляд на Моргана.

— Что вы ему сказали?

Морган скрестил на груди руки.

— Рассказал о его отце, миледи. Можете спросить у него сами.

— Ну, Келсон? — нетерпеливо обратилась она к сыну. — И какою же ложью он тебя потчевал?

— Пожалуйста, матушка, не устраивайте сцен, — сказал Келсон, потихоньку продвигаясь в сторону своих покоев. — Едва ли есть нужда пересказывать вам, о чем мы говорили; вы же знаете, что я должен делать.

Она не ответила, и он обратился к офицеру своей охраны.

— Лейтенант, я ухожу к себе и не желаю, чтобы меня беспокоили до утра. Генерал Морган проведет ночь в моих покоях. Вам ясно?

— Да, ваше величество.

— Вот и хорошо, — Келсон повернулся к матери. — Спокойной ночи, матушка. Я увижусь с вами завтра перед процессией. А сейчас я должен отдохнуть.

Не мешкая более, он вошел в комнату, Морган — за ним, и до оставшихся в коридоре долетел решительный щелчок задвинутого засова. И после секундного замешательства королева со свитой вынуждена была удалиться.

Однако в тени за колоннами таился некто, кого ничуть не смутило и не расстроило то, что принц решил провести остаток дня в уединении. Разлад меж членами королевской семьи только позабавил его, и с мрачной улыбкой он дождался, пока последние звуки шагов затихли в коридоре, затем, запахнув на себе плотнее плащ оруженосца, выскользнул за дверь. Пройдя в королевскую конюшню, где его уже ждал оседланный быстрый конь, он переоделся в темный дорожный плащ и, прежде чем выехать, старательно закрыл лицо широким капюшоном.

Спустя час он был уже далеко за пределами города и, свернув с наезженной дороги на узкую извилистую тропу, поскакал в предгорья. Еще через какое-то время он спустился неверными тропинками по крутым склонам ущелья и совершенно не удивился, когда на дне этого ущелья его вдруг окружили со всех

сторон одетые в синие мундиры солдаты.

— Кто идет? — свирепо вопросил их командир, хватаясь за рукоять меча.

— Лорд Ян, приехал повидаться с графиней, — ответил одинокий всадник, отбрасывая капюшон и спешиваясь.

Офицер с низким поклоном принял у Яна повод и сказал уже другим, подобострастным тоном:

— Простите, милорд. Мы вас не узнали.

— Это меня ничуть не удивляет, — сухо заметил молодой лорд, — поскольку я и не хотел, чтобы меня узнали. Открывайте вход.

Он повелительно махнул рукой, и солдаты поспешили исполнить приказание. Лейтенант приложил пальцы к высеченным в камне скалы неглубоким ямкам, и огромная плита сдвинулась в сторону, открыв в стене ущелья проход. Ян в сопровождении солдат вступил внутрь, плита, закрывавшая вход вернулась на место. Затем солдаты разошлись по своим постам, а вновь прибывший зашагал вперед по коридору.

Стук его каблуков отдавался гулким эхом от мраморных плит. Ян шел и думал, с какими неожиданными людьми сводит порой человека стремление к заветной цели. Вот и Голубая колдунья уже вполне ему доверяет, и после того, как они покончат с юным принцем, у него, Яна, будет достаточно времени и возможностей, чтобы самому завладеть силой колдуньи.

Он уверенно спускался по гранитной лестнице, громко звеня серебряными шпорами, и факелы в кованых подставках бросали кроваво-багровые отблески на его каштановую шевелюру, под которой таились еще более кровавые мысли.

Он миновал сторожевой пост, отсалютовал небрежно и, распахнув половинки золотых дверей, проскользнул внутрь. Затем оперся спиною на изукрашенные дверные ручки и, отогнав на время все темные помыслы, остановил пристальный взгляд на женщине, которая расчесывала в этот момент свои длинные, серебристые, отливающие голубизной волосы.

— Ну что, Ян? — осведомилась она, и ее полные красные губы искривились в почти свирепой улыбке.

— Сын Льва засел на ночь в клетку, крошка моя, — вкрадчиво сказал он и не торопясь, с небрежной грацией, приблизился к ней. — В королевском семействе раздоры. Сын холоден с матерью, которая так старается его защитить, и та ссорится с генералом, который распаляет мальчишку рассказами о доблести отца.

Он расстегнул тяжелый плащ, сбросил его на табурет и, отцепив меч, опустился на широкую, застеленную атласным

покрывалом кушетку.

— А юный принц? — допытывалась она. — Очень ли ему не по себе в ожидании коронации?

В голосе ее звучала насмешка. Она отложила серебряную щетку на туалетный столик, встала, и газовое платье окутало ее фигуру воздушным лазоревым облаком.

— Думаю, он весьма расстроен, — улыбнулся молодой лорд и прилег, опершись на локоть. — Ушел отдыхать и приказал, чтобы до утра его не беспокоили. Если он вдруг выйдет, мы об этом сразу узнаем.

Его зеленые глаза жадно следили за каждым ее движением.

— Чудесно, Ян, — тихо сказала она, и в голосе ее прозвучали низкие, грудные ноты. Затем она плавно двинулась к нему. — Ты хорошо потрудился, — кончиками пальцев она коснулась его плеча и улыбнулась. — Голубая колдунья тоже желает отдать на ночь такой приказ.

5

Когда вдали отзвонили после вечерни колокола, Морган вскочил и по-кошачьи потянулся. Подойдя к окну, он приподнял край занавеса, выглянул в сгустившийся сумрак, затем отпустил тяжелую ткань, и та упала на место. Морган подавил зевок, подошел к богато изукрашенному канделябру, зажег свечи и поставил его возле королевской постели.

Келсон внезапно открыл глаза и огляделся по сторонам.

— Кажется, я заснул, — сказал он, приподнявшись на локте. — Нам пора?

— Нет еще, мой принц, — ответил Морган, подойдя к шкафу и рассматривая одежду. — Повечерие еще не отзвонили.

Он выбрал темно-серую шелковую тунику, отделанную золотом и жемчугом, и бросил ее на ближайший стул.

— Это, пожалуй, подойдет.

Затем он устало опустился в кресло возле камина и, рассеянно приглаживая волосы, несколько мгновений смотрел в огонь.

— Вообще-то, если поразмыслить, собраться вам лучше уже сейчас.

— Удивительный вы человек, Морган, — сказал Келсон, глядя на молодого генерала. — Когда вы сказали, что мне надо отдохнуть, я был уверен, что глаз не сомкну, но вы рассеяли мою тревогу своим спокойным голосом и тихими речами, и я заснул.

Морган ответил рассеянно:

— Вы просто очень устали, мой принц.

Он снова уставился в огонь, и Келсон, поняв, что других объяснений не услышит, прошел в гардеробную.

Просидев неподвижно еще несколько секунд, Морган вдруг встрепенулся и вскочил на ноги. Сбросил куртку и кольчугу, быстро ополоснулся над тазом в умывальной комнате и, когда Келсон вернулся, уже снова натягивал кольчугу поверх шелковой рубахи.

— Вы ждете каких-то осложнений? — спросил юноша, глядя встревоженно на ее стальные колечки.

Морган усмехнулся.

— Нет, мой принц, но лучше быть готовым ко всему, — сказал он, зашнуровывая бока. — И я хочу извиниться за то, что был не слишком вежлив с вами. Вы нуждались в утешительных словах, а я был резок. С моей стороны это глупость.

Он слегка подтолкнул принца, проходя мимо, и Келсон слабо, протестующе улыбнулся.

— Не будьте так серьезны, мальчик мой, — сказал Морган, роясь в своем седельном вьюке и доставая черный бархатный камзол с золотой каймой. Его он натянул поверх кольчуги. — Магия вашего отца никак не может повредить сыну — скрытая в тексте угроза относится не к законному наследнику, а к тому, для кого эта магия не предназначена.

Прицепив меч и надев плащ, он подошел к шкафу, вынул темно-красный бархатный плащ и подал юному принцу. Келсон, одевшись, расправил на плечах воротник из черно-бурой лисицы и повернулся к двери.

— Не сюда, — сказал Морган, схватил его за руку и подвел к стене у балконного окна. — Подождите немного...

Отойдя от стены, Морган осмотрелся и встал обеими ногами на одну из плит пола. Затем, вытянув указательный палец, он начертил в воздухе какой-то сложный рисунок, и часть стены с тихим шорохом ушла назад, открыв темную лестницу.

Келсон открыл рот от удивления.

— Откуда это здесь? — спросил он недоверчиво.

— Я полагаю, кто-то когда-то ее построил, мой принц, — заметил генерал, вступая в проход. — Таких во дворце немало. Идемте.

Он подал руку принцу, и, когда Келсон двинулся за ним, колокола вдалеке прозвонили повечерие. Через десять минут они были уже во дворе, и темная громада церкви неясно вырисовывалась перед ними на фоне ночного неба. Под прикрытием темноты они прошли в портик и, никем не замеченные, остановились в нише.

В церкви в этот час было пусто и тихо, тьму рассеивали лишь огоньки поставленных во исполнение обета свечей, слабо озарявшие каменные полы и бросавшие отблески на темные витражи. Перед алтарем склонилась одинокая фигура в черном, очерченная бледным красным сиянием неугасимой лампады. Услышав звук шагов Моргана и Келсона, Дункан повернулся и вышел им навстречу в трансепт.

— Все готово, — шепнул он и провел их в свой кабинет. Больше он не сказал ни слова, пока они не расселись вокруг маленького стола, на котором зловеще мерцала брошь с золотым Львом, лежавшая на малиновой подушечке.

— Келсон, — тихо начал священник, сложив перед собой руки, — то, что я должен сказать, касается главным образом вас.

Келсон с бледным в свете свечи лицом серьезно кивнул, и Дункан продолжил:

— Ритуал будет очень прост: мы войдем в церковь. Вы встанете на колени у ограды алтаря. Я дам вам мое благословение, Келсон; затем вы, своей рукой и по собственному желанию должны будете вонзить зубы Льва в ладонь вашей левой руки. Если Господь с нами, вы почти сразу ощутите прилив силы. Ощущение это должно походить на головокружение. Возможно, вы потеряете сознание. Но я не уверен. Это станет ясно по ходу дела.

Келсон, еще более побледневший, тихо вздохнул.

— Есть еще что-нибудь, что я должен знать, отец?

— Нет, сын мой, — мягко ответил Дункан.

— В таком случае, — дрогнувшим голосом сказал юноша, — перед тем, как мы приступим, мне хотелось бы немного побыть одному.

— Конечно, мой принц, — ответил священник, вставая. — Аларик тем временем поможет мне облачиться.

Морган заговорил только в ризнице.

— А вдруг что-то пойдет не так, Дункан? — спросил он, протянув священнику белоснежный стихарь, который тот бережно принял у него из рук. — Это может его убить?

— Это наша единственная возможность, — отвечал Дункан. — Мы оба с тобой знаем, что произойдет, если он встретится с Голубой колдуньей, не обладая силой... это уж точно.

Он поднес к губам край парчовой епитрахили, затем возложил ее на плечи.

— А так у мальчика хотя бы есть шанс. Брион знал своего сына. Я думаю, все должно получиться. Пойдем, — он положил руку на плечо Моргана. — Мы должны сделать все, что в наших силах.

И они вернулись обратно в кабинет, где сидел в ожидании своей участи юный принц.

Келсон же в раздумье смотрел на огонек единственной свечи. Либо он познает вскоре силу своего отца, либо не познает ничего; мысли его обратились к двум верным друзьям, которые сопровождали его на этом пугающем пути в неизвестное: к Моргану, что был другом его отца и едва ли не вторым отцом для него самого, и к Дункану, молодому священнику, который был его наставником с тех пор, как он себя помнил.

Он даже упрекнул себя за то, что мог усомниться хотя бы на миг в их мудрости, и душу его согрела мысль, что этой ночью, что бы с ним ни произошло, они будут рядом. И когда отворилась дверь, он с улыбкой поднялся на ноги, и Морган, увидя доверчивое выражение его лица, ответил ему подбадривающей улыбкой.

— Вы готовы, мой принц? — спросил Дункан, поднимая брошь вместе с подушечкой и передавая ее Моргану.

— Да, отец, — последовал ответ, и все трое вышли в церковь.

Принц и его защитник встали на колени у алтарной ограды, отцепили мечи и положили их на пол перед собой, а священник, приблизившись к алтарю, прочел молитву. Затем, перекрестившись, Дункан поднялся по ступеням, поцеловал алтарную плиту и, повернувшись, протянул к ним руки.

— *Dominus vobiscum.*

— *Et cum spiritu tuo*, — ответили они.

— *Oremus.*

Священник снова повернулся к алтарю, прочел еще одну молитву, завершив ее торжественным: *«Per omnia saecula saeculorum»*. Морган и Келсон ответили тихим *«Amen»*.

Тогда Дункан спустился, остановился перед коленопреклоненным Келсоном и возложил руки на голову юного принца.

— Да благословит тебя Господь Всемогущий, Отец, Сын и Дух Святой. Аминь.

Перекрестил принца, поднял брошь со Львом с ее бархатного ложа и опустил в протянутые руки Келсона.

— Смелей, мой принц, — шепнул он и вернулся к алтарю. — *Domine, fiat voluntas tua!*

Руки у Келсона слегка дрожали, когда он поднял золотую застежку над левой ладонью. Но, собравшись с духом, он решительно вонзил тонкую иглу в свою плоть. Потемневшая игла вышла с другой стороны кисти, и принц чуть не задохнулся от боли и с тихим стоном, чувствуя, как эта боль разливается огнем по всей руке, пригнулся к полу.

Морган привстал было, чтобы поддержать своего юного господина, но Дункан, повернувшись к ним, прошептал:

— Не надо! Подожди!

Он пристально следил за мучениями принца, и Морган, не смея вмешиваться, снова опустился на колени.

Вскоре стоны юноши затихли, он удивленно выпрямился, и на лице его они отчетливо увидали испуг и смятение.

— Отец, — прошептал он, — все кружится перед мной... — он закачался как пьяный, выражение страха в глазах усилилось, — отец, темно... — и упал на пол.

— Келсон! — вскрикнул генерал, бросаясь на помощь. Дункан тоже подбежал и, встав рядом на колени, осторожно поднял левую руку мальчика.

— Мы оказались правы, — сказал он, выдернув иглу и перевязав ранку платком. — Он получил силу. Все признаки налицо. Пойдем, — он принялся стаскивать с себя облачение, — надо отнести мальчика обратно в его покои. Он проспит до утра, но я пойду с тобой и тоже послежу, чтобы его никто не побеспокоил за это время.

Морган кивнул и, плотнее запахнув на Келсоне красный бархатный плащ, поднял бесчувственное тело на руки. Дункан взял мечи, и, каждый со своей ношей, они вернулись украдкой в покои юного короля.

Там Морган осторожно уложил Келсона на кровать, обмакнул шелковую тряпицу в какую-то едкую жидкость и несколько раз тщательно протер ранку на руке, а затем снова перевязал ее. Дункан в это время расшнуровал Келсону башмаки. Когда священник принялся стаскивать с него плащ, глаза мальчика приоткрылись.

— Святой отец? Морган? — чуть слышно позвал он.

— Мы здесь, мой принц, — Дункан опустился на колени возле кровати и взял мальчика за правую руку.

— Морган, — тихо продолжал тот, — я услышал голос моего отца, а потом испытал престранное ощущение. Словно меня окутал трепещущий солнечный свет... или шелк. Сначала я испугался, но потом...

— Помолчите пока, мой принц, — заботливо сказал Морган, кладя руку на лоб мальчика. — Сейчас вам надо спать, отдыхать. Усните, мой принц. Я буду рядом.

Он еще говорил, когда веки Келсона дрогнули и опустились, и дыхание стало ровным, как при глубоком сне. Морган улыбнулся, пригладил ему взъерошенные волосы и закутал поплотнее в одеяло своего молодого господина. Затем погасил свечи и поманил Дункана за собою на балкон. Они вышли, и на

фоне ночного неба из комнаты видны были только два темных силуэта.

— Он очень доверяет тебе, Аларик, — с восхищением сказал молодой священник.

Морган оперся на перила, вглядываясь сквозь тьму в лицо Дункана.

— Как и тебе, друг мой.

— Да, — ответил священник, кладя руки на перила и глядя на спящий город. — Надеюсь, мы навсегда останемся достойными этого доверия. Он слишком молод для ноши, которую мы взвалили на него нынче ночью. И Господь знает, что его новая сила не облегчит нам задачи быть его защитниками.

Морган тихо усмехнулся.

— Мы заботились о Брионе, потому что так нам было легче или потому что любили Бриона, любим его сына и считаем, что так нужно?

— Ты прав, Аларик, — вздохнул священник. — Знаешь, порой я думаю, что ты понимаешь меня лучше, чем я сам.

Морган шутливо толкнул Дункана в бок.

— Не будьте столь серьезны, отец Мак-Лайн. На этот раз ты проделал всю работу. А я был не у дел. И понятия не имел, несмотря на все свое увлечение оккультными науками, к чему может привести этот шаг Келсона.

— Зато, не получи ты от Бриона ключ, мы не сделали бы вообще ничего, — ответил Дункан. — Что бы я мог без броши и стихотворения? — он тихо засмеялся. — Но пора бы нам перестать хвалить друг друга и отправлять меня домой. Если меня здесь застанут, будет довольно неприятно и трудно объяснять мое присутствие. Кроме того, — добавил он, возвращаясь в комнату, — для Келсона я, кажется, больше ничего не могу сделать. Если не случится что-то непредвиденное, он проспит до рассвета. И тебе, Аларик, тоже надо отдохнуть.

Морган согласился, они пожали друг другу руки, и Дункан исчез в потайном ходе, который с шорохом закрылся за ним.

Морган же, расстегнув плащ, придвинул кресло поближе к кровати принца, опустился в него устало и запахнулся в плащ как в одеяло. Несколько мгновений он пристально всматривался в лицо Келсона, но, убедившись, что тот по-прежнему крепко спит, сбросил башмаки и позволил себе расслабиться, зная, что мгновенно проснется, если в комнате что-то изменится.

6

Морган открыл глаза, когда рассветную тишину вдруг нарушил быстрый и легкий стук в дверь. Мгновенно насторожившись, он вскочил и отодвинул засов. Ему почтительно поклонился камердинер, одетый в красную с синим ливрею.

— Простите, ваша светлость, — настойчиво сказал он, — постельничьи желают знать, когда им можно войти, дабы одеть короля для коронации.

— Пришлите их примерно через полчаса, — ответил Морган, — и пожалуйста, попросите стражу сходить за отцом Мак-Лайном. Его высочество перед началом процессии захочет с ним повидаться.

Камердинер поклонился и поспешил прочь, Морган закрыл дверь. Неслышно ступая, генерал подошел к балкону и раздвинул атласный занавес, впустив бледный утренний свет, затем подкинул дров в камин, чтобы прогреть остывшую за ночь комнату. Он вынул из шкафа толстый шерстяной костюм и, когда надевал его, почувствовал вдруг, что за ним наблюдают. Затягивая на своей тонкой талии пояс, он обернулся и улыбнулся Келсону.

— Доброе утро, мой принц, — весело сказал он, подошел к кровати и присел на краешек. — Ночью температура сильно упала... день вашей коронации обещает быть холодным.

— Который час, Морган? — спросил принц, садясь в постели.

— Не столь поздний, как вы думаете, мой принц, — засмеялся Морган, толкая Келсона обратно на подушки. — Постельничьи придут через полчаса, камердинер уже приготовил ванну, а до начала процессии еще два часа. Как ваша рука?

Он размотал повязку на руке и осмотрел ранку.

— Почти все уже зажило. Обойдемся без повязки. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, Морган. Можно мне встать?

— Конечно, мой принц, — он показал на гардеробную. — Как явятся постельничьи, я их к вам пришлю.

Келсон, неприязненно морща нос, отбросил одеяло и встал.

— Зачем они мне, Морган? Я и сам могу одеться.

— Затем, что в день коронации короля должны одевать постельничьи, — засмеялся Морган, подталкивая его к двери. — Завтра вы, коли пожелаете, можете уволить хоть всю свою личную прислугу, но сегодня вас будут одевать, как подобает королю, — ибо вам надлежит думать о своих королевских обязанностях, а вовсе не ломать голову над тем, как справиться со всеми этими странными одеждами... и, стало быть, придут постельничьи, числом шесть, — он в притворном ужасе вскинул брови.

— Шесть! — взвыл Келсон и, войдя в гардеробную, весело

захихикал. — Морган, порой я думаю, что вы нарочно говорите такое...

Дверь за ним закрылась, и конца фразы Морган не услышал.

Он усмехнулся и пошел было к камину, но, увидев в зеркале на стене свое отражение, резко остановился. Ну и вид у него! Глядя печально на измятую тунику, он подумал, что она была слишком хороша, чтобы в ней спать, потом провел рукой по заросшему подбородку. Другой одежды все равно нет, ничего не поделаешь, а борода... Он достал бритву, мыло и принялся за дело, и едва успел покончить с выросшей за ночь щетиной, как раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал он, стирая мыло с лица.

Дверь открылась, из-за нее выглянули два голубых глаза под копной прямых темных волос.

— Ага! — послышался голос их хозяина. — Наш сердцеед заботится о своей наружности. Держи! — и Дункан бросил удивленному другу большой узел.

— Что?.. — начал Морган. — Дункан, где ты это раздобыл?

— А, — небрежно сказал молодой священник, подходя к рывшемуся в узле Моргану. — Я подумал, что Королевскому Поборнику для коронации может понадобиться соответствующее одеяние.

— Королевскому Поборнику? Откуда ты знаешь?

— Видишь ли, Келсон иногда говорит мне то, чего не говорит даже тебе. Да и кто, интересно, мог бы им стать, если не ты, бешеный боевой жеребец? Я, что ли?

Морган довольно усмехнулся, покачал головой и начал стягивать с себя мятую одежду.

— Как рука Келсона? — спросил священник, подавая ему алую шелковую рубашку. — Когда ты перевязывал ее ночью, мне почудился запах мераши, — он искоса поглядел на Моргана.

— Рука в порядке, — смущенно ответил Морган, надев рубашку и зашнуровывая ее, — но я надеялся, что ты не узнаешь мерашу. Одного моего старого наставника весьма огорчит, что о занятиях его оккультными науками стало известно священнику.

— Так и прекрати это, Аларик. Терпеть не могу это твое увлечение магией, которой тебе не дано владеть, — он передал генералу черные шелковые чулки и штаны. — Где Келсон?

— Принимает ванну. Он тоже огорчен... из-за постельничьих; не понимает, почему не может одеться сам. Я объяснил ему, что это одно из тяжких испытаний королевского сана и что сегодня с их присутствием всяко придется смириться.

Дункан усмехнулся.

— Когда он увидит все, что должен надеть, он им только

обрадуется, — священник протянул Моргану легкую кольчугу и сел. — Перед праздничными службами я сам радуюсь, что у меня есть помощник для облачения. Да... — протянул он задумчиво, — там столько мелких застежек и шнурков...

— Ладно, рассказывай, — смешливо фыркнул Морган, натягивая кольчугу, — тебе же все это очень нравится.

Затем он надел начищенные до блеска черные ботинки, поданные Дунканом, и тут в дверь снова постучали.

— А вот и они, — сказал Морган, застегивая последнюю пряжку. — Войдите.

В дверь прошли друг за другом шесть человек в красных ливреях, нагруженные одеждой, шкатулками и узлами, и поклонились.

— Ваша светлость, мы королевские постельничьи, — заявил первый.

Морган кивнул и направил их в гардеробную Келсона. Когда они исчезли за дверью, он покачал головой и улыбнулся.

— Мне жаль бедного мальчика. Ты же знаешь, как он ненавидит наряжаться.

Дункан пожал плечами и передал Моргану черный бархатный камзол, отделанный золотом и рубинами.

— Ему придется к этому привыкнуть, Аларик.

Он помог Моргану расправить широкие рукава так, чтобы в разрезы их выглядывала нижняя алая рубашка, потом повязал вокруг тонкой талии генерала широкий атласный пояс.

— Ну и ну, — проворчал он, прицепляя к незаметному кольцу на поясе Моргана меч. — Из тебя, пожалуй, получится самый красивый Поборник всех времен.

Морган повернулся перед зеркалом с гордостью ребенка, получившего новую игрушку.

— А знаешь, Дункан, — поддразнил он весело, — ты ведь прав!

Дункан шутливо шлепнул его по руке, чуть не выронив приготовленный плащ с красным подбоем.

— Но к тому же и самый тщеславный из всех Поборник!

Он увернулся от ответного тычка и погрозил Моргану пальцем из-за кресла.

— Эй, эй! Не забывай, что я твой духовный отец и говорю тебе это для твоего же блага!

От смеха они оба чуть не упали.

— Скорее, — выдохнул Морган, — прикрой мое великолепие плащом, пока я не лопнул от гордости!

Слова эти вызвали новый приступ веселья, и, застегнув кое-как плащ на плечах Моргана, они, обессилев от смеха,

повалились в кресла.

Из-за двери гардеробной высунул голову один из постельничьих.

— Что случилось, ваша светлость? — спросил он, округлив глаза.

Морган, еще задыхаясь, только отмахнулся.

— Нет, нет, все прекрасно, — ответил он, беря себя в руки. — Готов ли принц Келсон? Отцу Мак-Лайну пора идти в собор.

— Готов, святой отец, — сказал Келсон, входя в комнату.

Морган и Дункан, не веря своим глазам, одновременно поднялись на ноги — неужели это тот самый мальчик, который стоял ночью в соборе на коленях, дрожа от страха? Теперь они видели перед собой короля в белых шелках и атласе, похожего на юного ангела, сияющая белизна одежд которого была расцвечена лишь рубиновой и золотой отделкой по подолу и краям рукавов. На плечи его был накинут великолепный атласный плащ цвета слоновой кости, жесткий от золота и драгоценных камней, в руках Келсон держал лайковые перчатки без единого пятнышка и позолоченные серебряные шпоры. Черноволосая, цвета воронова крыла голова его была непокрыта, как подобает некоронованному монарху.

— Я вижу, вам уже сообщили о вашей новой должности, Морган, — сказал он смешливо. — Вот, — он протянул шпоры, — это вам.

Морган опустился на одно колено, почтительно склонив золотоволосую голову.

— Мой принц, у меня нет слов.

— Пустое, Морган, — криво улыбнулся принц. — Главное, чтобы вы не лишались дара речи, когда мне будет нужен ваш совет, — и жестом велел ему подняться. — Возьмите же шпоры, и пусть мои постельничьи помогут вам завершить одевание, а я пока побеседую с духовником.

Он вышел вместе с Дунканом на балкон и прикрыл дверь. Сквозь балконное стекло им был виден раздосадованный Морган, за которого теперь принялись постельничьи.

Келсон улыбнулся.

— Как по-вашему, отец, он очень сердится?

— Сомневаюсь, мой принц. Он был слишком горд, когда вы вошли, чтобы долго сердиться.

Юный принц коротко улыбнулся и посмотрел на раскинувшийся внизу город.

— Отец, — спросил он тихо, — что делает человека королем?

— Вряд ли кто-нибудь ответит вам на этот вопрос, сын мой, — задумчиво сказал Дункан. — На самом деле короли, возможно,

не так уж и отличаются от обыкновенных людей; разница лишь в том, что на них возложена более суровая ответственность.

Келсон некоторое время обдумывал его слова, потом опустился перед священником на колени.

— Благословите меня, святой отец, — сказал он, наклоняя голову. — Я совсем не чувствую себя королем.

7

Томас Грейсон, архиепископ Сорандорский, в ожидании часа коронации с благоговением и немалым опасением взирал на собравшуюся возле его дворца толпу. Невзирая на холод в это ноябрьское утро на улицы вышло столько народу, сколько не собиралось даже в день коронации Бриона пятнадцать лет назад. Но люди не ликовали, как полагалось бы в такой день, они стояли тихо, и на лицах их читалось только напряженное и испуганное ожидание.

«Они знают, с кем должен встретиться их король, — думал он угрюмо, — и боятся за него, как и я. И неужели мы будем вот так стоять молча и смотреть, как он погибает, и никто не придет ему на помощь? Вдруг Морган и Дункан все-таки придумали что-то, нашли какой-то неожиданный выход? Можно ли на это надеяться?»

Он вздохнул смиренно и отошел от окна, чтобы приготовиться к облачению. Придет Дункан, соберется свита, и они отправятся к дверям собора — ждать прибытия своего нового короля, дабы ввести его в храм и представить подданным.

Взяв в руки брошь со Львом, Келсон рассеянно провел по ней пальцем, затем, спохватившись, приколол к тунике.

— Кареты готовы, мой принц, — сказал Морган, заглянув в дверь. — Выходим?

— Да, — ответил Келсон, напоследок окидывая взглядом свои покои.

— Покои ваши никуда не денутся и после коронации, мой принц.

— Разумеется, — хмуро ответил Келсон, — но я-то думал о том, окажусь ли я здесь еще раз или нет.

Морган быстро вошел в комнату и взял Келсона за руку.

— Не желаю и слушать таких разговоров, — он вывел принца в коридор, где ожидала почетная стража. — Через три часа вы станете законным королем Сорандора, и никто не может вам в этом помешать, даже наша голубая подружка.

Они спустились по лестнице во двор, где собралась

процессия, и Келсон мрачно улыбнулся.

— Постараюсь помнить об этом, — сказал он, — хотя, боюсь, у нашей голубой подружки на сей счет несколько иные планы.

Чтобы посмотреть на выезд своего молодого господина, во двор вышли все королевские домочадцы, и, когда принц со своим телохранителем шел к экипажу королевы, народ расступался перед ними.

В больших зеленых глазах Сэниль при виде преобразившегося сына явственно отразилось удивление, и на приветствие Келсона, поцеловавшего ей руку, она ответила нерешительной улыбкой.

— Келсон, сын мой, — пробормотала она, когда он помог ей забраться в экипаж, — ты стал мужчиной. Я не думала...

Морган, стоя в стороне, эту перемену в королеве отметил с удовлетворением. И с одобрением отнесся также к тому, что по случаю коронации сына она отказалась от траура, хотя утрата ее была еще так свежа. Она надела темно-зеленое бархатное платье, чудесно оттенявшее белизну ее кожи и рыжие волосы, — Брион любил, когда она носила этот цвет, — и о трауре напоминало лишь черное кружево на ее изумрудной диадеме.

Глядя сейчас на сына, она вся светилась, как в былые времена, до смерти мужа. И, когда Келсон отправился наконец к своей карете, ее взгляд вослед ему, все ее существо, казалось, так и лучились любовью и гордостью.

Юный король поднялся в экипаж, обменялся с Морганом победными взглядами, и Морган подал знак распорядителю начинать выезд. Затем молодой генерал, гарцуя на своем черном жеребце рядом с королевской каретой, отсалютовал монарху, и процессия медленно тронулась к Сорандорскому собору.

— Хватит ходить туда-сюда, Ян, — рявкнула Голубая колдунья, опуская на свои серебряные волосы сапфировую диадему. — Ты действуешь мне на нервы.

Ян остановился.

— Извини, крошка, — сказал он добродушно. — Но я столько ждал этого дня, и мне не терпится выйти. Ты же знаешь, как я не люблю ждать.

— Да, — загадочно улыбнулась она, — знаю. Надеюсь только, что ты не будешь разочарован. Пусть этот принц-выскочка и не имеет силы своего отца, но нам придется еще иметь дело с Морганом, — она поднялась на ноги. — Ох, уж этот Морган. Будь осторожен с ним, Ян. Я боюсь его и боюсь власти, которую он имеет над нашим юным принцем. Ты должен постараться сразить его в самом начале поединка — иначе он может тебя одолеть. Ходят слухи, что он еще и магией занимается, но я думаю, это несерьезно. Как бы там ни было, его необходимо уничтожить. Ты

понимаешь это?

Ян вкрадчиво поклонился.

— Конечно, крошка, — сказал он нараспев и, подняв ее шелковый плащ, поднес ей. Про себя же подумал: «А после того как мы расправимся с Морганом и принцем, я с удовольствием расправлюсь с тобой».

Он закрепил у ее белоснежного горла холодную, украшенную драгоценными камнями застежку плаща и сказал:

— Лошади и эскорт ждут нас у входа, миледи.

— Благодарю, милорд Ян, — отозвалась она, бросив на него косой взгляд. — Что ж, пора выходить.

В ответ на ее выразительный жест Ян с поклоном и расшаркиванием открыл двери. И, в сопровождении четырех стражников в голубых мундирах, колдунья и Ян двинулись по мраморному коридору на встречу с принцем Келсоном.

8

Под монотонное бормотание архиепископа Келсон, стоя на коленях, заново переживал события последнего часа. Когда торжественная процессия достигла собора, архиепископ Грейсон и еще дюжина прелатов ввели его внутрь и представили подданным как их истинного монарха, после чего он принес перед ними и Всемогущим Господом свою королевскую присягу. Затем в знак божественности его права на власть он был помазан священным елеем и преклонил колени, дабы получить благословение архиепископа.

Архиепископ прочел свою молитву, Келсон встал, и несколько священников сняли с него драгоценную атласную мантию, которую он носил как принц Сорандора, дабы облечь его теперь символами нового сана. К каблукам его прицепили золотые рыцарские шпоры, и Морган, Королевский Поборник, вынес из алтаря Меч Державы, который Келсон поцеловал, затем меч вернули в алтарь; Дункан и еще несколько прелатов уже надевали на него блистающую красную королевскую мантию, когда тишину нарушил вдруг раздавшийся на улице перед собором топот подкованных сталью копыт. Потом за тяжелыми дверями собора послышался угрожающий звон обнажаемого металла.

Келсон, садясь в коронационное кресло, стоявшее спинкой к выходу, бросил на Моргана короткий вопросительный взгляд, тот кивнул и придвинулся ближе. И когда архиепископ вручил юноше королевский скипетр, двери собора с грохотом распахнулись и по

нефу пронесся порыв ледяного ветра, заглушив на мгновение глуховатое бормотание священнослужителя.

Затем в нефе зазвучали чьи-то шаги, и замерший Келсон смотрел, как холодеет лицо Моргана и как рука его Поборника тянется к рукояти меча. Архиепископ тем временем поднял Огненный перстень, сверкающий золотом и рубинами.

Взмолившись про себя, чтобы Бог послал ему силы противостоять колдунье, Келсон вытянул руку. И когда холодный металлический ободок скользнул на указательный палец, он коротко, торжествующе улыбнулся, и двое друзей его с трудом удержались от такой же улыбки. Шаги, звучавшие уже в трансепте, внезапно замерли, и Келсон заметил, как побледнело лицо его матери.

Архиепископ же, стараясь не обращать внимания на незваных гостей, поднял украшенную драгоценными камнями и тончайшей резьбой корону Сорандора.

— Молим Тебя, Господи, благослови корону сию и слугу Твоего Келсона, на чью голову ныне возлагаешь Ты ее, как знак королевского величия. Да преисполнится он милостью Твоею всех добродетелей монарших. Возблагодарим же Царя Небесного, Господа нашего.

В полнейшей тишине, ибо все молчали в страхе, корона была возложена на голову нового короля, и вслед за тем о ступени алтаря лязгнула сталь, нарушив эту тишину.

Келсон поднялся, взглянул на латную рукавицу на нижней ступени — смысл ее был вполне очевиден — и, величественно повернувшись к тем, кто вызывал его на бой, не торопясь выступил вперед.

— Что нужно вам в храме Господнем? — спросил он, и в голосе его прозвучала властная, спокойная сила, заставившая всех присутствующих забыть на миг о его юности.

— Твоя смерть, Келсон, — ответила Голубая колдунья, насмешливо приседая в реверансе. — О чем ты спрашиваешь? Ради твоего трона я уже убила многих.

Она сладко улыбнулась. Ян и еще дюжина вооруженных воинов рядом с нею смотрели на молодого короля с вызовом.

— Ваши шутки, графиня, нынче утром не кажутся мне забавными, — холодно сказал Келсон. — К тому же, позволив своим людям войти сюда с оружием, вы преступили все границы. Вы совсем не уважаете обычаи народа, которым надеетесь править? Не уважаете и правил собственного перемирия?

Графиня равнодушно пожала плечами и показала на латную рукавицу, лежавшую между ними.

— Вы забыли про вызов, ваше величество? Мне казалось, ваш

знаменитый Поборник просто жаждал сразиться со мной, — и холодно продолжила: — Вот мой вызов, и вот мой Поборник. Отважится ли ваш слуга поднять перчатку?

Морган, чуть покраснев, двинулся было вперед но Келсон остановил его взмахом скипетра.

— И вы посмеете обнажить против меня оружие в храме? — обратился Келсон к поборнику в голубых одеждах.

В ответ Ян вкрадчиво поклонился и выдернул со свистящим звуком меч из ножен.

— Тысячу раз да, принц Келсон, — сказал молодой лорд, вскидывая меч. — И если он не спустится и не сразится со мной, я поднимусь и убью его там, где он стоит.

— Попридержи язык, предатель, пока ты не победил, — Морган выхватил свой меч из кожаных ножен и спрыгнул со ступеней навстречу нетерпеливому противнику, подхватив по пути рукавицу. — Ради короля Келсона я принимаю твой вызов и отвечаю на него!

Он швырнул рукавицу к ногам лорда Яна.

— Прекрасно, Морган, — задумчиво сказал Ян, рассматривая своего противника и почти лениво поводя мечом перед собою, — наконец-то мы встретились. Что ж, давай решим наш маленький спор раз и навсегда!

Внезапным выпадом он попытался сразу прорвать оборону Моргана, но генерал оказался хитрее, и меч его принялся плести стальную гулящую паутину, без труда отражая все атаки. Проверив же умение Яна, Морган перешел в наступление и через несколько секунд уколол противника. Ян, как и было рассчитано, взбешенный полученным ударом, очертя голову бросился вперед, и, хотя ему удалось парировать очередной выпад, он открылся, и ответный удар Моргана пришелся в его незащищенный бок. Меч выпал из его руки, Морган выдернул свой клинок, и Ян с удивленным и мгновенно побледневшим лицом опустился на пол. А Морган, презрительно кивнув головой, вытер лезвие о запятнанный кровью плащ молодого лорда и спокойно пошел обратно к своим товарищам.

— Морган! — отчаянно вскрикнул Дункан.

Тот мгновенно обернулся, отпрянул, но все же не успел уклониться от летевшего ему в спину кинжала. Он недоверчиво схватился за плечо, меч выскользнул из внезапно онемевших пальцев, а Ян, лежавший на полу в дюжине ярдов от него, отрывисто рассмеялся.

— Я изумлен, Морган, — взгляд его уже туманила близость смерти. — Весьма неосторожно с твоей стороны оставлять раненому врагу оружие. Но это хорошо, — он задохнулся,

вскинул руку в последнем салюте, — ты еще можешь последовать за мной...

Он тяжело рухнул на пол и умолк навсегда. Морган растерянно смотрел на своего бывшего противника.

Дункан и священники бережно усадили Моргана на ступени, встревоженный Келсон, подхватив и перекинув через руку край тяжелой мантии, подошел к своему другу и наклонился над ним.

— Простите, мой принц, — пробормотал Морган, и бисеринки пота выступили над его верхней губой — Дункан в это время осторожно исследовал раненое плечо. — Я сделал глупость, повернувшись к нему спиной, даже и к умирающему.

Дункан выдернул тонкий клинок, генерал вздрогнул, скрипнул зубами, но тут же обмяк, едва не потеряв сознание. Молодой священник принялся перевязывать рану. Келсон коснулся руки друга утешающим жестом, потом выпрямился и спустился на несколько ступеней к Голубой колдунье.

— Игра окончена, графиня. Вы можете уйти.

Колдунья, находившаяся под защитой своих солдат и своей магии, лишь сардонически улыбнулась.

— О, да наш юный принц расхрабрился! Можно было бы даже поверить, будто он имеет в своих руках какую-то силу, — она смерила его с головы до пят ледяным взором. — Но мы-то все знаем, что сила его отца умерла вместе с ним месяц назад, не так ли? — и сладко улыбнулась.

— Знаем ли, графиня? — возразил Келсон. — Возможно, вы просто хотите рискнуть своей жизнью и силой и проверить, так ли это. Но я предупреждаю вас. Если вы вынудите меня показать мою силу, пощады я вам не обещаю.

— Пощады для Голубой от тебя, Келсон? Нет, думаю, сын Бриона блефует, и я утверждаю, что это блеф.

Она отступила на несколько шагов, подняла руки, и мгновенно позади нее вспыхнул полукруг бледно-голубого огня.

— Ну, Келсон, замкнешь ты круг и сразишься со мной, как велит древний обычай, или мне просто поразить тебя на месте своей магией? Что скажешь?

Келсон некоторое время презрительно смотрел на нее; затем кивнул в знак согласия, передал скипетр камергеру и спустился в трансепт. Одним плавным движением он поднял руки, и красная мантия заструилась с его плеч.

Позади него вспыхнул темно-малиновый огненный полукруг, концы которого приблизились к концам голубого.

Голубая снисходительно кивнула и произнесла начало заклинания:

Заклинаю Огнем, Землей и Водой
И Воздухом — да оставят сей круг
Все силы. Он чист. И никто живой
В него не войдет, ни враг и ни друг.

Морган с силой дернул Дункана за рукав.

— Дункан! Понимает ли он, что происходит? Если он завершит заклинание, круг замкнется, и его не разорвать, пока кто-то из них не утратит всю силу.

— Не знаю, Аларик. Но если он завершит заклинание, значит, он владеет магией Бриона. Ведь Келсона этому не учили.

И Келсон ответил:

Застыло Пространство, и Время стоит.
Никто не покинет круга, доколе
Здесь двое. И кто из двоих победит,
Тот круг разомкнет и выйдет на волю.

Келсон умолк, и оба полукруга соединились, вспыхнув единым фиолетовым пламенем; соперники оказались замкнутыми в тридцатифутовом пространстве, где им предстояло сразиться.

— Как вызванный, ты имеешь право первого удара, умненький мой короленок.

Келсон отказался от своего права, и глаза колдуньи чуть расширились, однако, она, похоже, ожидала этого, ибо кивнула одобрительно и, сложив ладони, вытянула перед собой руки. Затем, что-то неразборчиво бормоча, развела их в стороны, и в пространстве меж ее ладонями засветилась голубая сфера.

Сфера начала расти и вскоре, достигнув размеров человека, приняла форму воина в полных доспехах, с голубым щитом в одной руке и блистающим мечом в другой. Воин этот, излучавший голубое сияние, огляделся, увидел принца и двинулся к нему.

Келсон размышлял не долее секунды; он возложил правую руку на левую и вытащил из сжатого кулака сияющий малиновый меч. И когда голубой воин приблизился, из левой руки Келсона вылетела молния и разбила голубой меч, а сам Келсон отрубил воину голову. Тот с глухим стуком рухнул на пол и растаял, как растаяло и оружие Келсона.

Голубая колдунья в досаде сжала кулаки, но тут же принялась творить новое заклинание, и люди в церкви тревожно зашептались, боясь за своего отважного молодого короля.

Дитя Дагона, любимец Баэла,
Повинуйся зову, услышь приказ:
Я заклинаю Сына Мрака
Явиться ко мне сейчас.

Приди, порази тщеславного принца,
Да найдет он погибель в твоем огне.
И власть, что он захватил незаконно,
Верни Голубой колдунье — мне.

Когда она умолкла, раздался грохот, и перед нею в воздухе начал сгущаться черный дым, принимая форму какого-то крупного призрачного существа, похожего на человека, но с чешуйчатой кожей и огромными когтями и зубами. Оно стояло в центре круга, моргая глазами, когда Келсон начал читать свое заклинание:

Властитель Света, блеск и сиянье,
Услышь слугу своего
И помоги защитить народ,
Королем признавший его.

Дай мне силы очистить круг,
Сразить порожденье зла
И вернуть его в ад, откуда к нам
Голубая его призвала.

Адская тварь ринулась к нему, разинув зубастую пасть, изрыгавшую голубое пламя, но Келсон уже дочитал заклинание. И пальцем, на котором горел рубин, он резким движением указал в пол в нескольких ярдах от морды чудовища.

В этот самый момент солнце выглянуло из-за облаков, лучи его пробились сквозь высокое витражное окно, и на пол, в то самое место, куда указал Келсон, легло вдруг яркое, многоцветное пятно. Адская тварь вбежала в него и тут же вспыхнула голубым огнем, задымилась, и все зрители дружно ахнули. Она визжала и корчилась в агонии, но никак не могла вырваться из светового пятна, которое словно сжигало ее плоть. Наконец она, завертевшись, рухнула со страшным криком, протянула к Голубой лапу, словно обвиняя ее, и затихла. Затем чудовище исчезло, растаяли последние струйки едкого голубого дыма, и на полу, где оно лежало, остались лишь играющие красные и золотые блики.

Келсон опустил руку, зловеще сверкнул Огненный перстень на его пальце, и в тот же миг солнце снова скрылось за облаками. По церкви, тихий, как журчание ручейка, пронесся вздох облегчения, а Келсон посмотрел на свою соперницу, и глаза его ярко блеснули.

Теперь, колдунья, хватит нам играть,
Я не желаю больше расточать
Тебе в угоду силы, что даны
Мне для защиты собственной страны.

Я в свой черед назначу испытанье —
Огонь рассудит наши притязанья.
Кто устоит пред огненной стеной,
Тот будет править этою страной.

Он вытянул руку с перстнем в сторону своего злейшего врага, и колдунья приняла его вызов со всей своей неукротимой гордостью. В тот же миг ее половина круга заволоклась голубым туманом, а его — малиновым, и там, где проходил раздел, запылала полоса фиолетового огня. Полоса эта, пока оба мага нащупывали слабые места противника, неистово колебалась, но уже через несколько мгновений начала неумолимо продвигаться к Голубой.

Та стала медленно пятиться, дюйм за дюймом, пытаясь сохранить свои позиции, но вскоре натолкнулась спиной на непроницаемую границу круга. Тихо вскрикнув, она оглянулась, потом упала на колени и, когда сила Келсона поглотила остатки ее силы, закрыла голову руками.

На мгновение весь магический круг заполнился малиновым туманом, а потом его не стало. Лишь всхлипывала, скорчившись на полу, женщина, теперь простая смертная, а на нее смотрел юный король, ошеломленный своей первой победой.

Затем Келсон медленно опустил руку и с бесстрастным лицом обратился к солдатам Голубой колдуньи.

— Кто из вас командир?

Под его твердым взглядом они замялись, потом вперед выступил один, в мундире лейтенанта, и почтительно поклонился.

— Я, милорд, — он неуверенно глянул на свою бывшую госпожу и продолжил: — Мое имя — Бреннан де Колфорт, и я отказываюсь от клятвы верности, которую давал Голубой. Я клянусь, что никогда не стану причинять вам зла, и прошу простить меня и моих людей.

— Вероломный пес! — выплюнула Голубая, вскакивая. — Как ты смеешь?

— Тише, — сказал Келсон и повернулся к своему Поборнику. — Морган, что вы скажете?

Тот поднялся на ноги и, поддерживаемый Дунканом, подошел к принцу.

— Это небольшой, но знатный род из северного Ланспера, мой принц. Древний и гордый.

— А вы, святой отец?

— Я не слышал, чтобы де Колфорты изменяли своей клятве, мой принц, — ответил Дункан.

— Что ж, хорошо. Я делаю вам следующее предложение, Де Колфорт: я прощу вас и тех из ваших людей, кто пожелает принести мне клятву верности, с одним условием — вы сопроводите Голубую в Шепару, в изгнание, затем возвратитесь в свои земли и никогда не станете досаждать более мне и моим подданным.

Де Колфорт упал на одно колено и отсалютовал, подняв к груди сжатый кулак в латной рукавице.

— Со всем смирением принимаю прощение вашего величества и клянусь по мере моих сил всегда соблюдать условия этого прощения.

Остальные солдаты тоже, пав на колени, отсалютовали королю. Пока они поднимались на ноги, в соборе стояла тишина, а потом раздался чей-то крик:

— Долгие лета королю Келсону!

И крик этот подхватили сотни сотен голосов.

Архиепископ и духовные лица, а затем Поборник и лорды королевства опустились на колени и принесли клятву верности новому королю. И когда Келсон в сопровождении своей свиты собрался выходить из собора, солнце вдруг снова пробилось сквозь витраж, и у ног короля на пол легло разноцветное сверкающее пятно. Все замерли. Келсон же, бросив беспечный взгляд на окно, улыбнулся и вступил в это пятно; в солнечном свете вспыхнули пламенем драгоценности его одеяния, и под ликующие крики он вышел из собора, дабы показаться своему народу.

Краткое изложение трилогии «ХРОНИКИ ДЕРИНИ»

Развивая концепцию Дерини, я написала для представления следующий одностраничный синопсис первой трилогии из серии Дерини.

«Возрождение Дерини» — первый роман из трилогии, посвященной Дерини — древней расе почти бессмертных колдунов, метафизиков, плохо разбиравшихся в человеческих делах, чье существование было одновременно проклятием и благословением для всех Одиннадцати королевств.

В *«Возрождении Дерини»* рассказывается, как Келсону Халдейну удалось овладеть магической силой своего отца и победить Кариссу, злую колдунью Дерини. Книга эта, что еще важнее, знакомит нас с центральным персонажем всех трех романов, Алариком Морганом — любимым другом Бриона, отца Келсона. Таланты генерала Моргана, полукровки-Дерини, имеют решающее значение для процесса возрождения Дерини. Еще в книге представлен родственник Моргана, священник Дункан Мак-Лайн, также полукровка-Дерини.

«Шахматная партия Дерини», второй роман, рассказывает, как складывалась социально-политическая атмосфера в Одиннадцати Королевствах сразу после коронации Келсона. Воспоминания Моргана о его долгой дружбе с Брионом; ожидавшийся, но несостоявшийся брак сестры Моргана Бронвин с братом Дункана Кевином; выступление Курии епископов против Моргана и Дункана; беспорядки в герцогстве Моргана, где мародерствует воинствующий ненавистник Дерини — все это, вместе взятое, подготавливает нас к новому конфликту между людьми и Дерини, о котором повествуется в третьей книге.

Третья же книга рассказывает о войне людей и Дерини и о том, как разрешается большинство конфликтов.

В проекте существуют и следующие романы, если эта трилогия будет иметь успех.

План романа «Возрождение Дерини»

План этот я составила, предлагая для издания первую трилогию, наметив в нем предполагаемое развитие событий романа «Возрождение Дерини». Придирчивый читатель может сравнить его с уже написанным романом, который отличается, впрочем, только большей развернутостью и детализированностью сцен.

Глава 1

Властитель далекого Гвиннеда, Брион Халдейн охотится в окрестностях города Ремута вместе со своим тринадцатилетним сыном Келсоном и небольшой свитой. Во время охоты Брион уединяется с Келсоном, чтобы поговорить о главном генерале Бриона, Моргане, ныне отсутствующем, и обсудить последние неприятные события, связанные с Кариссой, Сумеречной колдуньей из древней расы Дерини. Сам Брион, хотя он и не Дерини, обладает магической силой, благодаря которой правит своим королевством уже более пятнадцати лет — силой, что когда-нибудь перейдет к Келсону. Он просит Келсона обязательно послать за Морганом, если с ним, Брионом, что-нибудь случится, затем они вновь присоединяются к охотникам. Брион выпивает поднесенное ему отравленное вино, не зная об этом, и охота продолжается.

Лорд Ян отстает от остальных и едет в восточную сторону, где встречается с Кариссой. Они обсуждают свой план убить Бриона этим утром и отнять у Келсона королевство. Карисса хочет одновременно помериться силой с Брионом и отомстить, ибо пятнадцать лет назад Морган помог Бриону овладеть силой и убить ее отца — Морган, полукровка-Дерини, предал, по ее мнению, свое магическое наследство. Келсона она собирается пока пощадить, но лишь для того, чтобы завлечь и убить Моргана.

Ян возвращается к охотникам, и собаки теряют след. Келсон скачет вперед узнать, что произошло, а с Брионом тем временем случается что-то похожее на сердечный приступ. Когда Келсон подъезжает к нему, у Бриона едва хватает сил прошептать: «Помни...», после чего он умирает. Келсон посылает за генералом

Морганом.

Глава 2

Морган поспешно возвращается в Ремут и приезжает накануне дня коронации. По дороге его пытаются задержать, устроив засаду, и единственные, кому удается вырваться живыми, это Морган и его оруженосец лорд Дерри.

Приезд Моргана вызывает смятение. Его, как Дерини, и без того уже подозревали во всех грехах, а теперь, благодаря происка Кариссы, его считают еще и предателем. Рассказ о том, как погибла его свита, только добавляет масла в огонь. Морган даже теряет из-за этого одного из своих сторонников в Регентском совете.

Принц Нигель, брат покойного Бриона, уводит Моргана в сад, чтобы встретиться там с Келсоном, и предупреждает его по дороге, что королева Джехана в заговоре против него. Королева хочет, чтобы Келсон занял трон Гвиннеда, не пользуясь сверхъестественной силой его отца, ибо считает эту силу злом. Она собирается обвинить Моргана перед Советом в ереси и государственной измене. Нигель соглашается переговорить с королевой, чтобы задержать ее на время. Но в конечном счете судьба Моргана зависит от личной способности Келсона повлиять на итоги голосования в Совете.

Морган в ожидании Келсона размышляет об истории Дерини, вспоминая начало своей вражды с Джеханой. Мальчик приходит с Кевином Мак-Лайном, затем они с Морганом удаляются в глубину сада обсудить свою стратегию.

Кевин возвращается в зал и рассказывает Дерри о происках против Моргана. Наказание за ересь и государственную измену — смерть.

Глава 3

Джехана в своих покоях обдумывает свои планы насчет Моргана. К ней приходит Нигель, и ему удается убедить ее, что причиной смерти Бриона был вовсе не сердечный приступ. Тем не менее Джехана не желает идти навстречу, она еще более укрепляется во мнении, что Келсон должен править как простой смертный, не пользуясь темной силой отца. Ведь Бриона не спасла эта сила. Джехана посылает за Келсоном и уходит на собрание Совета.

Морган и Келсон разговаривают в саду о Келсоне и его монаршем воспитании, а также о враждебном отношении его

матери к Дерини. В нескольких дюймах от руки Келсона вдруг выползает Стенрект, смертельно опасное магическое чудовище. Морган его убивает. Но издали его действия выглядят как покушение на убийство. Стража не арестовывает Моргана только благодаря вмешательству Келсона.

Они не решаются долее оставаться в саду. Слишком много надо успеть сделать, прежде чем Моргана вызовут на Совет, а это, по его мнению, произойдет обязательно. Они смогут поговорить спокойно в королевской базилике св. Хилари, где их ждет Дункан, кузен Моргана.

Попытка Нигеля задержать начало заседания Совета проваливается. Джехана, не дождавшись Келсона, объявляет собрание открытым и приступает к рассмотрению дела против Моргана.

Глава 4

Морган и Келсон встречаются со священником Дунканом, кузеном Моргана и тоже полукровкой-Дерини, у него в кабинете. Морган дает ему свою печатку с Грифоном, которая открывает потайное отделение в главном алтаре. Дункан вскоре возвращается с плоской черной коробочкой примерно в шесть квадратных дюймов. Внутри нее — сложенный листок пергамента, исписанный рукой Бриона, и еще одна коробочка, которая не открывается. Пергамент гласит:

Когда стремнину сын мой повернет?
Глашатай вечности укажет ход
Клинку Владыки Мрака, кровь прольется,
И Глаз Цыгана кровью той сверкнет.

Той кровью Перстень Огненный взращен.
Но бойся, если Демон возмущен —
Коль чистого кольца коснется скверна,
Твою предерзость покарает он.

Но Глаз Цыгана заблестит, едва
Настанет час Малинового Льва.
Шуйца не дрогнет, львиный Клык вонзиться
Назначен в плоть, чтоб власти дать права.

Насытят жажду Глаз, Кольцо и Лев,
И будет успокоен мощный гнев.
Защитник власть твою скрепит печатью,

Ты воцаришься, тьму смирить сумев.

Огненный Перстень находится у Моргана. Но Глаз Цыгана — серьга с рубином — похоронен вместе с Брионом. Они должны вскрыть гробницу Бриона, чтобы достать его.

В это время прибывает архиепископ Лорис, ярый преследователь Дерини, с отрядом королевской стражи, чтобы арестовать Моргана.

Все трое решают пойти в склеп ночью. Морган успокаивает Келсона, затем сдается Лорису. Лорис показывает ему предписание, обязывающее Моргана предстать перед Советом и ответить на обвинения в ереси и государственной измене.

Глава 5

В Совете, когда туда являются Келсон и Морган, царит переполох. Келсон занимает свое место во главе стола и призывает всех к тишине. Когда он приказывает положить перед собой на стол меч Моргана, он замечает одно пустующее в Совете место. Джехана, не тратя времени, объявляет результаты голосования; шесть голосов против Моргана, пять — за. Морган обречен.

Келсон приказывает прочесть формальные обвинения против Моргана. Когда чиновник заканчивает чтение, колокола базилики и собора звонят три часа. Келсон заявляет, что, прежде чем продолжить, он заполнит свободное место в Совете: на него назначается лорд Дерри. Дерри голосует за оправдание Моргана, и при новом подсчете голосов Морган оправдан восемью голосами против семи.

Джехана заявляет, что Келсон не имеет права назначать Дерри без одобрения Регентов. Келсон возражает, что в одобрении он больше не нуждается, поскольку Совет перестал быть Регентским. Звон колоколов возвестил совершеннолетие Келсона. Пусть все потрудятся вспомнить, что это был час его рождения, из-за чего, в частности, коронация и перенесена на завтра. Совет закрывается.

Келсон разрезает путы Моргана, возвращает ему меч и выходит из зала с ним и с Дерри, оставив советников в ошеломлении.

Глава 6

Покинув зал совета, Морган посылает Дерри сказать Дункану,

что все обошлось. Морган и Келсон отдыхают до вечера в покоях Келсона. Дерри, выполнив поручение, их охраняет.

Ян озабочен успехом блистательного маневра Келсона на Совете. Он выбирает стражника в одном из малолюдных коридоров и с помощью магии использует его как медиума, чтобы вступить в контакт с Кариссой. Он рассказывает ей о поражении Совета, и они вырабатывают новый план. Ян убивает стражника и его кровью чертит рядом на полу грифона. Когда он через некоторое время помогает рыцарям Моргана обнаружить тело, они уже не сомневаются, что их лорд не только изменник, но еще и убийца.

Глава 7

Морган просыпается вскоре после наступления темноты. С помощью набора белых и черных кубиков он выстраивает Великую Опеку для охраны спящего Келсона, а сам уходит в библиотеку Бриона поискать разгадку ритуального стихотворения. Мальчик просыпается, когда Морган ставит опеку и хочет пойти с ним, но тот снова погружает Келсона в сон магическим прикосновением Дерини.

Поиски в библиотеке ничего не дают. Уставший Морган, используя печать Грифона, как фокус для концентрации, медитирует о возможном смысле стихотворения. На краткое мгновение ему является видение. Это — мужское лицо, обрамленное черным, вызывающее одновременно тревожащее и утешающее ощущение. Затем все исчезает.

Морган быстро оглядывается, но вокруг никого нет. Он снова подходит к полкам. На этот раз зачитанный томик открывается в его руках в месте, где вложен исписанный рукой Бриона листок пергамента. Но в дрожь Моргана бросает не запись, а портрет на странице. Ибо лицо изображенного на нем святого Камбера Кулдского — это то самое лицо, что ему привиделось. Святой Камбер — лорд из древней расы Дерини.

Морган прочитывает записи Бриона, затем рассеянно кладет пергамент в карман. Захлопывая книгу, он слышит, как тихо открывается позади него дверь, и, повернувшись, видит Кариссу, которая крадучись входит в комнату. Морган окликает ее, она делает вид, что не испугалась, и они обмениваются несколькими любезными репликами со скрытой в них угрозой. Наконец Карисса хвастается, что «заглянула в душу» Келсона и смеется, глядя на Моргана, который сразу же выбегает из комнаты. Потом она открывает книгу, которую читал Морган, и раздраженно перелистывает страницы.

Глава 8

Морган сразу же возвращается в покои Келсона, но с мальчиком все в порядке. Морган снимает опеку и будит его. Потайным ходом они пробираются в аббатство Св. Хилари, но о своем странном видении Морган не упоминает.

Дункан показывает им древний Переносящий Ход Дерини, ведущий в собор, где лежит тело Бриона. Идя впереди, чтобы удостовериться, что путь свободен, он натыкается на брата Джерома, старого полуслепого ризничего. Дункан усыпляет подозрения монаха, отсылает его, силой Дерини заставив забыть о встрече, затем проводит через Ход Моргана и Келсона.

Чтобы заставить молчать двух стражников перед королевским склепом, Морган и Дункан вновь используют силы Дерини. Когда Морган открывает замок на воротах, появляется лорд Роджер, он проверяет стражу. Дункан усыпляет его, и все трое заходят в склеп. Келсон показывает, где гробница Бриона, подносит поближе канделябр, чтобы Морган и Дункан могли открыть крышку гроба. После некоторого колебания Морган стягивает с лица покойника белый шелковый саван. Это не Брион!

Глава 9

В гробу совершенно незнакомый человек. После возбужденных переговоров Дункан предполагает, что тело Бриона все-таки находится в склепе, только его поменяли местами с другим покойником. Они приступают было к неприятной процедуре вскрывания других гробниц, но Морган вдруг бросается обратно к первой и зовет остальных. Он утверждает, что это — Брион, только облик его изменен чарами. Дункан, снимая эти чары, сам переживает смерть Бриона, но вот он освобождает последнюю сущность, и тело предстает в своем истинном виде.

Морган забирает Глаз Цыгана, теперь у них есть все для передачи силы: Глаз Цыгана, Огненный Перстень и коробочка с Малиновым Львом. Морган прокалывает Келсону мочку правого уха и «поит» Глаз и Перстень его кровью. Затем Келсон, уже с Глазом Цыгана в ухе, открывает коробочку и вынимает большую брошь малиновой эмали с золотым львом. Они разгадывают почти все ритуальное стихотворение, но вновь заходят в тупик: у Льва нет зубов!

Глава 10

Дункан перечитывает стихотворение. Конечно: в таком деле обязан быть вызов, препятствие, необходимость проявить отвагу. Зубы Льва — это застежка броши, три дюйма блестящего золота. Она-то и должна «вонзиться в плоть, чтоб власти дать права».

Морган и Дункан оставляют мальчика, чтобы тот приготовился. Морган встревожен, еще и по той причине, что Дункан хочет использовать для ритуала потайную часовню, примыкающую к кабинету — часовня эта посвящена, среди других святых, и святому Камберу. Морган рассказывает Дункану о своем видении, о найденном после этого в книге пергаменте — тут он вспоминает, что запись у него в кармане. Достает, и они читают: «Святой Камбер защитит нас!»

Дункан колеблется, ибо хорошо знает, и как священник, и как Дерини, сколь хрупко равновесие между добром и злом. Церковь давно отменила канонизацию Камбера. Но выбора у них нет, они должны продолжить начатое. Не имея силы своего отца, Келсон погибнет наверняка.

Они возвращаются к Келсону и входят в часовню. Морган и Келсон отцепляют мечи, встают на колени, и Дункан начинает ритуал. В соответствующий момент Келсон вонзает золотую иглу в ладонь левой руки. Он испытывает головокружение, видит свечение вокруг себя, видит еще что-то и теряет сознание. Передача силы удалась, но Келсон не может пользоваться ею, пока ритуал не будет завершен завтра во время коронации.

Морган и Дункан поднимают потерявшего сознание Келсона и возвращаются в его покои. Когда Дункан закрывает за собой потайной ход, в темной комнате раздается крик: «Изменники! Богохульники! Что вы сделали с принцем Келсоном?» И на Дункана с Морганом внезапно нападают три вооруженных рыцаря.

Глава 11

Дункан бросает Моргану меч, тот ловит его и опускает бесчувственного Келсона на пол. В дверь стучат стражники, но они с Дунканом сражаются с тремя рыцарями. Дункан убивает своего противника и силой Дерини одолевает одного из тех, с кем бьется Морган. Морган разоружает третьего и магией заставляет его забыть о Дункане, священник тем временем прячется на балконе. Тут Келсон, с трудом поднявшись на ноги, подбирает брошенный меч Дункана, и в комнату наконец врывается стража.

Пленник, один из вассалов Моргана, рассказывает, как он с товарищами нашел убитого стражника, который успел перед смертью нарисовать своей кровью грифона. Стражники

собираются схватить Моргана, но Келсон запрещает.

Морган не мог убить стражника, поскольку все время был с Келсоном. Когда рыцаря спрашивают, как он нашел тело, тот отвечает, что им «просто случилось пройти мимо». Кто-нибудь рассказал им о нем? — настаивает Келсон, чувствуя, что близок к разгадке тайного сговора.

Но рыцарь в страхе выхватывает у одного из стражников кинжал и вонзает себе в грудь, прежде чем кто-то успевает его остановить. Келсон приказывает убрать тела убитых. Морган выходит проверить, что случилось со стражей перед дверями. Все они убиты или умирают, и среди них — Дерри, тоже умирающий.

Морган, стоя в отчаянии на коленях возле Дерри, вспоминает кое-что из прочитанного о Дерини. Он кладет обе руки на лоб Дерри и снова концентрируется на печати Грифона, пытаясь призвать исцеляющую силу, которой Дерини, как считалось, обладали. Сразу же ему кажется, что поверх его рук легли чьи-то другие. Глаза Дерри закрываются, он засыпает, а его раны оказываются совершенно исцеленными.

Морган с недоверием смотрит на свои руки и вдруг слышит голос за спиной: «Неплохо сработано, Морган!»

Глава 12

Морган резко оборачивается, почти готовый снова увидеть привидевшееся ему лицо. Но это Брэн Корис, который подошел к нему в сопровождении Эвана, Нигеля, Яна и совершенно разъяренной Джеханы.

— О, да! И впрямь неплохо сработано! — продолжает Брэн. — В конце концов вы и его убили, не так ли? Теперь из тех, кто знал, что на самом деле произошло с вами по пути в Ремут, в живых остались только вы?

— Сожалею, что должен вас разочаровать, но он жив, — отвечает Морган, поручая Дерри заботам подоспевших лекарей.

Джехана обвиняет Моргана в убийстве стражника, но не смеет ничего против него предпринять. Она умолкает, когда в дверях появляется осунувшийся и усталый Келсон и приказывает всем разойтись. Ян, исчезая в коридоре, оглядывается на Моргана и зовет одного из стражников пойти с ним.

Когда дверь закрывается и Дункан может наконец выйти из укрытия, Келсон падает без сил. Морган с Дунканом укладывают его в постель, он ненадолго приходит в себя и бормочет, что видел некие лица во время ритуала.

Когда он снова засыпает, Морган подходит к камину и отыскивает среди книг Келсона портрет святого Камбера. Именно

это лицо, утверждает он, и видел Келсон. И это же лицо являлось ему самому. Потом он рассказывает Дункану об исцелении Дерри, и они пытаются понять, не действовал ли во всех трех случаях один и тот же посредник.

Дункан говорит, что Келсон все-таки имеет некоторые скрытые полезные таланты: Морган правильно сделал, научив его технике чтения правды, что мальчик и использовал со стражником. Морган возражает: он не учил Келсона, он думал, что это сделал Дункан. Вопрос: может ли Келсон быть Дерини? Если никто из Дерини его не учил, он просто не мог этого знать, это невероятно. Но если он сам Дерини? Брион, они знают, был просто человеком. А Джехана... Хадасса! Если Джехана — Дерини и не знает об этом или только подозревает, ее враждебность может легко объясняться.

Предположения: кровь Дерини может дать столь необходимое Келсону преимущество перед Кариссой, особенно если передача силы по какой-то причине не завершится. С другой стороны, противодействие Джеханы становится гораздо более непредсказуемым. После этого печального вывода Дункан уходит, а Морган устраивается немного отдохнуть.

Ян в своих покоях, захватив еще одного стражника, снова связывается с Кариссой.

— Он был в склепе, — говорит ей Ян, — Глаз Цыгана теперь у него. Но больше этого никто не заметил.

— Хорошо, — отвечает Карисса. — В таком случае иди в собор. Ты знаешь, что делать.

Ян стирает память стражника о происшедшем и отсылает его восвояси, затем ускользает из дворца, чтобы выполнить приказ. Потом он приходит в покои Кариссы, где остается до утра.

Глава 13

На следующее утро Келсоном завладевают постельничьи, дабы одеть его для коронации. Дерри, вполне оправившийся, помогает Моргану завершить последние мелкие приготовления. Ян перехватывает по дороге слугу, который несет костюм для Моргана и подменяет цепь — знак должности — на другую, которая передает теперь информацию Кариссе.

Дункан приходит и сообщает Моргану, что он назначен Королевским Поборником — великая честь, но и великая ответственность, если во время коронации будет брошен и физический, а не только магический вызов.

Келсон появляется при всех коронационных регалиях и поздравляет Моргана с его новым титулом. Они с Дунканом

уединяются на балконе, где Келсон исповедуется, а священник убеждает его в том, что он вполне достоин королевского сана.

Морган надевает костюм и аксессуары Королевского Поборника, не подозревая, что его цепочка передает сейчас Сумеречной все, что он говорит и делает.

Приходит потрясенный Нигель и рассказывает о том, что возле королевского склепа утром были обнаружены следы ужасного побоища. Ночью кто-то забрался в гробницу Бриона и украл с тела драгоценности. У двух стражников перерезано горло, убит и Роджер, на мертвом лице которого застыло выражение страха. Одной рукой он успел только схватиться за кинжал, а в другой его руке было зажато позолоченное распятие. Это распятие Дункана.

Глава 14

Никто не успевает ничего сказать, как в комнату врывается разъяренная из-за нового убийства Джехана, ибо Роджер был их дальним родственником. Она уже знает о роковом распятии и предъявляет его Дункану. Но гнев ее сменяется холодной яростью, когда она замечает в ухе Келсоне сверкающий Глаз Цыгана. Ибо понимает, что он взят из могилы Бриона.

— Чудовище! — кричит она. — Ты осквернил могилу своего отца, ради власти ты стал убийцей! О, Келсон, посмотри, до чего довел тебя этот проклятый Дерини!

Она клянется, что не придет на коронацию. Морган понимает, что все объяснения бесполезны, поэтому выдвигает ультиматум: или Джехана придет на коронацию, или он заглянет сейчас в ее разум, чтобы подтвердить свое предположение о том, что она — Дерини. Джехана в ужасе, но угроза действует: она подозревает о своем происхождении, хотя и не желает его признавать. Она неохотно уступает, тем не менее с ней следует держаться настороже. Все собираются на процессию в собор.

Карисса наблюдает за раздором с интересом и тоже начинает собираться в собор. По дороге она предупреждает Яна о новой потенциальной опасности со стороны Джеханы. Заодно она обдумывает свои планы насчет Моргана и Келсона — и вероломного Яна.

Процессия прибывает к собору. Участники занимают свои места, Дерри ведет наблюдение с колокольни, и три архиепископа вводят Келсона в собор, чтобы приступить к церемонии.

Келсон произносит коронационную клятву. Тут появляется Дерри с известием, что приближается Карисса с отрядом

вооруженных солдат. Главный архиепископ облекает Келсона символами сана — Огненным Перстнем и Мечом Державы. Морган передает Меч, и Келсон касается украдкой его печати Грифона, чтобы исполнить последнее условие ритуального стихотворения.

Но ничего не происходит. Грифон Моргана — не печать Защитника. Дверь собора распахивается, и на пороге появляется силуэт Кариссы.

Глава 15

Пока Морган и Дункан безнадежно ломают голову, что же это за печать, о которой говорят стихи, Карисса со своей свитой проходит в придел. Она запрещает продолжать коронацию и вызывает Келсона на смертный поединок за власть над Гвиннедом.

Келсон знает, что Карисса желает магического поединка, но делает вид, что понимает ее вызов, как традиционное испытание. Он называет своим Поборником Моргана, а Карисса — Яна. Они сражаются, пока Морган не наносит Яну смертельную рану. Но тот, умирая, успевает метнуть в Моргана кинжал. Моргану мешает увернуться цепь, знак его должности, и кинжал ранит его в плечо. Он освобождается от цепи, но поздно.

Дуэль ничего не решает. Карисса повторяет свой вызов, требуя магического испытания согласно древнему обычаю. Келсон колеблется, и тогда вперед бросается Джехана.

Всей своей внезапно высвободившейся силой Дерини ведомая отчаянием мать, желающая спасти сына любой ценой, наносит удар Кариссе. Но Карисса этого ожидала. К тому же Джехана не умеет управлять своей силой. Карисса пытается ее убить, но Морган и Дункан успевают защитить королеву своей магией. Следствие: Джехана заключена в силовое поле Дерини — поле, которое может разрушить только воля Кариссы или ее смерть.

Карисса вновь обретает самообладание и смеется над Келсоном. Подойдет ли он, вступит ли в честный поединок или же ей придется убить его на месте без всякого боя? Времени на размышления у Келсона нет.

Глава 16

Келсон в смятении. Он — наполовину Дерини! Может ли это помочь ему получить силу, которая так нужна? Он машинально потирает Огненный Перстень, не зная, что делать, и тут взгляд его падает на мраморные плиты пола в трансепте, где ждет

Карисса. На этих плитах вырезаны имена многих святых и где-то там... есть! Слева на плите — имя святого Камбера, которого когда-то называли Защитником Людей. Вдруг это та самая Печать Защитника, о которой говорят стихи?

Это его последняя надежда. Но для того, чтобы остаться в живых, Келсон должен сейчас вести себя так, словно уже обладает силой Бриона, он должен верить, что получит ее, ступив на печать. Сохраняя внешнее спокойствие, Келсон спускается навстречу Кариссе. Дункан и раненый Морган, глядя на него, осознают весь риск, на который он идет. Но когда мальчик становится на печать, как будто ничего не происходит. Карисса начинает читать заклинание, которое Келсон должен закончить. И когда Келсон поднимает руки, в воздухе слышится потрескивание. Процесс передачи силы завершен!

Начинается поединок, ряд заклинаний и ответов на них, противники ищут друг у друга слабые места. Морган, быстро слабеющий от своей раны, пытается вновь призвать исцеляющую силу Дерини, которая помогла ему спасти Дерри.

Келсон до времени сдерживает свою силу. Но тут Карисса вызывает создание тьмы, на которое магия Келсона как будто не действует. Он читает ответное заклинание, но чудовище угрожающе ревет, разинув пасть, и продолжает приближаться к нему.

Глава 17

Дочитав заклинание, Келсон указывает на чудовище. В этот момент сквозь высокое витражное окно пробивается солнце, и на полу перед Келсоном появляется разноцветное световое пятно. Чудовище входит в него, начинает корчиться, яростно визжать — и обращается в дым. Это прорыв, которого ждал Келсон. И теперь он вызывает Кариссу на последнее состязание, накладывая на обоих чары, которые не могут быть сняты, пока один из них не умрет. Карисса принимает вызов. Келсон побеждает Сумеречную. Со смертью Кариссы Джехана освобождается от чар. Она смотрит на Келсона, который поднимается к алтарю, с благоговением и гордостью. Морган, уже исцелившийся, встает ему навстречу, и Дункан выносит Корону Гвиннеда. Все встают на колени, и три архиепископа, подняв корону, читают коронационную молитву.

Но только Дерини, находящиеся в соборе, видят, что корону поддерживает еще и четвертая фигура — высокий светловолосый человек в сверкающих золотых одеждах древних лордов Дерини. Молитва, которую произносит он, немного отличается от молитвы архиепископов. В Келсоне Халдейне наконец-то явлен

миру единый король для людей и Дерини — впервые за триста лет! Келсон коронован, призрак исчезает, и Морган опускается на колени в знак почтения к новому королю. Остальные лорды следуют его примеру. Когда выстраивается процессия для выхода из собора, сквозь витраж снова пробивается солнце, и к ногам Келсона ложится световое пятно. Все присутствующие испуганно замирают, поскольку это пятно прежде таило в себе смерть. Но Келсон вступает в него с беспечной улыбкой.

Смерти в нем больше нет. В лучах света драгоценности Келсона вспыхивают огнем, корона его сверкает ярче солнца.

И под ликующие крики он и его верные друзья выходят из собора, дабы подданные Келсона увидели своего нового короля.